Пров. 1848 г.
1986

ИСТОРІЯ КОДИФИКАЦІИ

ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА

ВЪ РОССІИ.

«Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій именно въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя: онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо—то ему и нравится, что̀ разумно—то ему и подавай, а откуда оно идетъ—ему все равно».

Тургеневъ, Хорь и Калинычъ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1898.

СПбГУ
Институт им. А. Крыленко

Печатано по опредѣленію Юридическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета 18 сентября 1898 года.

Деканъ *Г. Дормидонтовъ.*

СПбГУ

§ 1. **Древнѣйшій періодъ.** Въ тотъ моментъ, когда исторія застаетъ восточныхъ славянъ, они живутъ родовымъ бытомъ. „Поляномъ же живущимъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ“ (П. С. Р. Л. изд. 1846, т. I, стр. 4). Нѣтъ никакого основанія не довѣрять лѣтописцу или предполагать, что со словомъ „родъ“ у него соединялось иное представленіе, чѣмъ у насъ. Эта масса политически самостоятельныхъ единицъ должна была находиться въ постоянныхъ враждебныхъ другъ другу отношеніяхъ. „И не бѣ въ нихъ правды и въста родъ на родъ быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся“. (П. С. Р. Л. т. I, стр. 8). Потребность въ посредникѣ, который бы примирялъ взаимные интересы родовъ и въ то же время обладалъ бы достаточною силою, чтобы заставить самый сильный родъ подчиниться его рѣшенію, и побудила въ концѣ концовъ обратиться къ чужеземнымъ варягамъ. Примѣръ не единственный въ исторіи.

При политической обособленности славянъ ихъ раздѣляла еще, благодаря разнымъ условіямъ жизни и соприкосновеніямъ, и культурная разобщенность. „Имяху же обычаи свои законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ“ (П. С. Р. Л. т. I стр. 6). Лѣтописецъ особенно подчеркиваетъ культурное различіе между полянами и древлянами. Благодаря огромному пространству, занятому рѣдкимъ населеніемъ, правила общежитія, необходимыя въ каждой общественной группѣ, должны были быть весьма разнообразны. Только общность происхожденія, гдѣ она не успѣла еще стереться въ памяти, и взаимныя встрѣчи, мирныя или враждебныя, могли поддерживать нѣкоторое единство въ этихъ правилахъ.

Въ виду указанныхъ политическихъ и культурныхъ условій, нормы права, если признать ихъ уже нѣсколько выдѣ-

лившимися къ этому времени изъ правилъ общежитія, могли имѣть силу только въ предѣлахъ каждаго племени, а можетъ быть и рода. Отсюда совершенная неправдоподобность предположенія о существованіи какого то кодекса, содержавшаго въ себѣ общеславянское право.

Общее всѣмъ родамъ правило общежитія, поддерживавшее до нѣкоторой степени порядокъ во взаимныхъ отношеніяхъ — это обязанность мести со стороны всѣхъ родичей убитаго или оскорбленнаго виновнику и даже всѣмъ его родичамъ. Хотя некультурный человѣкъ вообще мало предусмотрителенъ и легко поддается первому побужденію, но опасеніе неминуемаго мщенія должно было нерѣдко удерживать готовящееся насиліе. Недостаточность этого охранительнаго средства обнаруживается изъ того, что человѣкъ сильный и принадлежащій къ могущественному роду могъ надѣяться на безнаказанность тамъ, гдѣ другой долженъ былъ непремѣнно ждать возмездія.

Въ этотъ періодъ никакого различія между публичнымъ и частнымъ правомъ не могло быть, потому что не существовало раздвоенія между міромъ частныхъ и общественныхъ интересовъ. Каждый дѣйствуетъ не иначе, какъ членъ рода, а отношенія одного рода къ другому носятъ характеръ международный. Всякая сдѣлка между членами одного рода привлекаетъ вниманіе всего рода, сдѣлка между членами разныхъ родовъ, какъ сдѣлка между самими родами, требовала участія послѣднихъ. Слѣдовательно всѣ отношенія носятъ характеръ публичный.

При данной картинѣ первобытныхъ общественныхъ отношеній у славянъ, совершенно излишенъ вопросъ, въ какой формѣ выражались нормы права, въ обычной ли только или же рядомъ съ обычаемъ существовалъ и законъ. Нѣкоторые находятъ возможнымъ утверждать, будто въ разсматриваемую эпоху уже существовало различіе между обычнымъ правомъ и закономъ. Въ доказательство приводятъ указанія лѣтописи: „имяху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ“, а нѣсколько ниже: „кому ждѣ языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи“ (П. С. Р. Л. т. I, стр. 6). Но второе мѣсто есть просто выписка изъ Григорія Амартола и не можетъ считаться характеристикою быта славянъ. Первое же мѣсто вовсе не не представляетъ попытки отличить законъ и обычай, какъ разныя формы права, иначе слѣдовало бы къ такимъ же юри-

дическимъ формамъ отнести и „преданія“ и „нравъ“. Лѣтописецъ употребляетъ всѣ эти выраженія для обозначенія правилъ общежитія вообще. Разсматриваемая эпоха есть время исключительнаго господства обычая. Для отличія закона отъ обычнаго права недоставало законодательной власти, которая одна только и производитъ указанное различіе. Если бы даже удалось доказать существованіе въ этотъ періодъ писанныхъ нормъ права, это всетаки не оправдывало бы различія между закономъ и обычаемъ, а только создавало бы различіе между записанными и незаписанными нормами. Да и самъ лѣтописецъ употребляетъ довольно безразлично эти выраженія: „си же творяху обычаи Кривичи, прочіе поганіи, не вѣдуще закона Божія, но творяще сами себѣ законъ“ (П. С. Р. Л. т. I, стр. 6).

Такимъ образомъ, въ самую начальную эпоху славянскаго быта источники характеризуются тѣмъ, a) что выражаются исключительно въ формѣ обычая, b) что нормы права еще слабо выдѣляются изъ другихъ правилъ общежитія, и c) что обычаи отмѣчаются мѣстнымъ характеромъ.

На эту массу раздѣленныхъ общественныхъ группъ начинаютъ воздѣйствовать почти одновременно начало политическаго единенія, идущее съ сѣвера, отъ нормановъ, и начало культурнаго единенія, идущее съ юга, отъ грековъ. Князья, призванные сѣверными племенами, а потомъ распространившіе свою власть на всѣ прочія славянскія племена, впервые создали, благодаря своей дружинѣ, тотъ элементъ, который необходимъ былъ для политическаго соединенія разобщенныхъ родовъ въ форму государственнаго союза. Особенно благодѣтельнымъ оказалось первоначальное единокняжье, продолжавшееся почти 200 лѣтъ. До сихъ поръ политически самостоятельные роды вошли въ составъ болѣе обширнаго соединенія на положеніи частныхъ лицъ. Рядомъ съ ихъ обособленными частными интересами создались общіе всѣмъ родамъ интересы политическіе, военные, торговые. Явилось сознаніе единства русской земли: это ясно обнаруживается и въ лѣтописи и въ словесной литературѣ, какъ Слово о полку Игоревѣ. Такое же объединяющее культурное вліяніе имѣло принятіе христіанства.

Это обстоятельство должно было вызвать ослабленіе партикуляризма обычаевъ и усиленіе элемента общности въ нихъ.

СПбГУ

Сближеніе членовъ разныхъ родовъ въ походахъ, въ торговыхъ экспедиціяхъ, въ городахъ, которые увеличились числомъ и численностью населенія, на многолюдныхъ вѣчахъ, при передвиженіяхъ дружины, должно было способствовать уравненію правилъ общежитія, смягченію ихъ мѣстныхъ особенностей. Князья, призванные „судить по праву“ и достаточно сильные, чтобы заставить уважать судебныя рѣшенія, благопріятствуютъ большему отдѣленію нормъ права отъ другихъ правилъ общежитія, а это въ свою очередь облегчаетъ процессъ правового объединенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ князья считаютъ себя въ правѣ создавать самостоятельно нормы, т. е. проявляютъ, хотя и слабо, законодательную дѣятельность.

Яркимъ выразителемъ объединительныхъ тенденцій является Русская Правда, въ которой мы имѣемъ первый источникъ русскаго права, получившій примѣненіе въ русской землѣ и создавшій на долго основу дальнѣйшаго развитія русскаго права, не смотря на послѣдующую утрату единства источниковъ. Памятники болѣе ранніе, договоры съ греками, не могутъ считаться выраженіемъ русскаго права. Это акты международные, имѣющіе своею цѣлью опредѣлить поведеніе безпокойныхъ руссовъ въ предѣлахъ Греціи, въ отношеніи къ грекамъ. При несомнѣнномъ вліяніи болѣе образованныхъ грековъ на составленіе договоровъ, послѣдніе могутъ служить весьма ненадежнымъ указателемъ древняго русскаго права. Источниками же права они, конечно, никогда не были.

Русская Правда представляетъ собою замѣчательный историческій памятникъ. Она создается въ то время, когда только образуется русское государство, характеризуя самый начальный правовой порядокъ. Русская Правда дошла до насъ въ многочисленныхъ спискахъ, изъ которыхъ древнѣйшій относится, можетъ быть, къ концу XIII вѣка. Изъ этихъ списковъ обнаруживается существованіе первоначальнаго, основного текста (первыя 17 статей краткой редакціи), который позднѣе постепенно пополнялся измѣненіями, дополненіями, сводками. При всемъ его историческомъ значеніи, этотъ памятникъ оставляетъ открытыми существенные вопросы. До сихъ поръ продолжаетъ быть спорнымъ, кто, когда, гдѣ, зачѣмъ и какъ составилъ Русскую Правду.

Историческое преданіе приписываетъ составленіе Русской Правды великому князю Ярославу, что́ и обнаруживается

изъ встрѣчающихся иногда заглавій: Уставъ великаго князя Ярослава. Въ Новгородской лѣтописи, подъ 1016 годомъ, разсказывается, что Ярославъ, въ благодарность за оказанную ему новгородцами помощь, „отпусти ихъ домой и давъ имъ правду и уставъ списавъ, глаголавъ тако: по сей грамотѣ ходите, яко же писахъ вамъ, тако держите“. Конечно Русская Правда не содержитъ въ себѣ льготъ для новгородцевъ, но, можетъ быть, льготы были даны вмѣстѣ съ Правдою, что̀ подтверждается сопоставленіемъ съ Никоновскою лѣтописью подъ 1033 годомъ („по сей грамотѣ дайте дань“).

Въ настоящее время отрицается офиціальное происхожденіе Русской Правды и господствующее мнѣніе признаетъ въ ней только частный сборникъ. Въ доказательство приводятъ слѣдующія соображенія. a) Въ Русской Правдѣ о великомъ князѣ Ярославѣ говорится въ третьемъ лицѣ, что̀ совершенно не соотвѣтствовало бы офиціальному ея происхожденію. Противъ этого доказательства можно сказать слѣдующее. Ярославу можетъ быть приписана Русская Правда въ видѣ первыхъ 17 статей, а въ нихъ Ярославъ не упоминается. Но если бы даже мы приписали Ярославу тѣ статьи, гдѣ о немъ говорится въ третьемъ лицѣ, все же такая форма не даетъ еще права сомнѣваться въ офиціальности сборника. Конечно, не самъ Ярославъ составлялъ Правду, а лицо, которому была поручена работа, могло вполнѣ вѣроятно прибѣгнуть къ этой формѣ, въ особенности для противопоставленія нормъ обычныхъ и нормъ созданныхъ Ярославомъ („то ти оурокъ Ярославль“). Судебники—акты несомнѣнно офиціальные, а между тѣмъ въ приступѣ о великомъ князѣ и царѣ говорится въ третьемъ лицѣ. b) Утвержденіе, будто никакой древній актъ не писался безъ указаній отъ кого и къ кому обращены статьи, довольно голословно, да и притомъ мы не имѣемъ подлинника, а только списки, въ которыхъ обращеніе могло казаться излишнимъ. c) Указываютъ на вставленныя въ текстъ толкованія („а то есть не скотъ, не лзѣ рчи: оу кого есмь купилъ“— Троицкій, ст. 33), которыя были бы неумѣстны въ офиціальномъ сборникѣ. Но, во первыхъ эти толкованія могутъ принадлежать и переписчику, а во вторыхъ почему отрицать возможность подобныхъ мѣстъ въ офиціальномъ сборникѣ XI вѣка, когда они обильно встрѣчаются въ дѣйствующемъ правѣ (напр. т. X, ч. 1, ст. 179). d) Въ пользу частнаго ха-

рактера Русской Правды приводятъ разнообразіе чтеній въ текстѣ, но это разнообразіе относится къ пространной редакціи, тогда какъ краткая редакція отличается полною устойчивостью. Между тѣмъ вопросъ идетъ о томъ, была ли издана при Ярославѣ офиціально Русская Правда. Разнообразіе содержанія пространной редакціи объясняется нарушеніемъ единства русской земли въ то время, къ которому относятся дополненія Правды. е) Наконецъ, приводятъ аналогію, ссылаясь на то, что, одновременно въ Западной Европѣ появляются такіе же частные сборники въ видѣ саксонскаго или швабскаго зерцалъ (XIII в.). Но аналогія даетъ право сопоставить Русскую Правду не съ этими позднѣйшими произведеніями, а съ leges barbarorum, которые, создаваясь при сходныхъ условіяхъ, не были частными сборниками.

Такимъ образомъ соображенія, выставляемыя въ пользу частнаго характера Русской Правды, не въ состояніи доказать это положеніе. Въ пользу офиціальнаго характера этого памятника говоритъ несомнѣнно офиціальное значеніе, какое придавалось Правдѣ включеніемъ ея въ кормчія. Офиціальный характеръ Правды подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что сыновья Ярослава, собравшись и тѣмъ выразивъ правовое единство, измѣняли статьи Русской Правды. Если послѣдняя составляетъ произведеніе частнаго лица, то она остается одиночнымъ явленіемъ въ исторіи русскаго права. Нельзя, наконецъ, отрицать всякое значеніе за преданіемъ, если оно не опровергается твердыми историческими данными.

Существуетъ предположеніе, что Русская Правда составлена въ Новгородѣ и выражаетъ собою начала права, выработанныя новгородскою общиною. Въ подтвержденіе этого приводятъ то обстоятельство, что почти всѣ списки Русской Правды найдены въ новгородскихъ лѣтописяхъ, что въ ней встрѣчается различіе между русиномъ и словениномъ, которое могло образоваться только на сѣверѣ, что наконецъ на югѣ статьи слишкомъ быстро потребовали измѣненій, чтобы можно было допустить въ нихъ мѣстное происхожденіе. Но противъ этого можно возразить, что по лѣтописи Ярославъ далъ Новгороду Правду, предложивъ ею руководствоваться. При политическомъ и культурномъ значеніи Кіева X—XI вѣка невѣроятно, чтобы правовое единеніе шло не изъ него, а изъ Новгорода. Мѣстный новгородскій сборникъ едва ли могъ бы получить такъ быстро и такое широкое распространеніе. То, что списки

Русской Правды встрѣчаются главнымъ образомъ въ новгородскихъ лѣтописяхъ, могло бы съ одинаковымъ успѣхомъ доказывать, что примѣненіе ея ограничивалось сѣверомъ, но мы знаемъ, что это невѣрно. А скоро понадобившіяся измѣненія могутъ быть объяснены тѣмъ толчкомъ, какой получила общественная жизнь вслѣдствіе принятія христіанства, сліянія родовъ въ государственный союзъ, усиленія городской жизни.

Русская Правда въ томъ видѣ, какъ она дошла къ намъ, не есть одновременное произведеніе. Она составлялась постепенно, путемъ дополненій, въ теченіе XI—XIII вѣковъ. Основою является сборникъ въ 17 статей, который можетъ быть отнесенъ ко временамъ Ярослава. Затѣмъ происходятъ измѣненія, благодаря которымъ Русская Правда должна была принимать разный видъ, смотря по времени. Къ сожалѣнію, древнѣйшій дошедшій до насъ списокъ относится ко времени, когда редакціи уже заканчиваются.

Какая причина побудила къ составленію сборника въ его первоначальномъ видѣ? По всей вѣроятности потребность въ немъ была вызвана во первыхъ рѣзкою перемѣною общественной жизни вслѣдствіе перехода отъ родового быта къ государственному, во вторыхъ развитіемъ городской жизни, о чемъ можно судить по описанію Кіева Дитмаромъ, а также по замѣнѣ этнографическихъ названій названіями по городамъ, въ третьихъ вторженіемъ византійскаго права, рядомъ съ которымъ необходимо было опредѣлить свое родное. На послѣднее обстоятельство указываетъ и заглавіе сборника „Правда Роська“, которое, по справедливой догадкѣ, выставлено въ противоположность сборникамъ греческаго права. Такъ какъ вопросы, подлежащіе компетенціи церковнаго суда, не вошли въ Русскую Правду, даже позднѣе, при дополненіяхъ (за исключеніемъ опеки), то слѣдуетъ полагать, что этотъ сборникъ былъ предназначенъ для судовъ свѣтскихъ. Но нѣтъ основанія заходить такъ далеко, чтобы признавать за Русскою Правдою значеніе источника лишь для княжескаго суда, но не для вѣчевого.

Русская Правда въ краткой редакціи представляетъ собою главнымъ образомъ сборникъ обычнаго права. Но, рядомъ съ обычнымъ правомъ источникомъ ея является и законодательство князей. Законодательная дѣятельность Владиміра Святого извѣстна намъ по лѣтописи (П. С. Р. Л. т. I, стр. 54), а

СПбГУ

участіе Ярослава въ творчествѣ права обнаруживается изъ самаго сборника. Едва ли на первоначальной Русской Правдѣ могло уже отразиться византійское вліяніе, особенно, если мы признаемъ, что главнымъ побужденіемъ къ ея составленію было желаніе сопоставить свое право съ греческимъ. Скорѣе можно предположить первоначальное норманское вліяніе, хотя нѣтъ никакой возможности опредѣлить въ настоящее время степень этого вліянія на культуру славянъ вообще и на ихъ право въ частности. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ эпоху составленія Правды русская земля находилась въ самомъ близкомъ общеніи съ западнымъ міромъ. Но при дальнѣйшихъ пополненіяхъ Русской Правды византійское право должно было пробить себѣ доступъ къ ней и вліяніе его весьма вѣроятно на статьяхъ о наслѣдствѣ и холопствѣ. Наконецъ источникомъ для пополненія Русской Правды служила судебная практика, какъ это ясно обнаруживается изъ самаго содержанія, напр. „а конюхъ старый оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюхѣ, его же оубили Дорогобудьцѣ“ (акад. ст. 21).

Въ первоначальныхъ сборникахъ права нельзя, конечно, искать научной системы, распредѣленія юридическихъ нормъ права по какимъ либо логическимъ основаніямъ. Чаще всего матеріалъ располагается по бытовой его важности. Нѣчто подобное можно замѣтить въ краткой Русской Правдѣ, которую мы считаемъ основнымъ и одновременнымъ произведеніемъ. Въ ней сначала идутъ статьи объ убійствѣ, потомъ о причиненіи ранъ, увѣчій, о нанесеніи побоевъ, затѣмъ о нарушеніи права собственности, о взысканіи долга, и наконецъ, въ видѣ случайной прибавки, о нанесеніи побоевъ холопомъ свободному мужу. Позднѣе Русская Правда дополнялась по хронологическимъ основаніямъ, а иногда производилась сводка накопленнаго матеріала. Для насъ остается открытымъ, производилась ли сводка эта путемъ офиціальнымъ или частнымъ. Второе предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ.

Русская Правда характеризуетъ переходное время отъ родового быта къ государственному. Еще родичи мстятъ за обиду, причиненную своему и законъ даже выражается такъ, что можно подумать, будто онъ вмѣняетъ месть въ обязанность. Съ другой стороны ограничивается кругъ лицъ, призванныхъ къ мести, чѣмъ сокращаются гибельныя ея послѣдствія. На-

СПбГУ

значеніемъ высокаго для той экономической эпохи вознагражденія за убійство, увѣчіе, побои, законъ соблазняетъ мстителя и останавливаетъ его руку: значитъ сознаніе долга мести еще существуетъ, но оно уже настолько подорвано ослабленіемъ родовыхъ началъ, что долгъ уступаетъ экономическому разсчету. Согласно недавнему еще родовому быту, первоначальная Русская Правда знаетъ только свободнаго мужа и холопа: всѣ равны и всѣмъ одна цѣна, потому что каждый—членъ рода, а роды другъ другу равны. Участіе всего рода въ сдѣлкахъ переходитъ теперь въ привлеченіе послуховъ. Закличь производится всенародно, публично. При постепенныхъ дальнѣйшихъ измѣненіяхъ слѣды родового быта ослабляются, а государственное начало беретъ верхъ. Вводятся наказанія, независимыя отъ обиды, потокъ и разграбленіе, устанавливается неравенство въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ лицъ.

Нельзя сказать, чтобы въ пространной Русской Правдѣ гражданскому праву было отведено слишкомъ мало мѣста. Если съ нашей современной точки зрѣнія гражданско правовое содержаніе Правды недостаточно, то слѣдуетъ имѣть въ виду сравненіе ея съ другими подобными историческими памятниками. Если вещное право представляется наименѣе полнымъ и яснымъ, за то обязательственному праву отведено относительно значительное мѣсто. Такъ Правда предусматриваетъ договоры займа, личнаго найма, поклажи, купли-продажи. Если это обстоятельство указываетъ на развитыя торговыя отношенія, то вліяніе торговли на старое обычное право еще болѣе обнаруживается въ установленіи параллельныхъ нормъ для торговыхъ и гражданскихъ отношеній (ст. 44 и 45 кар. сп.). Семейныя отношенія совершенно игнорируются Русскою Правдою или потому, что это область автономіи или потому что семейныя отношенія не принадлежали къ вѣдомству свѣтскихъ судовъ. По этой причинѣ представляется нѣсколько страннымъ, что Русская Правда даетъ довольно подробныя положенія объ опекѣ, которая, по связи съ семейственнымъ правомъ относилась къ вѣдѣнію церковныхъ судовъ.

Русская Правда не охватила, конечно, всего дѣйствовавшаго обычнаго права. Для вновь возникающаго государства не всѣ отношенія одинаково важны. Оно стремится опредѣлить наиболѣе существенныя для общежитія стороны, каковою является огражденіе личной безопасности. Во вторыхъ состави-

тель сборника не въ состояніи былъ бы сразу оформить и закрѣпить на бумагѣ все обычное право, потому что выраженіе мысли всегда нѣсколько отстаетъ отъ самой мысли. Гражданское право останавливаетъ на себѣ вниманіе послѣ уголовнаго, а потому и въ Русской Правдѣ отношенія, относимыя теперь къ уголовному праву, стоятъ на первомъ планѣ.

Русская Правда внесла и поддерживала объединительныя правовыя тенденціи. Неблагопріятно сложившіяся впослѣдствіи историческія обстоятельства создали политическую рознь и способствовали развитію партикуляризмовъ на счетъ прежняго единства. Все же содержаніе Русской Правды легло въ основаніе мѣстныхъ правъ, напоминая о быломъ единствѣ.

Литература. Было высказано мнѣніе, отрицающее полезность дѣленія русской исторіи на періоды, Соловьевъ, Исторія Россіи, т. I, предисловіе. Но, если дѣйствительно одни историческіе моменты переходятъ незамѣтно для современниковъ въ другіе, то на далекомъ разстояніи исторической перспективы характеристическія черты въ одномъ мѣстѣ гуще, въ другомъ рѣже. Исторія права идетъ нога въ ногу съ общею исторіею. Соотвѣтственно тому исторію русскаго права можно раздѣлить на три основныхъ періода: кіевскій, московскій и петербургскій. Между первымъ и вторымъ лежитъ еще мѣстный періодъ. По вопросу о дѣленіи исторіи русскаго права на періоды см. подробно Леонтовичъ, Исторія русскаго права, в. 1, 1869, стр. 9—31.—Теорія родового быта имѣетъ въ русской литературѣ своихъ представителей въ лицѣ Эверса, Древнѣйшее русское право въ его историческомъ раскрытіи, пер. 1835, стр. 1—3, Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. т. I, гл. III, Кавелинъ, Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи (сначала въ Современникѣ, 1847, т. I, а теперь въ Собраніи сочиненій, т. I, 1897, стр. 5—66).— По вопросу о существованіи въ древнѣйшій періодъ рядомъ съ обычнымъ правомъ законовъ высказались въ утвердительномъ смыслѣ: Maciejowski, Historia prawodawstw slowianskich, 2 изд. 1856, т, I, стр. 122, который въ словахъ лѣтописи видитъ только цодтвержденіе болѣе раннихъ указаній, Шпилевскій. Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства до Петра I (Учен. Зап. Каз. Унив. 1862, стр. 258), который думаетъ, что «Несторъ противополагаетъ обычное право письменнымъ законамъ». Напротивъ, принимаютъ законъ въ смыслѣ тожественномъ съ обычаемъ: Сергѣевичъ, Лекціи по исторіи русскаго права, 1890, стр. 13—16; Леонтовичъ, Старый земскій обычай (Труды VI археологическаго съѣзда, 1889, стр. 150—156); Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, 2 изд. 1888, стр. 84 (въ противоположность мнѣнію, выраженному въ Хрестоматіи, в. 1, изд. 3, 1885, стр. 9, прим. 17).—Предположеніе о существованіи древняго коди-

СПбГУ

фицированнаго общеславянскаго права, которое легло въ основаніе Русской Правды, сдѣлалъ Rakowiecki, Prawda Russka, т. I, 1820, стр. 115, 128—131, 243 (kodex praw cywilno-religiynych). По вопросу о соотношеніи между публичнымъ и гражданскимъ правомъ въ древнѣйшій періодъ см. статью Стефановскаго, Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права (Ж. М. Н. Пр. 1873, февраль и мартъ, статья неокончена, ограничивается періодомъ Договоровъ и Русской Правды).— Лучшая работа о договорахъ съ греками, гдѣ проводится указанный въ текстѣ взглядъ на значеніе договоровъ, принадлежитъ Сергѣевичу, Греческое и русское право въ договорахъ съ греками X вѣка (Ж. М. Н. Пр. 1882, январь, перепечатано въ Лекціяхъ, изд. 1890, стр. 27—56); тотъ же взглядъ на значеніе договоровъ съ греками для характеристики русскаго права даетъ Никольскій, О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, 1859, стр. 220.

Русская Правда извлечена изъ архивной пыли Татищевымъ въ 1739 году и впервые издана Шлецеромъ въ 1767 году. Въ настоящее время тексты ея въ Хрестоматіи Владимірскаго-Буданова и въ Текстѣ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій Калачова, 1847; новѣйшій переводъ по троицкому списку см. въ Русской исторіи, т. 1, 1898, изд. Библіотеки для самообразованія (В. Сторожевъ). Литература Русской Правды далеко не можетъ похвалиться богатствомъ. До сихъ поръ единственнымъ полнымъ изслѣдованіемъ на русскомъ языкѣ является сочиненіе Калачова, Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, 1846, на нѣмецкомъ языкѣ Tobien, Die Prawda Russkaja und die altesten Tractate Russlands, 1845; на польскомъ языкѣ Rakowiecky, Prawda Russka czyli prawa wielkiego xięcia Jarosława Wladymirowicza, 2 т. 1820, 1822. Со стороны гражданскаго права обстоятельный трудъ Дювернуа, Источники права и судъ въ древней Россіи, 1869, гл. II. Предполагается еще изслѣдованіе Рожкова, Опытъ объясненія Русской Правды, которое, однако, судя по пробнымъ главамъ (Ж. М. Н. Пр. 1897, ноябрь и декабрь) не обѣщаетъ много новаго —Офиціальный характеръ Русской Правды признавали: Ланге, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды (Архивъ истор. и практ. свѣдѣній Калачова, 1859, 1, стр. 4); Грицько, въ статьѣ, тамъ же помѣщенной «Объ участіи общины въ судѣ Русской Правды» (стр. 131). Частною работою признаютъ Русскую Правду: Эверсъ, Древнѣйшее русское право, стр. 369, Калачовъ, Предварительныя свѣдѣнія, стр. 45, Дювернуа, Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 63; Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, стр. 91—92, 94, Пахманъ, Исторія кодификаціи гражданскаго права, т. I, стр. 209; колеблющееся мнѣніе—Кавелинъ, Собраніе сочиненій, т, I, 1897, стр. 879; Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія, II, стр. 218, который полагаетъ, что «вопросъ объ офиціальномъ или неофиціальномъ значеніи самаго сборника едва ли можетъ быть рѣшенъ вполнѣ».—Леонтовичъ отрицаетъ законо-

СПбГУ

дательный элементъ въ Русской Правдѣ (Старый земскій обычай стр. 260).— Византійское вліяніе на древнѣйшее русское право указано у Неволина. Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ, 1851, Рождественскаго. Разсужденіе о вліяніи греко-римскаго права на россійскіе гражданскіе законы, 1843 (Актъ с.-петербургскаго университета). Мнѣніе Сперанскаго, что «Русская Правда очевидно имѣетъ отпечатокъ сѣверныхъ германскихъ законовъ» (Рус. Старина, 1876, мартъ, стр. 595) нашло ревностнаго защитника въ лицѣ норманиста Погодина, Лекціи и изслѣдованія, т. III, гл IX.

§. 2. **Періодъ мѣстныхъ правъ.** Многообѣщавшей культурѣ южной Руси суждено было, вслѣдствіе неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, остановиться въ своемъ движеніи. Постоянныя усобицы удѣльнаго періода, которыя сосредоточивались около старѣйшаго и богатѣйшаго Кіева и раззорили окрестное населеніе, разгромъ Кіева полчищами Батыя, учрежденіе Орды, близость которой была небезопасна—уничтожили центръ древней Руси, разсѣяли собравшееся по Днѣпру населеніе, которое стало тянуть теперь къ новымъ центрамъ, болѣе обезпечивающимъ личную и имущественную неприкосновенность. Вмѣстѣ съ тѣмъ пало прежнее политическое и культурное единство русской земли. Взамѣнъ того установилось нѣсколько центровъ общественной жизни на совершенно новыхъ мѣстахъ или на мѣстахъ, не игравшихъ прежде видной роли. Хотя разсѣявшееся населеніе унесло съ собою свои воззрѣнія и нравы, но отчасти новыя условія жизни, отчасти столкновеніе съ мѣстными нравами создали совершенно разныя культуры. Особенное различіе сказывается между сѣверными республиками, литовско-русскимъ и московскимъ государствами.

Этотъ сепаратизмъ политическій и культурный не могъ не отразиться на правѣ. Источникъ общаго права, Русская Правда, постепенно къ XIV вѣку выходитъ изъ употребленія и забывается. Конечно, содержаніе ея продолжаетъ сохранять свое значеніе въ качествѣ обычнаго права и даже подвергается дальнѣйшему развитію, особенно въ богатыхъ частноправовою жизнью республикахъ, въ Новгородѣ и Псковѣ, но сила нормъ основывается исключительно на обычаѣ, а не на авторитетѣ сборника. До новаго политическаго и культурнаго объединенія подъ главенствомъ Москвы возникаетъ рядъ отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга системъ правъ: псковскаго, новгородскаго, литовско-русскаго, московскаго.

Можетъ быть, были еще и иныя мѣстныя системы, но исторія не сохранила намъ ихъ. Возможность ихъ существованія основывается на упоминаніяхъ о какихъ то сборникахъ ростовскомъ и рязанскомъ, будто бы даже видѣнныхъ нѣкоторыми. Въ пользу этой возможности говоритъ также тотъ историческій фактъ, что право такого крупнаго центра, какъ Новгородъ, дошло до насъ въ жалкомъ отрывкѣ.

Соотношеніе между гражданскимъ и публичнымъ правомъ получаетъ также разное выраженіе въ разныхъ системахъ. Богатая частная жизнь сѣверныхъ вѣчевыхъ городовъ должна была дать широкій просторъ нормамъ гражданскаго права. Напротивъ, лагерный бытъ московскаго государства, сосредоточеніе общаго вниманія на усиленіи самодержавной власти, отъ которой ожидалось обезпеченіе безопасности, не благопріятствовали юридическому опредѣленію нормъ частнаго быта.

Особенно благопріятно для развитія гражданскаго права сложились историческія условія на сѣверо-западѣ, въ республикахъ новгородской и псковской. Признаніе личности, участіе каждаго въ государственныхъ вопросахъ, свобода оборота, торговыя сношенія, развитая общественная жизнь рядомъ съ неприкосновенностью частной жизни, ослабленіе родовыхъ связей—все это давало мѣсто для дальнѣйшаго развитія тѣхъ частно-правовыхъ нормъ, которыя заключались въ Русской Правдѣ. Дѣйствительно, Псковъ сохранилъ намъ замѣчательный памятникъ гражданскаго законодательства, извѣстный подъ именемъ Псковской Судной Грамоты.

Этотъ замѣчательный памятникъ является актомъ вѣчевого законодательства. Его офиціальный характеръ не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ самой Грамотѣ указано, отъ имени кого она составлена: „по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ 5 соборовъ, и священноиноковъ, і діяконовъ и священниковъ и всего Божія священства, всѣмъ Псковомъ на вѣчи“. Конечно, самое составленіе не могло принадлежать многолюдному вѣчевому собранію. Ст. 108 Псковской Грамоты ясно указываетъ, что предложеніе новыхъ законовъ лежало на посадникѣ, а вѣче соглашалось утвердить новый законъ или отмѣнить старый.

Источники, изъ которыхъ составилось содержаніе Грамоты, указаны въ ней самой. „Ся грамота выписана изъ Великаго князя Александровы грамоты, і изъ Княжъ Константиновы

Грамоты, і изо всѣхъ приписковъ Псковскихъ пошлинъ". Такимъ образомъ матеріаломъ послужили законодательные акты и обычное право. Псковское законодательство, прежде чѣмъ вылилось въ форму Псковской Судной Грамоты, пережило нѣсколько моментовъ, о которыхъ мы имѣемъ самое смутное представленіе. Законодательства князей Александра и Константина, о которыхъ упоминаетъ грамота, отчасти представляли собою утвержденіе существовавшихъ до того нормъ обычнаго права, отчасти носили реформаторскій характеръ. Это можно вывести изъ исторіи Константиновой Грамоты, отъ которой псковитяне отрекались, съ благословенія митрополита Фотія, по крайней мѣрѣ насколько она содержала въ себѣ „новизну" (Акты истор. т. I, № 23). Мы знаемъ также о законодательномъ творчествѣ епископа Діонисія, который далъ псковитянамъ Грамоту, отмѣненную вскорѣ опять также, по благословенію митрополита Кипріана. Такимъ образомъ Псковская Судная Грамота есть послѣдній, а не единственный, актъ псковскаго законодательнаго творчества.

Какіе же законодательные памятники вошли въ ея составъ? До насъ не дошли въ подлинникѣ упоминаемыя грамоты князей Александра и Константина. Мало того, мы не знаемъ въ точности, какимъ именно князьямъ слѣдуетъ ихъ приписать. Относительно князя Александра возникаетъ сомнѣніе, слѣдуетъ ли подъ этимъ именемъ предполагать Александра Невскаго, бывшаго княземъ въ Псковѣ въ 1241 году, или же Александра Тверского, бывшаго въ Псковѣ княземъ въ 1327—1330 и потомъ вторично въ 1331 — 1337 г.г. Въ пользу Александра Невскаго выставляется то соображеніе, что митрополиты Кипріанъ и Іона, называя въ своихъ посланіяхъ къ псковитянамъ, первый въ 1395, второй около 1455 г., князя Александра великимъ (Акты истор. т. I, №№ 10 и 60), не рѣшились бы такъ именовать стариннаго врага Москвы. Противъ этого возражаютъ, что московскіе митрополиты могли и не знать въ точности исторіи псковскаго законодательства; что они могли употребить титулъ великаго исключительно вслѣдствіе такого словоупотребленія со стороны самихъ псковичей, а, можетъ быть, примѣняясь къ заглавію грамоты; что великимъ княземъ Александръ Невскій въ Псковѣ никогда не былъ; что по вопросамъ внутренней политики между этимъ княземъ и псковитянами согласія не было; что выраженію

митрополитовъ можно противопоставить выраженіе Ивана III, который, потребовавъ къ себѣ въ 1475 году на просмотръ псковскія грамоты, нашелъ эти грамоты „грамотами не самыхъ князей великихъ“ (П. С. Р. Л. IV, стр. 250). Къ этимъ соображеніямъ можно также прибавить, что въ половинѣ XIII вѣка Русская Правда была еще въ полной силѣ и едва ли въ это время уже могло потребоваться особое мѣстное законодательство; что созданіе своего кодекса въ то время могло казаться Новгороду стремленіемъ со стороны Пскова стать на самостоятельную ногу, о чемъ этотъ пригородъ въ половинѣ XIII вѣка не смѣлъ еще думать. Напротивъ, въ княженіе Александра Тверского Псковъ добивался самостоятельности и въ половинѣ XIV вѣка отчасти достигъ своей цѣли. Личныя качества этого князя и отношеніе къ нему псковитянъ являлись какъ нельзя болѣе благопріятными условіями для устройства съ его стороны юридическаго быта Пскова.

Второй законодательный актъ, послужившій матеріаломъ для Псковской Судной грамоты, приписывается князю Константину Дмитріевичу, брату московскаго князя Василія Дмитріевича. Константинъ княжилъ въ Псковѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ 1407 году. Въ это непродолжительное время князь успѣлъ убѣдить псковитянъ принять грамоту, которая, повидимому, отличалась реформаторскимъ характеромъ. Уже въ 1416 году изъ посланія митрополита Фотія къ псковитянамъ мы видимъ, что къ нему прислана была депутація отъ князя Андрея и отъ вѣча съ просьбою снять съ псковитянъ крестное цѣлованіе грамотѣ. Митрополитъ удовлетворилъ ихъ желаніе. Это обстоятельство внушило, не безъ основанія, нѣкоторымъ сомнѣніе въ томъ, чтобы законодательный актъ этого князя могъ послужить источникомъ Псковской Судной Грамоты. Другіе находятъ выходъ въ предположеніи, что константинова грамота была сводомъ, къ которому князь только прибавилъ новизну: съ отмѣною послѣдней первая часть грамоты могла сохранить силу. Но это догадка болѣе, чѣмъ сомнительная. Надо замѣтить, что другого князя того же имени, которому можно было бы приписывать составленіе грамоты, подъискать трудно.

Другимъ источникомъ, указаннымъ въ Псковской Судной Грамотѣ, является обычное право—„приписки изъ псковскихъ пошлинъ“. Такимъ образомъ и обычное право принимало

СПбГУ

письменную форму. Въ Псковѣ существовало раздѣленіе законодательной и судебной власти. Съ одной стороны „на вѣчѣ суду не судють“, а съ другой—„князю и посаднику судити взираа въ правду“ (ст. 4). Значитъ на вѣчѣ не могли образоваться судебные обычаи, а судебныя власти должны были рѣшать дѣла на точномъ основаніи правды, т. е. закона. Конечно, трудно сказать, въ какомъ отношеніи къ псковской пошлинѣ стоитъ эта статья, является ли она выраженіемъ стариннаго начала или же установлена вновь въ виду противоположной старой практики. Но, если мы предположимъ, что разсматриваемая норма стариннаго происхожденія, то для обычнаго права просторъ былъ не великъ. Очевидно, для пополненія правовой системы слѣдовало въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ доложить вѣчу „да тая строка написать“ (ст. 108). Уже послѣ согласія вѣча могла производиться приписка новаго положенія. По нѣкоторымъ лѣтописнымъ даннымъ можно предполагать, что грамоты государственной важности хранились въ ларѣ Св. Тройцы, этомъ нотаріальномъ архивѣ Пскова, подъ завѣдываніемъ высшихъ должностныхъ лицъ. Здѣсь то и производилась приписка къ сводамъ новыхъ нормъ. Невѣроятно, чтобы такая приписка могла производиться безъ вѣдома вѣча. Такимъ образомъ второй источникъ Псковской Грамоты мало чѣмъ отличается по существу отъ перваго.

Нѣкоторые считаютъ возможнымъ утверждать, что Псковская Судная Грамота сохранила въ себѣ слѣды воспринятія двухъ законодательныхъ актовъ, грамотъ князей Александра и Константина. Предполагаютъ, что ст. 1—77 составлены на основаніи первой, ст. 77—108 на основаніи второй грамоты, остальныя же статьи составляютъ новѣйшія приписки уже къ самой Псковской Грамотѣ. Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи возстановить сколько нибудь опредѣленно того отношенія, въ какомъ находились законодательные источники Грамоты. Если бы отношеніе между ними было исторически преемственное, то при составленіи Грамоты не къ чему было пользоваться раннимъ сводомъ. Если же они оба сохраняли силу до составленія Грамоты, значитъ содержаніе ихъ было различно. До рѣшенія этого вопроса можно считать тщетными попытки выяснить, что въ Псковской Грамотѣ принадлежитъ сборнику князя Александра, а что сборнику князя Константина. Тѣмъ менѣе возможно производить еще различіе грамотъ княжескихъ

и приписокъ къ каждой изъ нихъ. Если Псковская Судная Грамота=(Александрова грамота+приписки)+(Константинова грамота+приписки)+приписки, то это чисто механическій трудъ, изъ за котораго не стоило безпокоить псковское вѣче и заручаться благословеніемъ всего мѣстнаго духовенства.

Весьма сомнительнымъ оказывается также и время составленія Псковской Судной Грамоты, потому что она сама въ себѣ содержитъ непримиримое противорѣчіе. Въ ней сказано, что она выписана въ лѣто 6905 отъ С. М. или въ 1397 отъ Р. Х., по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ 5 соборовъ, а между тѣмъ пятый соборъ образовался только въ 1462 году. Въ пользу перваго года говоритъ то обстоятельство, что въ 1395 году отмѣнена была грамота епископа Діонисія, а слѣдовательно могла явиться необходимость именно въ это время изготовить новый сводъ старыхъ законовъ и обычаевъ. Въ 1397 году между Псковомъ и Новгородомъ состоялось перемиріе, которое окончательно обезпечило самостоятельность перваго, а для ея укрѣпленія могло показаться необходимымъ свести въ одно всю старую псковскую пошлину. Въ договорѣ Литвы съ Псковомъ и Новгородомъ 1440 года упоминается дѣйствующая въ Псковѣ Псковская Правда, подъ которою можно понимать Судную Грамоту, потому что по ст. 4 она называется правдою и, можетъ быть, таково дѣйствительно ея названіе (Акты, относ. къ ист. Зап. Россіи, т. I, №№ 38, 39). Не смотря на это, обыкновенно предполагаютъ описку со стороны переписчика и, вставляя будто бы пропущенную букву, относятъ появленіе грамоты къ 1467 году. Возможность отнести къ этому году время составленія Грамоты подтверждается указаніемъ на Константина, княжившаго уже въ XIV вѣкѣ, отношеніемъ въ то время Пскова къ Москвѣ, которое могло побудить сводомъ псковской пошлины защищаться противъ объединительныхъ тенденцій Москвы, наконецъ присылкою въ этомъ году намѣстникомъ изъ Москвы князя Шуйскаго, для котораго требовалось приведеніе въ извѣстность псковскаго права. Всѣ эти доводы и особенно подстановка года крайне сомнительны и мы остаемся въ неизвѣстности относительно времени появленія Псковской Судной Грамоты.

Не зная съ точностью момента составленія Грамоты, мы едва ли въ состояніи предугадать тѣ причины, которыя побудили псковское вѣче къ созданію ея. Можетъ быть такою

причиною была цѣль судебно-практическая, заставляющая привести къ одному накопившуюся массу нормъ, а можетъ быть въ основаніи этого труда лежитъ политическая цѣль—именно стремленіе кодификаціей права отстоять псковскую пошлину отъ посягательствъ Москвы.

Со стороны своего содержанія Псковская Судная Грамота представляетъ собою по преимуществу памятникъ гражданскаго права. Если исключить статьи процессуальныя, то лишь немногія изъ матеріальныхъ нормъ относятся къ уголовному праву. Это обстоятельство подрываетъ нѣсколько довѣріе къ предположенію, будто Грамота была составлена по политическимъ соображеніямъ. По богатству цивилистическаго матеріала, по развитію юридическихъ понятій Псковская Судная Грамота представляетъ собою исключительное явленіе и можно смѣло утверждать, что ни одно современное ей западное законодательство не можетъ сравняться по богатству содержанія. Особенно развитая юридическая мысль обнаруживается въ положеніяхъ о давностномъ владѣніи, о личномъ наймѣ, о закладѣ, о наслѣдованіи. Всѣ эти нормы представляютъ плодъ народной эмпирики, потому что рука науки къ нимъ не прикасалась: это видно въ отсутствіи системы, въ слабости технической стороны редакціи, въ отсутствіи вліянія римскаго права, которое въ то время отожествлялось съ научнымъ правовѣдѣніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Псковская Судная Грамота является во всѣхъ отношеніяхъ естественнымъ продолженіемъ Русской Правды. Отъ послѣдней она отличается большимъ объемомъ содержанія и большею точностью положеній. Нельзя не указать на чрезвычайное развитіе письменности, какъ на отличительный признакъ ея по сравненію съ Русскою Правдою, гдѣ господствуетъ исключительно словесная форма.

Богатому развитію частно-правовой системы въ Псковѣ не суждено было идти далѣе. Объединительное движеніе, шедшее со стороны Москвы, уничтожало на своемъ пути всѣ мѣстныя особенности, какъ бы высоко не стояли онѣ по сравненію съ московскими порядками. Правильное естественное развитіе русскаго гражданскаго права, нѣкогда общаго, на мѣстной почвѣ, достигшее блестящихъ результатовъ въ Псковѣ, должно было надолго остановиться передъ силою политическихъ обстоятельствъ. Нельзя сказать, чтобы Псковская Судная Грамота не имѣла нѣкотораго вліянія на дальнѣйшій ходъ рус-

скаго гражданскаго права, но это вліяніе было отрывочное. Вся же система псковскаго гражданскаго права погибла подъ давленіемъ московской силы и вскорѣ была позабыта исторіей.

Не менѣе, если не еще болѣе, благопріятно сложились обстоятельства въ другомъ сѣверномъ народоправствѣ, въ Великомъ Новгородѣ. Псковъ, сначала пригородъ, а потомъ младшій братъ послѣдняго, едва ли могъ далеко уйти въ правовомъ отношеніи отъ своего образца. Состояніе гражданскаго права и слѣды довольно сложнаго законодательства въ Псковѣ даютъ основаніе ожидать того же, если не большаго, въ Новгородѣ.

А между тѣмъ дошедшая до насъ Новгородская Судная Грамота не оправдываетъ такого предположенія. Она невелика по объему, содержаніе ея исключительно процессуальное. Трудно думать, чтобы Новгородъ съ его развитою общественною и частною жизнью, съ его замѣчательною торговлею, могъ довольствоваться такимъ жалкимъ законодательствомъ. Это совершенно невѣроятно. Очевидно, уцѣлѣвшая грамота представляетъ собою или только отрывокъ (начало) болѣе обширнаго и богатаго по содержанію памятника или же является дополненіемъ, съ процессуальной стороны, гражданскаго законодательства, заключеннаго въ грамоту, которая до насъ не дошла. Возникаетъ однако вопросъ, возможно ли, чтобы исторія не сохранила намъ столь важнаго памятника законодательства такихъ крупныхъ центровъ, какъ Новгородъ? Въ этомъ можно видѣть руку Москвы, уничтожавшей все, что не подходило подъ создаваемый ею самою государственный типъ. Только историческая случайность сохранила намъ и Псковскую Судную Грамоту. Лѣтописи же слишкомъ заняты внѣшними событіями, чтобы упоминать о какихъ то измѣненіяхъ въ гражданскомъ законодательствѣ, о какихъ то замѣнахъ одного сборника другимъ. Но во всякомъ случаѣ изъ того, что къ намъ не дошло полное гражданское законодательство Новгорода, нѣтъ основанія заключать, чтобы таковаго и вовсе не было въ этой торговой республикѣ.

Въ началѣ дошедшей до насъ Грамоты указано, что она составлена на вѣчѣ, всѣми 5 концами, всѣмъ Государемъ Великимъ Новгородомъ, по благословенію архіепископа Ѳеофила „доложа господа великихъ князей“ Ивана III и его сына. По лѣтописи Иванъ III велѣлъ въ 1471 году переписать

судную докончательную грамоту на свое имя, т. е. переиздать ее заново, но уже не отъ имени одного вѣча, а и новаго новгородскаго властелина. Это и выражено въ начальныхъ словахъ Грамоты. Остается слѣдовательно открытымъ вопросъ, когда же Грамота была составлена? Были высказаны разныя догадки, но безъ достаточныхъ историческихъ доказательствъ. Точно также неизвѣстно, на основаніи какихъ источниковъ она составлялась, существовали ли въ Новгородѣ какіе либо болѣе ранніе законодательные акты, подобно тому, какъ это было въ Псковѣ. Если мы имѣемъ передъ собою отрывокъ, то нельзя говорить о системѣ Грамоты.

Нѣсколько иной характеръ получило развитіе началъ Русской Правды на юго-западѣ. Если въ сѣверныхъ народоправствахъ развитіе шло совершенно самопроизвольно, путемъ внутренняго роста, безъ постороннихъ вліяній, то здѣсь русскому праву пришлось испытать давленіе со стороны польскаго, нѣмецкаго и римскаго права.

Въ юго-западномъ краѣ, составлявшемъ нѣкогда основную часть древней кіевской Руси, а потомъ вошедшемъ въ составъ литовскаго государства, сила Русской Правды держалась весьма долго. Въ офиціальныхъ актахъ XIV вѣка часто встрѣчается ссылка на русское право, подъ которымъ, можетъ быть, слѣдуетъ понимать Русскую Правду. Причины, почему послѣдняя такъ долго сохраняла здѣсь свое значеніе, не смотря на запустѣніе кіевской земли, на основаніе потомъ новаго государства, заключается въ томъ, что здѣсь былъ древній центръ ея дѣйствія и авторитетъ ея былъ здѣсь особенно силенъ. Литовское завоеваніе не принесло съ собою замѣны общественныхъ формъ. Когда, въ половинѣ XIII вѣка, Литва пришла въ соприкосновеніе съ Русью, послѣдняя по своей культурѣ стояла значительно выше первой и по общему историческому закону побѣдители подчинились ей. Русскій языкъ господствуетъ на судѣ, въ офиціальныхъ грамотахъ, онъ становится употребителенъ при литовскомъ дворѣ. Между литовцами стали распространяться русскіе нравы. Понятно, что юридическія формы древней Руси не только не исчезли, но нашли себѣ новое подтвержденіе въ фактѣ воздѣйствія русской цивилизаціи. Право русскихъ еще потому должно было имѣть успѣхъ среди литовцевъ, что при сліяніи тѣхъ и другихъ въ одно политическое общество, первые имѣли уже пи-

санные законы, а у вторыхъ ихъ еще не было. А въ такихъ случаяхъ писанное право всегда беретъ верхъ надъ неписаннымъ. Такимъ образомъ къ концу XIV столѣтія, когда въ Литвѣ началось польское вліяніе, основы русскаго права успѣли пустить настолько глубокіе корни въ жизни, особенно низшихъ и среднихъ классовъ, что не сразу поддались польской культурѣ.

Въ результатѣ, когда въ литовскомъ княжествѣ поставленъ былъ вопросъ о кодификаціи мѣстнаго права, старинное русское право, нашедшее себѣ выраженіе въ Русской Правдѣ, должно было получить доступъ и въ новый кодексъ. Дѣйствительно, Литовскій Статутъ во многихъ своихъ постановленіяхъ воспроизводитъ положенія Русской Правды. Случись, что вопросъ о кодификаціи литовскаго права поднялся бы столѣтіемъ позже—русскому праву едва ли нашлось бы уже мѣсто.

Необходимость кодификаціи обнаружилась съ очевидностью къ концу XV столѣтія. Въ Литвѣ не было общаго права, а была лишь масса мѣстныхъ правъ, какъ обычныхъ, такъ и уставныхъ, довольно быстро другъ друга смѣнявшихъ, масса привилегій, такъ что получилась полная неопредѣленность дѣйствія закона какъ въ отношеніи пространства и времени, такъ и лицъ. Эта причина, а можетъ быть, и другія общественныя условія создали чувствительный недостатокъ сколько нибудь правильной судебной организаціи и процесса. Наконецъ были и политическія обстоятельства, побуждавшія къ кодификаціи.

Литовскій Статутъ былъ составленъ въ 1529 году при королѣ польскомъ и князѣ Литовскомъ Сигизмундѣ I, хотя предположеніе о его изготовленіи существовало при его предшественникѣ, князѣ Александрѣ. Имена составителей его остались неизвѣстны такъ же, какъ и самый порядокъ изготовленія. По всей вѣроятности онъ былъ составленъ на русскомъ языкѣ, а потомъ переведенъ на латинскій и наконецъ на польскій. Онъ не былъ отпечатанъ, а потому сохранился только въ спискахъ. Этотъ сборникъ дѣлится на 13 раздѣловъ и состоитъ изъ 282 артикуловъ или статей. По просьбѣ литовцевъ, въ виду обнаруженныхъ пробѣловъ и противорѣчій, Статутъ подвергнутъ былъ пересмотру и составленъ вновь въ 1566 году. Эта вторая редакція значительно обширнѣе пер-

вой. Въ ней не только больше раздѣловъ (14) и артикуловъ (387), но и сами статьи объемистѣе. Этотъ Статутъ, написанный по русски же, также не былъ напечатанъ. Люблинская унія 1569 года, усилившая вліяніе Польши на Литву, отразилась и на Статутѣ. Если литовско-русское населеніе отказалось принять цѣликомъ польскіе законы, то пришлось по крайней мѣрѣ нѣсколько согласовать свое право съ польскимъ. Составленный проектъ былъ разсмотрѣнъ варшавскимъ коронаціоннымъ сеймомъ и утвержденъ королемъ въ 1588 году. По объему статутъ въ этой послѣдней редакціи превышаетъ обѣ первыя, вмѣщая въ 14 раздѣлахъ 578 статей.

Источниками Литовскаго Статута послужили: a) Русская Правда, b) мѣстныя права и привилегіи, c) римское право, d) польское и e) нѣмецкое право. Вліяніе Русской Правды, обнаруживающееся изъ значительнаго сходства нѣкоторыхъ постановленій Статута съ правилами древняго русскаго сборника, проявилось наиболѣе очевидно въ первой редакціи. Въ дальнѣйшихъ редакціяхъ этотъ источникъ долженъ былъ все болѣе и болѣе отступать передъ другими источниками, выдвинутыми польскимъ вліяніемъ. На гражданскомъ правѣ Статута замѣчается вліяніе римскаго права (особенно въ завѣщательномъ правѣ), на государственномъ—польскаго, на городскомъ—нѣмецкаго.

Литовскій Статутъ обнимаетъ собою всю систему права. Въ расположеніи матеріала замѣчается стремленіе ввести порядокъ, а именно въ первыхъ трехъ раздѣлахъ сосредоточивается государственное, въ остальныхъ—гражданское и уголовное право. Но система эта не выдержана. Надо замѣтить только, что въ послѣдующихъ редакціяхъ производится постепенное улучшеніе системы и устраненіе ея нарушеній.

Гражданское право Литовскаго Статута, имѣетъ, конечно, корни въ Русской Правдѣ, но здѣсь не видно того естественнаго развитія ея основъ, какое наблюдаемъ въ Псковской Судной Грамотѣ. Въ Статутѣ, напротивъ, замѣчается видоизмѣненіе этихъ основъ подъ вліяніемъ чуждыхъ началъ иного, болѣе развитого права. Тѣмъ не менѣе Литовскому Статуту, а не Псковской Судной Грамотѣ, суждено было играть значительную роль въ дальнѣйшемъ развитіи русскаго законодательства.

СПбГУ

Литература. По мнѣнію Шпилевскаго. Объ источникахъ русскаго права (Зап. Каз. Унив. 1862, стр. 294) мѣстныя права существовали повсюду. О существованіи сборника рязанскаго права свидѣтельствуетъ Татищевъ, который будто бы видѣлъ его самъ. Онъ же указываетъ на то, что Василій Темный приказалъ ростовскимъ боярамъ судить по ростовскимъ законамъ.

Псковская Судная Грамота дошла до насъ въ единственномъ экземплярѣ, сохранившемся въ Одессѣ, въ библіотекѣ князя Воронцова. Напечатана она была впервые Мурзакевичемъ въ 1847 году. Литература ея небогата. Въ одинъ годъ появились двѣ монографіи, посвященныя ей: Устряловъ, Изслѣдованіе Псковской Судной Грамоты 1467 года, 1855, и Энгельманъ, Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской Судной Грамотѣ, 1855. Текстъ ея, разбитый на статьи см. въ настоящее время въ Хрестоматіи Владимірскаго—Буданова, в. I, переводы у Энгельмана и Устрялова.—По вопросу о томъ, кого слѣдуетъ считать княземъ Александромъ, о которомъ упоминается въ Грамотѣ, мнѣнія раздѣлились: Александромъ Невскимъ признаютъ его Калачевъ, Москвитянинъ, 1848, стр. 174. Энгельманъ ук. соч. стр. 2. Владимірскій—Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, 1888, стр. 95, Латкинъ, Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права, 1888, стр. 17; напротивъ Александромъ Тверскимъ считаютъ его, кромѣ перваго издателя Грамоты, Мурзакевича, Устряловъ, ук. соч. стр. 6, Никитскій, Очеркъ внутренней исторіи Пскова, 1873, стр. 106—108, Мрочекъ Дроздовскій, Главнѣйшіе памятники русскаго права эпохи мѣстныхъ законовъ (Юрид. Вѣстн. 1884, май іюнь, стр. 108), Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, изд. 1881, стр. 169 и 309, Иловайскій, Исторія Россіи, т. II, 1884, стр. 377.—Почти всѣ относятъ составленіе Грамоты къ 1467 году; по весьма слабымъ соображеніямъ кн. Голицынъ, Исторія Пскова (Арх. ист. и практ. свѣд. кн. VI, стр. 136) признаетъ годомъ ея составленія 1464.—О системѣ и составѣ Грамоты см. Энгельманъ, ук. соч. стр. 5—8 и особенно подробно Мрочекъ—Дроздовскій ук. соч. стр. 99—116. Характеристику этого памятника даетъ Дювернуа. Источники права и судъ въ древней Россіи, 1869, стр. 289—308.

Новгородская Судная Грамота найдена была Карамзинымъ въ библіотекѣ графа Мусина—Пушкина и отпечатана въ его исторіи, т. V, прим. 404. Затѣмъ она была издана въ Актахъ Археографической экспедиціи, т. I, № 92, наконецъ теперь въ хрестоматіи Владимірскаго—Буданова. Литература ея совершенно ничтожна: Пановъ, Изслѣдованіе о Новгородской Судной Грамотѣ (Сб. изд. студ. С. Пет. унив. 1857). Относительно времени ея первоначальнаго составленія высказалъ догадку Михайловъ, Исторія русскаго права, в. 1, стр. 221, отнесшій ее къ 1440, и Бѣляевъ, Исторія Новгорода Великаго (въ Разсказахъ изъ русской исторіи, II, изд. 1866, стр. 525), отнесшій ее къ 1456, но оба безъ доказательствъ.—Дювернуа предполагаетъ, что «въ Новгородѣ бывали случаи, когда законодательная власть,

такъ же какъ и въ Псковѣ, опредѣляющимъ образомъ вступалась въ дѣла частнаго права, но цѣлаго законодательства не было» (Источники права и судъ, стр. 311). Предположеніе это основывается, повидимому, на взглядѣ автора, будто судебные порядки Новгорода и Пскова рѣзко различаются. Но этотъ взглядъ опровергнутъ Латкинымъ, Лекціи, стр. 40—41, а съ точки зрѣнія исторіи обоихъ городовъ предположеніе Дювернуа является невѣроятнымъ.

Литовскій статутъ изданъ во Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, первая редакція въ кн. 18 (1854), вторая редакція—въ кн. 23 (1855) и третья редакція въ кн. 19 (1854). По предположенію Иловайскаго, Исторія Россіи, т. III, стр. 96. Литовскій статутъ составленъ по образу Вислицкаго Статута.—Литература о немъ на русскомъ языкѣ: Даниловичъ, Взглядъ на литовское законодательство и литовскіе статуты (Юрид. Зап. Рѣдкина, 1841, т. I, стр. 1—46, Леонтовичъ, Русская Правда и Литовскій статутъ (Кіев. Унив. Изв. 1865, №№ 2, 3, 4); Чарнецкій, Исторія Литовскаго Статута (Кіев. Унив. Изв. 1866, № 9, 1867, №№ 1, 5, 6, 7, 8, 9), Квачевскій, Литовскій Статутъ, какъ источникъ мѣстнаго права для губерній Черниговской и Полтавской (Ж. гр. и уг. пр. 1876, кн. 4, стр. 222—225, Латкинъ, Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права, стр. 122—137 (не самостоятельно, по Леонтовичу и Чарнецкому). Близость между Русскою Правдою и Литовскимъ Статутомъ признается почти всѣми учеными: Леонтовичъ, ук. соч. № 2, стр. 13, Чарнецкій, ук. соч., предисловіе, Латкинъ, ук. соч. стр. 126, Владимірскій—Будановъ, статья въ Сборн. Госуд. знаній, 1877, т. IV, и Обзоръ, стр. 210, Загоскинъ, Исторія московскаго права, в. 1, стр. 72, 91. Въ увлеченіи Rakowiecky предполагаетъ, что Русская Правда могла имѣть примѣненіе у всѣхъ славянскихъ народовъ, а потому неудивительно, что она легла въ основу Статута (Prawda Russka, т. I, 1820, przedslowie, стр. VIII). Во всемъ этомъ есть значительная доля преувеличенія; разсматривая въ увеличительное стекло черты сходства, смотрятъ въ уменьшительное стекло на существенныя отличія.—О вліяніи нѣмецкаго права въ Россіи см. Halban, Zur Geschichte des deutschen Rechtes in Podolien, Wolhynien und der Ukraine, 1896, особенно гл. III и IV, 2.

§ 3. **Судебники.** Характеристическою чертою первой половины московскаго періода русской исторіи является стремленіе къ собиранію и сплоченію русской земли. Московскій бытъ первоначально представляетъ такія же мѣстныя особенности, какъ и бытъ другихъ частей. Но, поглощая постепенно разныя земли, Москва старалась навязать имъ свои мѣстныя особенности и придать послѣднимъ общерусскій характеръ. Такое распространеніе московскаго политическаго устройства, нравовъ, воззрѣній, образованія, шло параллельно съ уничтоженіемъ всего, что, благодаря инымъ историческимъ условіямъ,

СПбГУ

нарушало московскій типъ жизни. Точно также и право московское должно было стать правомъ русскимъ.

Благодаря новому мѣсту дѣйствія, новому составу населенія, довольно значительному промежутку времени, отдѣляющему московскій періодъ отъ перваго, московская культура не составляетъ продолженія древне-русской, кіевской, а представляетъ собою совершенно новое историческое явленіе. Соотвѣтственно тому, древне-русское право находитъ себѣ мало примѣненія на московской почвѣ. Русская Правда весьма мало отразилась на юридическихъ памятникахъ москввскаго періода, особенно позднѣйшаго времени, когда Москва стала вырабатывать свой самостоятельный историческій типъ.

Особенности московской исторіи, наложившія печать на всю ея культуру, заключались въ назначеніи отстоять русскую индивидуальность, обезпечить внѣшнюю самостоятельность. Эта задача придала московскому быту чисто военный лагерный складъ, въ которомъ все подчиняется единоличной власти начальника, всѣ интересы молкнутъ подъ давленіемъ суровой дисциплины. Все вниманіе обращено на обезпеченіе московскаго государства достаточными личными и матеріальными силами. Государственныя заботы сосредоточиваются исключительно на публичныхъ интересахъ, а частные находятся въ полномъ пренебреженіи. Все должно уступить основной исторической задачѣ, ради которой между населеніемъ распредѣляются повинности. Различные классы различаются по обязанностямъ, но не по правамъ, какъ на Западѣ: купцы должны доставлять средства государству, а гости, этотъ „финансовый штабъ правительства“, вести казенныя предпріятія, служилые люди должны лично отстаивать государство, а для матеріальнаго ихъ обезпеченія крестьяне должны обработывать ихъ землю. Точно въ соціалистическомъ государствѣ, заявляется, что „земля великаго князя, а нашего владѣнія“. При созданіи московскаго государства вся забота обращена на крѣпость воздвигаемаго зданія безъ всякаго вниманія къ удобству внутренняго расположенія для его обитателей. Политическій строй привелъ къ полному раболѣпію, которое выразилось въ уничижительныхъ именахъ, въ признаніи себя со стороны даже бояръ прирожденными холопами царя, въ превосходствѣ званія „слуги“ передъ боярскимъ достоинствомъ. Иностранцы поражались рабскими инстинктами русскаго населенія, отсутствіемъ

у него всякой потребности въ свободѣ личности и въ имущественной обезпеченности. Отсутствіе всякой индивидуальности производило со стороны впечатлѣніе, будто московиты „всѣ словно одного возраста“. Конечно, характеръ населенія и его общественнаго быта находятъ себѣ оправданіе въ исторіи, но нельзя не признать, что на этотъ разъ условія сложились крайне неблагопріятно для развитія гражданскаго права, которое предполагаетъ нѣкоторую свободу личности и имущественную обезпеченность.

Когда московское правительство приступило къ законодательной дѣятельности, оно не дало гражданскаго права, выработаннаго московскою жизнью. Оно или совершенно пренебрегало этою стороною юридическаго быта въ уставныхъ грамотахъ или заимствовало частно-правовыя нормы изъ мѣстныхъ русскихъ памятниковъ. Это обстоятельство показываетъ или что московскій бытъ вовсе не выработалъ юридическихъ нормъ частнаго права или же что московскій законодатель не пожелалъ унижаться до собиранія обычныхъ нормъ частнаго быта, самъ же былъ слишкомъ мало юридически подготовленъ, чтобы попытаться создать ихъ самостоятельно. Неудивительно, что иностранцы поражались бѣдностью московскаго законодательства, которая не соотвѣтствовала, по ихъ представленію, могуществу московскаго государства.

Знаменемъ своей законодательной дѣятельности московское правительство выставило принципъ національности, который былъ формулированъ на московскомъ соборѣ 1551 года слѣдующимъ образомъ: „въ коейждо странѣ законъ и отчина, а не приходятъ другъ къ другу, по своего обычая кійждо законъ держитъ“. Между тѣмъ въ дѣйствительности принципъ этотъ имѣлъ силу только на словахъ. При ближайшемъ обозрѣніи источниковъ, положенныхъ въ основаніе позднѣйшаго московскаго законодательства, и содержанія юридическихъ памятниковъ, не трудно убѣдиться, что московское правительство широкою рукою черпало изъ иностраннаго права и очень мало поработало надъ установленіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ своего обычнаго права.

Каково было московское гражданское право до XV вѣка, какъ сильно было дѣйствіе Русской Правды въ предѣлахъ первоначальнаго московскаго княжества, для насъ остается неизвѣстнымъ, если не считать тѣхъ довольно разрозненныхъ данныхъ, которыя встрѣчаются въ уставныхъ грамотахъ.

СПбГУ

Первымъ крупнымъ законодательнымъ актомъ объединеннаго московскаго государства былъ памятникъ, получившій позднѣе названіе перваго Судебника. Онъ появляется въ 1497 году т. е. въ концѣ царствованія Ивана III, которому удалось почти окончательно собрать русскую землю. Время появленія этого памятника лучше всего объясняетъ причины, его вызвавшія. Тогда, какъ и теперь, отлично сознавали, что правовое единство, являясь весьма важнымъ культурнымъ условіемъ, служитъ цѣлямъ политическаго сплоченія

Составителемъ Судебника былъ дьякъ Владиміръ Гусевъ, который на другой годъ послѣ его изданія былъ казненъ. Этимъ и ограничиваются наши свѣдѣнія о ходѣ работъ. Выполнилъ ли Гусевъ одинъ эту задачу или, что вѣроятнѣе, совмѣстно съ другими, въ какое время, какія инструкціи были ему даны—все это осталось неизвѣстнымъ. Изданъ Судебникъ отъ имени князя и боярской думы. Былъ ли онъ обнародованъ и разосланъ въ спискахъ—этого мы также не знаемъ.

Судебникъ—не самостоятельная законодательная работа. Это сводка правовыхъ нормъ, дѣйствовавшихъ до того времени въ разныхъ мѣстахъ, которыя вошли теперь въ составъ единаго московскаго государства. Но такъ какъ при этомъ для различныхъ мѣстностей статьи Судебника явились однѣ старыми, другія совершенно новыми, то никоимъ образомъ нельзя утверждать, будто Судебники не внесли ничего новаго въ юридическій бытъ, будто они только записали то, что ранѣе примѣнялось въ жизни. Для тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ впервые стали прилагаться нормы, заимствованныя изъ другихъ угловъ русской земли, Судебникъ имѣлъ реформаторскій характеръ.

Главнымъ источникомъ для нормъ государственнаго права послужили уставныя грамоты, опредѣлявшія порядокъ управленія въ различныхъ частяхъ московскаго государства. Для гражданскаго права составитель Судебника воспользовался богатымъ готовымъ матеріаломъ, который заключался въ Псковской Судной Грамотѣ. Ст. 46, 47, 54, 56, 57, 60, 61,62, 63, и 66, посвященныя гражданскому праву, представляютъ собою почти сплошь заимствованія изъ этого богатѣйшаго источника. Русская Правда весьма мало послужила матеріаломъ для составителя. Можно указать только двѣ статьи, взятыя изъ древнѣйшаго русскаго сборника, одна (ст. 55) воспроизведенная дословно, другая (ст. 66), видоизмѣненная. Составители

сборника не воспользовались обычнымъ правомъ, такъ что среди нормъ гражданскаго права можно указать весьма немного, указывающихъ на существовавшіе обычаи. Такова ст. 57, въ которой время отказа крестьянина отъ найма опредѣлено Юрьевымъ днемъ, ст. 63, въ которой сроки давности установлены иные, нежели въ Псковской Судной Грамотѣ. Новыхъ статей, впервые устанавливаемыхъ законодателемъ, незамѣтно. И тѣмъ не менѣе по отношенію къ гражданскому праву Судебникъ носитъ наиболѣе реформаторскій характеръ, потому что бытъ псковской республики такъ рѣзко отличался отъ быта Москвы, что выработанныя въ Псковѣ нормы были новостью для послѣдней.

Не смотря на богатый псковскій матеріалъ, бывшій подъ руками у составителей, гражданско-правовой отдѣлъ Судебника чрезвычайно бѣденъ. Онъ далеко уступаетъ Псковской Судной Грамотѣ какъ по богатству содержанія, такъ и по его юридической обработкѣ. Для примѣра достаточно сравнить статьи о давности въ томъ и другомъ памятникѣ. Въ расположеніи матеріала обнаруживается безпорядочность. Едва ли возможно найти сколько нибудь опредѣленную систему въ изложеніи Судебника.

Дѣйствіе Судебника Ивана III было весьма непродолжительно. По имѣющимся указаніямъ, уже при преемникѣ его, Василіи Ивановичѣ, изданы были какіе то дополнительные законы, а, можетъ быть, даже и весь Судебникъ, къ сожалѣнію, до насъ не дошедшій. При Иванѣ IV, въ самомъ началѣ его самостоятельнаго правленія. появляется новый законодательный памятникъ, называемый обыкновенно Царскимъ Судебникомъ.

Невольно возникаетъ вопросъ, чѣмъ объясняется такая частая смѣна законодательныхъ сборниковъ? Многіе склонны видѣть причину этого явленія въ неудовлетворительности перваго Судебника съ одной стороны, и въ быстромъ измѣненіи бытовыхъ условій его примѣненія съ другой. Возможно, конечно, что Судебникъ Ивана III не точно воспроизвелъ обычное право или же обычныя нормы не соотвѣтствовали жизни тогда, когда ихъ занесли на бумагу. Но, если такъ скоро обнаружились недостатки перваго Судебника, то, вѣроятно, приложили бы все стараніе, чтобы, руководствуясь опытомъ, устранить сознанные недочеты и существенно переработать

сборникъ. Но это то именно и не замѣчается. Между первымъ и вторымъ (третьимъ?) судебниками различіе не велико, какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны формы. Трудно также согласиться, будто въ то время жизнь шла такимъ быстрымъ темпомъ, чтобы въ какіе нибудь 50 лѣтъ потребовались три редакціи кодифицированнаго права. Въ условіяхъ жизни того времени вовсе не замѣчается какихъ либо быстрыхъ перемѣнъ, которыя оправдывали бы настоятельную необходимость постоянныхъ приспособленій закона къ новымъ отношеніямъ. Если отбросить приведенныя объясненія, то причины появленія Царскаго Судебника могутъ заключаться съ одной стороны въ томъ, что ошибочно на счетъ закона отнесено было зло, имѣвшее корень въ нравахъ, а именно неправосудіе, взяточничество, съ другой же стороны въ томъ, что молодой царь, послѣ происшедшаго въ немъ нравственнаго перелома, пожелалъ выступить передъ народомъ въ качествѣ устроителя. Иванъ IV задался цѣлью „исправить судебникъ по старинѣ", но что могла помочь старина, когда зло крылось въ старинѣ? Царь думаетъ помочь жизни, вводя ее непремѣнно въ старое русло, тогда какъ Максимъ Грекъ училъ въ то время, что „нельзя только мѣнять заповѣди, обычаи же царскіе и земскіе перемѣнять слѣдуетъ, какъ лучше государству".

Царскій Судебникъ составленъ былъ въ 1550 году. Кому принадлежитъ эта работа, при какихъ условіяхъ была она совершена, до знаменитаго собора 1550 года или послѣ него,— ничего неизвѣстно. Изъ рѣчи Ивана IV, произнесенной на стоглавомъ соборѣ, обнаруживается, что онъ приступилъ къ этому дѣлу съ благословенія духовенства. Была высказана догадка, что составленіе Судебника не обошлось безъ участія выборныхъ перваго земскаго собора. Это предположеніе основывается на томъ, что едва ли выборные могли быть собраны для того только, чтобы выслушать рѣчь Ивана IV съ лобнаго мѣста. Но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что краснорѣчивый царь пожелалъ собрать слушателей своего, можетъ быть, искренняго покаянія. Въ виду же полной неизвѣстности всего, что происходило на этомъ соборѣ, догадка не имѣетъ фактическаго подтвержденія. На томъ же стоглавомъ соборѣ 1551 года Иванъ IV произнесъ слѣдующія слова: „Да благословился есми у васъ тогда же Судебникъ исправить по

старинѣ и утвердити, чтобъ былъ судъ праведенъ всякіе дѣла непоколебимо во вѣки, и по вашему благословенію судебникъ исправилъ... прочтите и разсудите, чтобы было дѣло наше по Бозѣ въ родъ и родъ и вашему благословенію неподвижимо, аще достойно сіе дѣло на святѣмъ соборѣ утвердивъ и вѣчное благословеніе получивъ и подписати на судебникѣ". Отсюда заключаютъ, что только въ 1551 году Судебникъ получилъ утвержденіе и могъ имѣть примѣненіе. Но словамъ царя нельзя придавать такого значенія. Въ началѣ Судебника сказано, что въ 1550 году въ іюнѣ, царь съ боярами сей судебникъ уложилъ, а это значитъ, что законъ прошелъ обычную законодательную форму. Собору же царь могъ предложить уже оконченное дѣло на благословеніе. Судебникъ могъ получить примѣненіе до собора, которому оставалось только признать полезнымъ выполненное царемъ дѣло. По крайней мѣрѣ мы ничего не знаемъ о разсмотрѣніи и критикѣ Судебника на соборѣ.

Источниками для составителей послужили Судебникъ Ивана III и дополнительные законы Василія Ивановича. Въ основу положенъ первый Судебникъ, въ которомъ статьи переставлены, раздѣлены, соединены, дополнены. Имѣются и новыя статьи. Но, не зная второго источника, затруднительно сказать, что̀ въ произведенныхъ измѣненіяхъ и нововведеніяхъ должно быть отнесено на счетъ законодательной дѣятельности Василія III, а что можетъ быть приписано Ивану IV. Порядокъ изложенія въ общемъ остался тотъ же, что и въ первомъ Судебникѣ.

Содержаніе Царскаго Судебника, какъ и перваго, главнымъ образомъ процессуальное. Гражданско-правовой отдѣлъ, заключенный въ ст. 76—96, представляетъ собою повтореніе того, что уже было въ первомъ Судебникѣ. Измѣненій произведено весьма немного. Къ нововведеніямъ слѣдуетъ отнести правила о займѣ, не лишенныя противорѣчій (ср. ст. 78 и 82), о выкупѣ родовыхъ вотчинъ (ст. 85), требованіе поручительства съ продавца при покупкѣ старыхъ вещей (ст. 93), спеціальныя постановленія о покупкѣ лошадей (ст. 94—96).

По мысли законодателя содержаніе Судебника является исчерпывающимъ, такъ что никакихъ нормъ внѣ Судебника быть не должно: „впередъ всякія дѣла судити по сему Судебнику" (ст. 97). Вмѣстѣ съ тѣмъ законодатель призналъ, что жизнь не перестанетъ выдвигать новыя отношенія, для кото-

рыхъ потребуется юридическое опредѣленіе. „А которые будутъ дѣла новые а въ семъ Судебникѣ не написаны и какъ тѣ дѣла съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати“ (ст. 98). Такимъ образомъ обычному праву совершенно не дано простора. Конечно, дѣйствительная жизнь пробивала себѣ теченіе помимо Судебника, но съ исторической точки зрѣнія важно то обстоятельство, что самъ законодатель думалъ, будто онъ включилъ въ свой сборникъ все содержаніе частно-правовой жизни.

Въ продолженіе ста лѣтъ со времени изданія второго Судебника кодификаціонныя работы пріостанавливаются и законодательная дѣятельность московскихъ государей принимаетъ казуистическій характеръ. Издаются отдѣльные законы, одинъ за другимъ, по мѣрѣ того, какъ текущая жизнь выдвигаетъ тотъ или другой вопросъ. При раздѣленіи задачъ управленія между разными приказами и при отсутствіи всякаго порядка обнародованія законовъ, послѣдніе становятся исключительнымъ достояніемъ того приказа, практикою котораго вопросъ былъ выдвинутъ и къ вѣдомству котораго предметъ относился. Такимъ образомъ, вмѣсто общаго законодательнаго потока, получился рядъ рукавовъ, между собою не сообщающихся. Всѣ эти законы, слѣдующіе за Судебникомъ и носящіе обыкновенно не совсѣмъ точное названіе дополнительныхъ указовъ, заносились въ указныя книги приказовъ, въ порядкѣ хронологической послѣдовательности, а иногда и съ періодическими попытками систематизаціи. Каждый приказъ зналъ и хранилъ относившіеся къ нему указы и въ то же время не зналъ законовъ, изданныхъ для другихъ вѣдомствъ. Но такъ какъ даже при самой строгой спеціализаціи управленія (а этого вовсе не было въ московскомъ государствѣ) компетенціи трудно разграничиваются, то въ практикѣ приказовъ постоянно возникали вопросы, побуждавшіе каждый изъ нихъ разыскивать въ другихъ приказахъ, не было ли издано соотвѣтствующихъ узаконеній.

Такіе розыски и запросы не могли не затруднять практику, которая должна была искать какого либо иного источника, способнаго дать ей руководящія начала. По мнѣнію нѣкоторыхъ такимъ источникомъ послужило обычное право. Ст. 97 Царскаго Судебника, имѣя исключительно процессу-

альное значеніе, нисколько не стѣсняла примѣненія обычнаго права. Но, если бы эта статья дѣйствительно имѣла только процессуальное значеніе, то Судебнику не зачѣмъ было бы вводить въ свой составъ нормъ матеріальнаго права. А при характерѣ московскаго правительства, которое стремилось само стать единственнымъ источникомъ руководящихъ правилъ народной жизни, при централизаціи всего управленія въ Москвѣ, при заносчивости и высокомѣріи московскаго чиновенства— пользованіе со стороны практики обычнымъ правомъ не представляется вѣроятнымъ. Болѣе подходящимъ источникомъ для московской практики явилось чужеземное право, особенно право сосѣдняго народа, недавно кодифицированное. Литовскій Статутъ былъ той книгой, которою пользовались приказы въ затруднительныхъ для нихъ случаяхъ. Пользованіе со стороны приказовъ иностраннымъ источникомъ не подлежитъ въ настоящее время сомнѣнію и только это обстоятельство можетъ объяснить содержаніе Уложенія Алексѣя Михайловича. По крайней мѣрѣ эта практика съ наглядностью обнаруживается изъ дополнительыхъ указовъ т. наз. эрмитажнаго списка. Однако, со свойственной тому времени неискренностью, эти заимствованія производились негласно подъ прикрытіемъ ненависти ко всему чужому.

Литература. Для московскаго періода лучшая работа—Загоскинъ, Исторія права московскаго государства, т. I, 1877, т. II, 1879, въ первомъ томѣ стр. 29—138 посвящены исторіи источниковъ права; Латкинъ, Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права, 1888, стр. 42—209.

Судебникъ Ивана III, съ теченіемъ времени забытый, былъ извлеченъ изъ архивовъ только въ 1817 году. До того времени онъ былъ извѣстенъ по латинскому переводу, помѣщенному въ сочиненіи барона Герберштейна. Изданъ былъ Судебникъ въ 1819 году Строевымъ и Калайдовичемъ, а затѣмъ въ Актахъ Историческихъ, т. I, 1841, подъ № 105, Владимірскимъ—Будановымъ въ его Хрестоматіи, в. II и наконецъ Законы В. К. Іоанна Васильевича и внука его, царя Іоанна Васильевича, 1878. Литературы первый Судебникъ не имѣетъ вовсе.—Было высказано мнѣніе, будто однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ Судебника являлась Русская Правда, «многія постановленія которой почти буквально повторяются Судебникомъ» (Латкинъ, Лекціи, стр. 43). Но такихъ повтореній такъ немного, что нельзя утверждать. будто Судебникъ является дальнѣйшимъ развитіемъ Русской Правды, какъ это дѣлаетъ Морошкинъ, Рѣчь объ Уложеніи 1839, стр. 16. Напротивъ, по мнѣнію Владимірскаго—Буданова, (Сб. Гос. Зн. т. IV, стр. 20) «начала Русской Правды, еще ясныя въ Псковской Судной Грамотѣ, совер-

шению нераспознаваемы въ Судебникахъ. Между этими и Русскою Правдою цѣлая пропасть.» — Нѣкоторые желаютъ видѣть систему въ изложеніи Судебника, раздѣляя его на 4 раздѣла: о судѣ центральномъ, о судѣ областномъ, о гражданскомъ правѣ и процессѣ, добавочныя статьи, Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія, прим. 1, Обзоръ, стр. 202, Загоскинъ, Исторія, т. I, стр. 62, но даже и въ этихъ предѣлахъ система не выдерживается

Указанія на законы Василія III, до насъ не дошедшіе, имѣются въ дополнительныхъ статьяхъ къ Царскому Судебнику. Татищевъ утверждалъ, что онъ лично ихъ видѣлъ.

Судебникъ Ивана IV былъ найденъ ранѣе Судебника Ивана III, а именно Татищевымъ у одного частнаго лица и поднесенъ Аннѣ Ивановнѣ «яко вещь дивная». Хотя Татищевъ и подготовилъ печатное его изданіе на основаніи еще другихъ экземпляровъ, но впервые въ печати онъ появился въ 1768 году, когда изданіе Судебника было сдѣлано также Башиловымъ (вт. изд. 1786). Было еще нѣсколько изданій, новѣйшее у Владимірскаго-Буданова и въ указанномъ выше изданіи 1878 г. Литературы этотъ Судебникъ тоже не имѣетъ, если не считать весьма слабой статьи Калачова, О судебникѣ царя Іоанна Васильевича Юрид. Зап. Рѣдкина, т. I, 1841,. У Калачева невѣрна исходная точка зрѣнія. Онъ смотритъ на Судебникъ, какъ на «окончательный результатъ развитія русскаго гражданскаго права» (стр. 84). Его вниманіе притомъ обращено не на самый памятникъ, а на догму права того времени.—Мнѣніе о вліяніи выборныхъ перваго земскаго собора на составленіе Царскаго Судебника высказано Латкинымъ, Лекціи, стр. 57, а по мнѣнію Трачевскаго, Русская Исторія, т. I, 1895, стр. 408, «важнѣйшіе законы, въ родѣ Судебника Ивана IV, были изданы при участіи церкви».

На обычное право, какъ на источникъ для московской приказной практики, указываетъ въ особенности Загоскинъ, Исторія права Московскаго государства, т. I, стр. 72. На неправдоподобность такого предположенія указалъ Мейчикъ, Дополнительныя данныя (Сб. арх. инст. стр, 97). Фактъ практической рецепціи Литовскаго Статута въ Москвѣ обстоятельно установилъ Владимірскій-Будановъ (Сб. Гос Зн. т. IV, особенно см. стр. 23).

§ 4. **Уложеніе Алексѣя Михайловича**. Въ половинѣ XVII вѣка, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, создается новый законодательный памятникъ, извѣстный подъ именемъ Уложенія. Можно было заранѣе предвидѣть, что правленію именно этого государя суждено будетъ привести въ порядокъ юридическій строй московскаго государства.

Потрясенія, испытанныя русскимъ народомъ въ началѣ XVII столѣтія, надолго расшатали молодой, едва сложившійся организмъ государства. Прежде всего необходимо было обез-

печить самостоятельность Россіи и эта трудная и тяжелая задача выпала на долю Михаила Феодоровича. Только въ концѣ этого царствованія можно было успокоиться на счетъ внѣшней безопасности и тогда выступила новая задача—внутренняго устроенія государства,—которая пришлась всецѣло на царствованіе Алексѣя Михайловича, хотя и начала осуществляться уже въ концѣ предшествовавшаго царствованія. Междоусобныя войны обнаружили недостаточное внутреннее скрѣпленіе. Населеніе, которое пристало къ Москвѣ въ надеждѣ на большую защиту, страдало отъ крайняго произвола администраціи и почти полнаго отсутствія правосудія. Московское правительство отлично понимало, что по отраженіи внѣшнихъ враговъ оно могло вернуть себѣ авторитетъ только установленіемъ твердаго юридическаго порядка.

Второю причиною, побуждавшею къ составленію Уложенія, было печальное состояніе законодательства. Если произволъ администраціи и недостатокъ правосудія достаточно объяснялись увѣренностью сильныхъ людей въ своей недосягаемости, то эти явленія находили себѣ также нѣкоторое оправданіе въ отсутствіи сколько нибудь точныхъ и опредѣленныхъ нормъ. Никто не зналъ дѣйствующаго права, ни населеніе, ни само правительство. Судебникъ вышелъ изъ употребленія, а позднѣйшія нормы нашли себѣ мѣсто въ книгахъ отдѣльныхъ приказовъ и оставались неизвѣстными какъ для всего населенія, такъ и для другихъ органовъ управленія.

Ближайшимъ поводомъ къ составленію уложенія является, какъ кажется, давленіе оказанное на правительство народными волненіями, которыя произошли въ Москвѣ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Лѣтомъ 1648 года народъ, выведенный изъ терпѣнія произволомъ и алчностью близкихъ къ царю лицъ, какъ Морозовъ, Трахоніотовъ и особенно большой судья земскаго приказа Плещеевъ, воспользовался царскимъ выходомъ въ Срѣтенскій монастырь, окружилъ его на площади и требовалъ удаленія Плещеева. Когда тишайшій государь, давшій обѣщанія, поѣхалъ далѣе, а царская стража приняла насильственныя мѣры противъ толпы, послѣдняя дошла до крайняго возбужденія, которое имѣло своимъ послѣдствіемъ казнь Плещеева и Траханіотова, разграбленіе нѣсколькихъ боярскихъ домовъ, въ томъ числѣ дома Никиты Одоевскаго, которому суждено было стать во главѣ коммиссіи по состав-

ленію Уложенія. Народное волненіе вынудило царя дать обѣщаніе, что „на мѣста казненныхъ будутъ опредѣлены люди честные и пріятные народу, которые будутъ чинить расправу безъ посуловъ и всѣмъ одинаково“.

Безпорядки происходили въ Москвѣ въ началѣ лѣта 1648 года, а 16 іюля того же года царь Алексѣй Михайловичъ, посовѣтовавшись съ патріархомъ Іосифомъ, митрополитами, архіепископами, епископами и всѣмъ священнымъ соборомъ, и поговоривъ съ боярами, окольничьими и думными людьми, рѣшилъ приступить къ составленію Уложенія. Съ этою цѣлью образована была коммиссія изъ пяти лицъ: боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго, боярина князя Семена Васильевича Прозоровскаго, окольничьяго князя Ѳеодора Ѳеодоровича Волконскаго, и двухъ дьяковъ, Гаврила Леонтьева и Ѳеодора Грибоѣдова. Этой коммиссіи поручено было выписать изъ правилъ Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отцевъ и градскихъ законовъ греческихъ царей статьи, какія пристойны къ государственнымъ и земскимъ дѣламъ; собрать царскіе указы и боярскіе приговоры и справить ихъ со старыми судебниками; написать и изложить статьи, на которые прежнихъ государей въ судебникахъ указу не положено и боярскихъ приговоровъ не было. Желая сдѣлать составленіе уложенія дѣломъ народнымъ, Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ созвать земскій соборъ, „чтобы его государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити, и на мѣрѣ поставить, чтобы тѣ всѣ великіе дѣла, по нынѣшнему Его Государеву указу и соборному уложенію, впредь были ничѣмъ нерушимы“.

Коммиссія по составленію уложенія организована была 16 іюля, а къ 1 сентября уже созываются въ Москву выборные. Если принять въ соображеніе пути сообщенія того времени и условія путешествія, а также московскую волокиту, то мы придемъ къ заключенію, что выборные приглашались прибыть немедленно. Въ самомъ дѣлѣ менѣе полутора мѣсяца и нельзя было положить на то, чтобы разослать по городамъ вызовъ, произвести выборы, дать выборнымъ запастись всѣмъ необходимымъ для продолжительнаго пребыванія въ Москвѣ, наконецъ доѣхать до Москвы изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ обширнаго государства.

СПбГУ

Но тогда возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ возможно было одновременно учреждать коммиссію для собиранія матеріала и составленія проекта и созывать соборъ для разсмотрѣнія и утвержденія послѣдняго. Нельзя же было думать, что такая громадная законодательная работа будетъ закончена коммиссіею въ тѣ полтора мѣсяца, которые назначены были для съѣзда выборныхъ. Одно изъ двухъ: или самъ соборъ долженъ былъ выполнить всю работу по составленію уложенія или же проектъ былъ приготовленъ ранѣе. Первое предположеніе представляется невѣроятнымъ не потому, что на многочисленное собраніе нельзя возлагать составленія законопроектовъ, такъ какъ нѣчто подобное произошло съ коммиссіей 1767 года, а потому что коммиссія выполнила сама свою задачу, какъ вытекаетъ изъ предисловія къ Уложенію. Остается слѣдовательно предположить, что работы по составленію уложенія подготовлялись задолго до 1648 года, можетъ быть, еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и правительство, побужденное оставить свою волокиту въ виду народныхъ волненій, созвало соборъ, зная, что подготовительная работы закончены.

Очевидно, московское правительство назначило слишкомъ короткій срокъ для съѣзда выборныхъ, потому что только съ 3 октября началось слушаніе соборомъ Уложенія. Слушали не всѣ одновременно, а произошло раздѣленіе. Царь, патріархъ, весь освященный соборъ выслушали сначала, а потомъ отдѣльно, въ отвѣтной палатѣ, Уложеніе читалось передъ выборными людьми. Такимъ образомъ „общаго совѣта“ въ сущности не было.

Каково же было отношеніе выборныхъ къ заслушиваемому законопроекту? Должны ли они были безмолвно внимать чтенію или же могли высказывать свое мнѣніе, критиковать проектъ, предлагать свою редакцію? Вопросъ этотъ представляется нелегкимъ для разрѣшенія. Выслушать чтеніе законопроекта, хотя бы и такого большого, какъ Уложеніе, недолго и если бы роль выборныхъ ограничилась выслушиваніемъ, то дѣло было бы кончено въ нѣсколько дней. Но едва ли это было такъ. Во первыхъ, если бы не имѣлось въ виду дать выборнымъ возможность высказать свое мнѣніе по поводу законопроекта, то какой смыслъ имѣли бы тѣ челобитныя, которыя подавались царю въ теченіе всей соборной сессіи?

Во вторыхъ, на активное участіе выборныхъ наводитъ самый видъ подлинника Уложенія. По выслушаніи законопроекта царь повелѣлъ написать все Уложеніе на списокъ, а уже потомъ, по подписаніи этого списка всѣми выборными, приказалъ царь вновь переписать то Уложеніе въ книгу, съ которой уже и должно было печатать. Спрашивается, къ чему потребовалось, по выслушаніи законопроекта, переписывать его на длинную ленту? Если выборные не могли ничего измѣнить, то можно было подписать проектъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ представленъ къ слушанію. Можно думать, что ленточная форма была избрана не случайно. Если обсужденіе и критика приводили въ результатѣ къ рѣшенію измѣнить содержаніе той или другой части проекта, то при ленточной формѣ нетрудно было вырѣзать соотвѣтствующее мѣсто и вклеить новое, съ измѣненнымъ содержаніемъ. Съ книгою продѣлать этого уже нельзя было. Конечно, это только предположеніе, но въ пользу его говорятъ неодинаковый размѣръ столбцовъ, склеенныхъ между собою (отъ 4 до 10 вершковъ), и неодинаковый почеркъ, притомъ иногда мѣняющійся вмѣстѣ со столбцомъ. Только это предположеніе можетъ объяснить, зачѣмъ понадобилась переписка съ книги на ленту, а потомъ снова въ книгу. Но, если это предположеніе основательно, то оно даетъ мѣсто другому предположенію—вліянію выборныхъ на текстъ законопроекта.

Въ третьихъ, только личное участіе выборныхъ можетъ оправдать то вознагражденіе, которымъ царь пожаловалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Насколько велико было вліяніе выборныхъ, какія статьи измѣнены были или вновь вставлены при ихъ участіи—это остается вопросомъ неразрѣшимымъ теперь, особенно, если мы не довѣримся тѣмъ отмѣткамъ, которыя сдѣланы на поляхъ подлиннаго Уложенія. Замѣтимъ только, что вліяніе выборныхъ, повидимому, менѣе всего отразилось на гражданскомъ правѣ. Были болѣе животрепещущіе вопросы, какъ опредѣленіе сословныхъ отношеній, администраціи къ населенію, которые отвлекали отъ частно-правовой сферы. По крайней мѣрѣ сами защитники мнѣнія объ активномъ участіи выборныхъ не указываютъ статей гражданскаго права, на которыхъ бы оно отразилось.

СПбГУ

Послѣ подписанія того свитка, на которомъ, по окончательномъ обсужденіи, помѣстилось Уложеніе, всѣми выборными и скрѣпы его дьяками, оно было переписано въ книгу и напечатано. Затѣмъ печатные экземпляры были разосланы во всѣ приказы и въ города. Здѣсь впервые встрѣчаемся съ печатаніемъ законовъ, и, что́ особенно важно, съ обнародованіемъ ихъ. Книга не только была разослана по присутственнымъ мѣстамъ, но и обращена въ продажу, для чего и потребовалось два или три изданія. Гласность закона—явленіе въ высшей степени важное въ исторіи правовой жизни народа.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича признается единодушно продуктомъ чисто національнымъ, чистымъ выраженіемъ правовой жизни московскаго государства. Оправданіе такому воззрѣнію можетъ заключаться только въ соотвѣтствіи содержанія Уложенія предшествующему праву. Если законодательный памятникъ основывается на болѣе раннихъ сборникахъ, если онъ представляетъ собою дальнѣйшее развитіе нормъ, уже дѣйствовавшихъ въ тѣхъ же предѣлахъ, то имѣется полное основаніе признать памятникъ національнымъ. Если же въ него врываются совершенно постороннія теченія, продукты правовой жизни другихъ народовъ, то о національности кодекса приходится говорить съ осторожностью. И чѣмъ болѣе, для приведенія дѣйствующаго права въ соотвѣтствіе съ новыми потребностями, памятникъ пользуется готовыми нормами права другихъ народовъ, тѣмъ менѣе основанія настаивать на его національномъ характерѣ. Въ отношеніи Уложенія Алексѣя Михайловича этотъ вопросъ разрѣшается тѣми источниками, которыми составители пользовались, какъ матеріаломъ.

При учрежденіи комиссіи для составленія Уложенія ей даны были указанія, какими источниками должна она воспользоваться для выполненія своей работы. Эти источники слѣдующіе: 1) правила Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ церкви, 2) византійское право, 3) старые судебники, царскіе указы и боярскіе приговоры. Къ этимъ источникамъ коммиссія присоединила Литовскій Статутъ. На подлинникѣ уложенія имѣются отмѣтки, указывающія на источникъ той или другой статьи. Но рѣшающаго значенія для опредѣленія источниковъ Уложенія онѣ имѣть не могутъ, потому что онѣ помѣщены случайно, только противъ 177 статей, потому что неизвѣстно, кому и

какому времени онѣ принадлежатъ, наконецъ потому что далеко не всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Прежде всего, конечно, приходится остановиться на вопросѣ, насколько составители воспользовались дѣйствовавшимъ до Уложенія правомъ. Нѣкоторые, находя въ Уложеніи слѣды Русской Правды, признаютъ его дальнѣйшимъ логическимъ развитіемъ перваго памятника русскаго права. Но слѣды эти весьма незначительны: они сводятся къ той статьѣ о несостоятельности, которой почему то особенно посчастливилось въ Москвѣ. Эта статья попала въ Судебники, а оттуда въ Уложеніе (гл. X, ст. 203). Вообще же между Русскою Правдою и Уложеніемъ такъ же мало связи, какъ между культурою днѣпровской Руси и московскаго государства.

Такимъ образомъ въ основу Уложенія могло быть положено московское право, начиная съ Судебниковъ. Эта мысль выражена въ самомъ предисловіи къ Уложенію. Комиссіи поручалось „прежнихъ, великихъ Государей, Царей и великихъ Князей Россійскихъ и Отца его Государева, блаженныя памяти великаго Государя Царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Русіи, указы и боярскіе приговоры съ старыми судебниками справити". Итакъ, дѣло представляется въ такомъ видѣ, что коммиссіи слѣдовало, взявъ исходнымъ пунктомъ Судебники, измѣнить, пополнить ихъ содержаніе, соотвѣтственно тому матеріалу, который накопился въ послѣдующихъ узаконеніяхъ.

Какимъ образомъ производилась эта работа, мы не знаемъ, потому что для насъ осталась неизвѣстною закулисная сторона подготовленія Уложенія. Но нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы составители стѣснены были хронологическою послѣдовательностью узаконеній, чтобы они не могли свободно выбирать изъ стараго матеріала все, что казалось имъ подходящимъ, возстановлять отмѣненное, отмѣнять позднѣйшее въ пользу болѣе ранняго. По крайней мѣрѣ такая свобода дѣйствій вытекаетъ изъ того, что коммиссіи предложено было положить въ основаніе своихъ работъ не послѣдній Судебникъ, а Судебники вообще.

Какъ мы уже видѣли, дополнительные къ Судебнику указы нашли себѣ мѣсто въ книгахъ отдѣльныхъ приказовъ. Что коммиссія пользовалась этими книгами, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, но въ какой формѣ это произво-

дилось, выписывались ли оттуда въ точности указы или допускалась нѣкоторая свобода формы, что именно считала коммиссія обязательнымъ выписывать, какъ она примиряла болѣе чѣмъ вѣроятныя противорѣчія въ книгахъ—все это можетъ получить разъясненіе только при болѣе основательномъ изученіи указныхъ книгъ. Этотъ источникъ заполнилъ главнымъ образомъ главы X, XVI, XVII.

Дѣйствовавшее право, какъ матеріалъ, представлялось коммиссіи, вѣроятно, исключительно въ формѣ закона. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній, что-бы коммиссія обращалась къ обычному праву. Въ данныхъ ей инструкціяхъ нѣтъ указаній на этотъ источникъ, едва ли московскіе дьяки были съ нимъ знакомы, наконецъ для установленія обычнаго права московскаго государства потребовались бы такіе научные пріемы, которыхъ мы не имѣемъ и теперь, а не только въ то время.

Коммиссіи рекомендовалось воспользоваться для своей работы правилами Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ. Это не значило, конечно, что коммиссія должна была заняться изученіемъ каноновъ въ подлинникѣ. Ей предлагалось обратиться къ канонической части того сборника, который, подъ именемъ номоканона или кормчей, содержалъ въ себѣ смѣшеніе церковныхъ и свѣтскихъ положеній и давно уже обращался въ Россіи въ области духовной юрисдикціи. Коммиссія воспользовалась этимъ источникомъ главнымъ образомъ для того, чтобы придать нѣкоторымъ постановленіямъ религіозную санкцію. Этотъ источникъ въ общемъ, какъ и слѣдовало ожидать, мало принятый коммиссіей для выработки матеріальныхъ положеній, отразился въ области гражданскаго права на запрещеніи взимать проценты при займѣ (гл. X, ст. 255), на запрещеніи договора личнаго найма между иновѣрцами и православными (гл. XX, ст. 70).

Патріархъ Никонъ, оказавшійся злѣйшимъ врагомъ Уложенія, напалъ на составителей его за то именно, что они мало воспользовались этимъ источникомъ, а тамъ, гдѣ пользовались, извращали его. Однако нападки патріарха являются простыми придирками и не обнаруживаютъ въ немъ пониманія правовой стороны государственнаго быта. Это особенно ярко обнаруживается въ его критикѣ гл. X, ст. 1, въ которой говорится, что судъ государя царя, тогда какъ по мнѣнію Никона „судъ де Божій есть и отъ сперва, а не царевъ“.

СПбГУ

Римское право, оказавшее такое громадное воздѣйствіе на правовой бытъ Западной Европы, проявило свое вліяніе и въ отношеніи Россіи, но только посредственно, въ византійской обработкѣ. Греко-римское право поставлено офиціально въ предисловіи къ Уложенію среди его источниковъ. Особенно замѣчательно, что ему отведено первое мѣсто, оно поставлено выше своего отечественнаго права, которое, повидимому, должно бы быть основнымъ источникомъ, лишь пополняемымъ со стороны другихъ. Этотъ доступъ греко-римскому праву въ замкнутый московскій міръ и это видное мѣсто, предоставленное ему, объясняются вліяніемъ духовенства. Законодательное предпріятіе, результатомъ котораго явилось Уложеніе, задумано было царемъ совмѣстно съ духовенствомъ, естественно стоявшимъ за византійское право, которымъ оно привыкло пользоваться въ сферѣ своей юрисдикціи. Въ московскомъ государствѣ установился тѣсный союзъ между государственною властью и православнымъ духовенствомъ, которыя взаимно другъ друга поддерживали. Благодаря этому тѣсному союзу государственный и правовой строй принимаютъ нѣсколько религіозно-православный характеръ. Со времени все болѣе и болѣе выступавшаго раздѣленія церквей православное духовенство обратило свои взоры исключительно на византійскую культуру и усиленно пропагандировало ее, какъ орудье противъ вторженія западной культуры, за которою стояло латинство. Естественно поэтому, что духовенство предлагало правительству воспользоваться правовымъ матеріаломъ византійской культуры, можетъ быть, и не подозрѣвая существованія тѣсной связи ея съ римско-латинскимъ правомъ. Въ этомъ случаѣ государственная власть только слѣдовала указаніямъ духовенства.

Византійское право не представляло въ эпоху составленія Уложенія новости для Россіи. Оно давно уже было внесено въ ея предѣлы вмѣстѣ съ христіанствомъ, оно давно составляло содержаніе кормчихъ. Но до сихъ поръ поле его дѣйствія ограничивалось сферою церковной юрисдикціи, изъ которой оно изрѣдка и случайно выходило и въ другія области. Теперь же при составленіи Уложенія византійскому праву открыто предоставляется опредѣлять свѣтскія отношенія московскихъ людей, передъ свѣтскими судами. Греко-римское право приглашается восполнить и исправить русское право. При всемъ вліяніи византизма въ московскомъ государствѣ,

СПбГУ

до этого времени византійское право не признавалось, какъ основаніе для перестройки всего русскаго правового строя.

Едва ли можно думать, чтобы составители Уложенія были знакомы въ подлинникѣ съ греко-римскимъ правомъ. Вѣроятнѣе, что они воспользовались тѣми извлеченіями эклоги, прохейрона и закона суднаго, которыя помѣщались въ русскомъ переводѣ въ кормчихъ.

Въ сферѣ гражданскаго права греко-римскій источникъ отразился на всѣхъ его отдѣлахъ, болѣе всего на семейственномъ, менѣе всего на вещномъ. Что́ семейное право, а по связи съ нимъ и наслѣдственное, приняли византійскія нормы—неудивительно, потому что въ этой области, подвѣдомственной церковному суду, давно уже расчищался путь. Но и обязательственное право воспользовалось этимъ источникомъ для опредѣленія многихъ договорныхъ отношеній, какъ личный наемъ (гл. X, ст. 272, 273, 275), имущественный наемъ (гл. X, ст. 227, 274).

Таковы были источники, предложенные коммисіи для руководства, и ими исключительно, по указанію предисловія къ Уложенію, пользовались составители при выполненіи своей задачи. Но въ дѣйствительности при составленіи Уложенія сильно воспользовались иностраннымъ источникомъ, на который нѣтъ офиціальныхъ указаній,—а именно Литовскимъ Статутомъ.

Этотъ законодательный памятникъ принадлежалъ государству, наиболѣе близкому по культурѣ, а притомъ былъ недавняго происхожденія. Со времени ливонскихъ войнъ между московскимъ государствомъ и польско-литовскимъ установились довольно тѣсныя отношенія, частью военныя, частью мирныя. Государственная близость должна была чувствоваться уже при возникавшихъ предположеніяхъ объ избраніи московскихъ царей на польскій престолъ, а польскихъ королей на русскій. Постоянныя посольства, продолжительный плѣнъ, долгое пребываніе въ чужихъ предѣлахъ во время военныхъ дѣйствій, должны были освоить русскихъ съ польско-литовскою культурою. Вслѣдствіе того въ московскихъ приказахъ развилась постепенно привычка обращаться къ Статуту въ затруднительныхъ юридическихъ случаяхъ. Странно было бы думать, что именно при составленіи Уложенія эта привычка была вдругъ оставлена. Дѣйствительно, составители Уложенія

СПбГУ

полною рукою черпали въ этомъ источникѣ, хотя и не упоминали о томъ.

Заимствованія производились двоякимъ путемъ. Заимствовались только вопросы, поставленные въ Статутѣ и до сихъ поръ не выдвигавшіеся въ Москвѣ и давались свои рѣшенія, соотвѣтствующія мѣстнымъ условіямъ. Или же заимствовались самыя юридическія положенія, цѣликомъ или съ большею или меньшею передѣлкою. Во всякомъ случаѣ объемъ заимствованій изъ этого источника громаденъ. Достаточно сказать, что по новѣйшимъ изслѣдованіямъ гл. II, III, IV, V, VII, IX, XXII цѣликомъ составлены по Статуту, въ остальныхъ главахъ всюду разбросаны заимствованія. Это обстоятельство можетъ быть объяснено предварительнымъ рецепированіемъ въ приказной практикѣ значительной части заимствованнаго въ Уложеніи матеріала. При такомъ свободномъ пользованіи Литовскимъ Статутомъ со стороны коммиссіи трудно было бы предполагать, что одно гражданское право останется чуждо этимъ заимствованіямъ. И на самомъ дѣлѣ вліяніе Литовскаго Статута оказывается весьма значительнымъ и въ этой небольшой части Уложенія. Заимствованія проявились болѣе всего въ вещномъ правѣ: сервитутныя отношенія особенно отразили на себѣ литовское вліяніе.

Уложеніе Алексѣя Михайловича представляетъ собою огромный сборникъ, превысившій по объему все виданное до сихъ поръ въ московскомъ государствѣ. Оно содержитъ 967 статей, раздѣленныхъ между 25 главами весьма неравномѣрно. Однѣ главы очень малы, какъ напр. гл. V, состоящая изъ двухъ небольшихъ статей, другія громадны, какъ гл. X, заключающая въ себѣ 287 статей. Какъ же размѣстились статьи въ Уложеніи, по какому плану?

Вопросъ о системѣ Уложенія возбудилъ сомнѣнія. Было высказано предположеніе, что составители Уложенія воспользовались указными книгами приказовъ, въ которыхъ уже была сдѣлана сводка законодательнаго матеріала и затѣмъ внесли цѣликомъ въ Уложеніе, распредѣляя по важности приказовъ. Вѣроятность пользованія указными книгами весьма значительна особенно при сравненіи указной книги помѣстнаго Приказа съ соотвѣтствующими мѣстами Уложенія. Но едва ли можно сомнѣваться, что составители имѣли передъ собою какую либо готовую систему, въ которую укладывали приказный матеріалъ.

СПбГУ

Нѣкоторые полагаютъ, что такимъ образцомъ послужилъ Литовскій Статутъ, другіе стоятъ за Юстиніановскій Кодексъ, наконецъ третьи высказываютъ самое вѣроятное предположеніе, что система кодекса послужила образцомъ не непосредственно, а черезъ Литовскій Статутъ, который самъ воспользовался юстиніановскимъ образцомъ.

Обращаясь къ характеристикѣ Уложенія Алексѣя Михайловича, мы прежде всего встрѣчаемся съ вопросомъ о томъ, насколько оно можетъ считаться чистымъ продуктомъ народно-русскаго творчества. Всѣ изслѣдователи Уложенія, какъ старые, такъ и новые, единодушно признаютъ, что „въ немъ выразился народный отечественный характеръ“, что „оно вылилось изъ жизни народной стройно и преемственно“; что „оно естественно историческимъ путемъ развилось изъ народной жизни, что оно лишь пополнило и объединило старыя постановленія, но не внесло въ русскую жизнь ничего новаго“; однимъ словомъ, что „оно представляетъ собою строго національный кодексъ“. Если однако отложить патріотическій мотивъ, то всѣ эти мнѣнія останутся безъ достаточнаго научнаго основанія, такъ какъ они не исходятъ изъ понятія о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ „строго-національнаго кодекса“.

Если станемъ на эту точку зрѣнія, то увидимъ, что національный характеръ можно признавать за такимъ только законодательнымъ памятникомъ, котораго содержаніе представляетъ собою развитіе предшествующаго законодательства, вызываемое усложненіемъ бытовыхъ отношеній. Это развитіе должно состоять въ распространеніи, обобщеніи, измѣненіи старыхъ нормъ, насколько въ томъ обнаружилась потребность. Основаніемъ къ такому измѣненію должно служить изученіе жизни своего народа и самостоятельное, соотвѣтствующее ей, творчество юридическихъ нормъ. Если же право народа измѣняетъ свое содержаніе не путемъ внутренняго роста, а вслѣдствіе присоединенія огромнаго количества чужеземныхъ нормъ, то едва ли можно приписывать ему національный характеръ. Подобное заимствованіе само по себѣ не даетъ основанія къ осужденію законодательнаго памятника. Напротивъ, право каждаго народа должно поддаваться чужому вліянію, какъ и его литература, наука, искуство, должно пользоваться готовымъ образцомъ вмѣсто того, чтобы начинать заново ра-

СПбГУ

боту, уже выполненную другими. Все дѣло въ критическомъ отношеніи къ заимствуемому матеріалу, въ разумномъ пользованіи образцомъ.

Обозрѣніе источниковъ Уложенія въ достаточной степени обнаружило, что содержаніе его въ доброй части не составляетъ продукта отечественнаго творчества, а напротивъ заимствованіе изъ права другихъ народовъ, притомъ съ такими несходными культурами, какъ Византія съ одной стороны, Польско-Литовское государство съ другой.

Въ защиту строго національнаго характера Уложенія выставляютъ то соображеніе, что греко-римское право задолго до работъ по составленію Уложенія уже имѣло примѣненіе въ Россіи. Но самый фактъ примѣненія, хотя бы и впродолженіе долгаго времени, чужого права, не превращаетъ это право въ отечественное и не даетъ національнаго характера законодательному памятнику, воспринявшему его. Если дѣйствительно византійское право черезъ посредство кормчихъ проникло въ русскую жизнь, то во первыхъ область его примѣненія была несравненно уже, чѣмъ та, какая ему предоставлена по Уложенію, а во вторыхъ количество рецепированныхъ нормъ было значительно меньше, сравнительно съ тѣми, которые уже имѣли обращеніе въ Россіи.

Относительно заимствованій изъ Литовскаго Статута защитники національнаго характера Уложенія указываютъ на родство правовыхъ основъ въ Литвѣ и Москвѣ, на сохраненіи въ томъ и другомъ государствѣ обычаевъ древняго происхожденія, когда русскія земли еще не распались. Это говорятъ тѣ же ученые, которые объясняютъ довольно быструю смѣну Судебниковъ сильнымъ измѣненіемъ бытовыхъ условій. Спрашивается, какимъ образомъ, при такой смѣнѣ законодательныхъ памятниковъ въ зависимости отъ дѣйствительнаго измѣненія условій жизни, могли сохраниться древніе обычаи въ двухъ государствахъ, такъ сильно разошедшихся въ своей исторической судьбѣ? Достаточно взглянуть на Литовскій Статутъ послѣдней редакціи, которою вѣроятно пользовались въ московскихъ приказахъ и въ коммиссіи по составленію Уложенія, чтобы замѣтить, какъ далеко ушла жизнь, какъ мало осталось отъ того, что напоминало о древнемъ происхожденіи. И какъ будто при дѣлаемыхъ изъ Статута заимствованіяхъ

сообразовались съ тѣмъ, насколько заимствуемыя нормы соотвѣтствовали древне-русскимъ правовымъ основамъ.

Сильный аргументъ защитники національнаго характера Уложенія видятъ въ свободѣ заимствованій, въ разумномъ пользованіи чужими источниками. Но, если свобода заимствованія заключается въ томъ, что составители не просто списывали статьи, а перерабатывали ихъ, то это обстоятельство не превращаетъ кодексъ въ національный, подобно тому какъ самый лучшій фасонъ платья, сшитаго изъ англійскаго сукна, не дѣлаетъ матеріалъ отечественнымъ.

Замѣчено, что Уложеніе, по сравненію съ предшествующими законодательными памятниками отличается необыкновенно жестокими наказаніями. Денежныя наказанія, свойственныя старому русскому праву, уступаютъ мѣсто смертной казни, членовредительнымъ наказаніямъ, ссылкѣ. Но заливаніе горла оловомъ, сожиганіе, четвертованіе—все это не русскаго происхожденія, а навѣяно византійскими и литовскими источниками. Такимъ образомъ эта характерная черта строго-національнаго памятника, суровость, является сама заимствованною.

Второю характерною чертою Уложенія признаютъ его православно-религіозное начало: „оно, какъ и народъ, создавшій его, православно“. Но едва ли можно признать религіозность характерною чертою Уложенія. Два—три заимствованія изъ Св. Писанія (гл. VIII, ст. 1, гл. XIV, ст. 10), еще недостаточны для того, чтобы придать характерный признакъ такому объемистому произведенію, какъ Уложеніе. Запрещеніе процентовъ на основаніи правилъ Св. Апостоловъ соотвѣтствуетъ подобнымъ же запрещеніямъ, вводимымъ на томъ же основаніи во всей Западной Европѣ. Если Уложеніе создаетъ рядъ религіозныхъ преступленій, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что также поступали всѣ кодексы Западной Европы, а прежде всего Кодексъ Юстиніана и Литовскій Статутъ, послужившіе Уложенію образцами, такъ что въ этомъ обстоятельствѣ Уложеніе не представляетъ ничего отличительнаго. Поэтому и нельзя признать религіозно-православное начало, какъ характерный національный признакъ Уложенія.

Отличительною чертою Уложенія по сравненію съ современными ему законодательными памятниками могла бы считаться идея равенства, провозглашенная въ предисловіи къ Уложенію.... если бы она получила въ немъ осуществленіе.

Въ предисловіи выражено желаніе, „чтобы московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большого до меньшаго чину, судъ и расправа во всѣхъ дѣлахъ была всѣмъ равна“. Эта идея была бы не только характерна для Уложенія, отличая его отъ другихъ кодексовъ, но и отвѣчала бы вполнѣ историческому духу московскаго государства, она могла явиться дѣйствительною выразительницею національности. Передъ самодержавною властью московскаго государя всѣ были равны, всѣ люди несли на себѣ равно государево тягло и никто не смѣлъ заявлять о какихъ либо неотъемлемыхъ своихъ правахъ,—полная противоположность западному правовому строю, основанному на сословныхъ началахъ. Но идея равенства не нашла себѣ выраженія въ Уложеніи и именно потому, что оно вовсе не было національнымъ. Эта идея, являясь любимымъ правиломъ самого Алексѣя Михайловича „разсуждать людей въ правду, всѣмъ равно“, вырвалась подъ вліяніемъ народныхъ волненій, вызванныхъ отсутствіемъ равнаго суда. А между тѣмъ составители Уложенія не нашли ничего подобнаго въ образцахъ, сами же напротивъ проникались противоположными тенденціями Статута II по всему Уложенію проходитъ различіе между людьми „большаго и меньшаго чину“.

Съ вопросомъ о характерѣ Уложенія стоитъ въ близкой связи вопросъ, является ли оно сводомъ или кодексомъ. Большинство изслѣдователей признаютъ Уложеніе сводомъ, который „сконцентрировалъ, отразилъ въ себѣ, какъ въ оптическомъ фокусѣ все то, что было выработано предшествующимъ законодательствомъ“. Въ настоящемъ случаѣ для признанія Уложенія сводомъ руководствуются представленіемъ объ этомъ памятникѣ, какъ вѣрномъ отраженіи старыхъ началъ. Но понятіе о сводѣ имѣетъ свое спеціальное значеніе, которое важно не терять изъ виду особенно въ Россіи. Подъ именемъ свода понимается приведенная въ систему совокупность нормъ, уже дѣйствовавшихъ до того времени. Съ этой точки зрѣнія Уложеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться сводомъ. Оно вовсе не простой итогъ всего предшествовавшаго московскаго права. Разсмотрѣніе источниковъ Уложенія могло уже убѣдить насъ въ томъ, что въ Уложеніе внесена масса нормъ, до того времени совершенно чуждыхъ московскому законодательству. Пока не доказано, что все Уложеніе представляетъ

собою простую переписку изъ указныхъ книгъ, мы не можемъ разсматривать этотъ памятникъ, какъ простой сводъ.

То обстоятельство, что Уложеніе Алексѣя Михайловича не держалось строго національныхъ началъ, что оно восприняло въ себя много чуждыхъ положеній, разсчитанныхъ на болѣе сложную жизнь, придало особенное значеніе этому памятнику и обезпечило за нимъ примѣненіе на долгое время, не смотря на то, что дѣйствіе его пришлось какъ разъ въ эпоху рѣзкихъ переломовъ въ русской жизни. Оно явилось основою дальнѣйшаго развитія права, оно лежитъ въ основаніи нынѣ дѣйствующаго гражданскаго права.

Литература. Уложеніе Алексѣя Михайловича издавалось много разъ въ теченіе XVIII столѣтія. Лучшее и самое надежное его изданіе считается то, которое помѣщено въ полномъ Собраніи Законовъ, т. I. Законодательный памятникъ московскаго государства настолько заинтересовалъ Европу, что появились переводы его въ XVII и XVIII в.в. на латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и датскомъ языкахъ Подлинникъ Уложенія, разысканный въ 1767 году вслѣдствіе желанія Екатерины II видѣть его, хранится теперь въ Московской Оружейной Палатѣ, въ серебряномъ ковчегѣ. Онъ представляетъ собою громадный свитокъ длиною въ 434 аршина. Описаніе его внѣшняго вида даютъ Забѣлинъ, Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (Архивъ историко-юридич. свѣд, 1850, кн. 1) и Поѣздка слушателей Института въ Москву (Сборн. Археол. Инст, 1879. кн. 2).

Литература Уложенія сравнительно довольно богата. Если не считать небольшой статьи въ Моск. Телегр. за 1831, № 7, она открывается сочиненіемъ Строева, Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, изданнаго царемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1649 году, 1833—обстоятельная работа, хотя выполненіе, къ сожалѣнію, не всегда соотвѣтствуетъ прекрасно задуманному плану. Далѣе слѣдуетъ Морошкинъ, Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи, акт. рѣчь. 1839. Есиповичъ, Литературная разработка и общая характеристика Уложенія 1649 года (Журн. Мин. Юст. 1859, іюль), авторъ слишкомъ увлекается полемикою и отходитъ отъ своей основной задачи. Пахманъ, Исторія кодификаціи гражданскаго права, т, I, стр. 231—240. Владимирскій—Будановъ, Литовскій Статутъ и Уложеніе Алексѣя Михайловича (Сб. Госуд. Зн. т. IV, 1877, библ., стр. 3—38)—статья вызвана сочиненіемъ Пахмана. Загоскинъ, Исторія права московскаго государства, т. I, стр. 74—98. Отъ нѣкоторыхъ взглядовъ авторъ отступилъ въ своей рѣчи—Уложеніе царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и Земскій Соборъ 1648—1649 гг, 1879. Почти одновременно Мейчикъ, Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія 1649 г. (Сб. Археол. Инст. 1880, кн. 3, стр. 83—139). Въ виду новыхъ взглядовъ на Уложеніе, обнаруженныхъ одновременно въ Казани и въ Москвѣ, Владимирскій-

Будановъ, въ статьѣ Новыя открытія въ исторіи Уложенія Алексѣя Михайловича, имѣлъ намѣреніе свести ихъ выводы. Латкинъ, Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права, 1888, стр. 104—144 внѣшняя исторія памятника, 144—201 его содержаніе. Верховскій, Источники Уложенія царя Алексѣя Михайловича (Юрид. Вѣстн. 1889, кн. 3); къ нему дополненіемъ Сторожевъ, Къ вопросу объ источникахъ Уложенія (Юрид. Вѣстн. 1889, кн. 12). Тиктинъ, Византійское право, какъ источникъ Уложенія 1648 года и новоуказныхъ статей, 1898.

На народныя волненія, какъ на причину составленія Уложенія, въ старыхъ работахъ не указывается. На нее впервые сослался Соловьевъ, Исторія Россіи, т. X, изд. 1877, стр. 142 и особенно ее выдвинули Загоскинъ, въ своей рѣчи, Мейчикъ и Латкинъ. Сомнительнымъ представляется однако то обстоятельство, что въ составъ коммиссіи по составленію Уложенія вошелъ Оболенскій, котораго домъ былъ незадолго передъ тѣмъ разграбленъ недовольной толпою: если Уложеніе предназначено было успокоить народъ, то возможно ли было ставить во главѣ дѣла человѣка, къ которому народъ едва ли относился довѣрчиво.

Быстрота изготовленія Уложенія поражала всѣхъ ученыхъ. Въ объясненіе ея Кавелинъ выставилъ предположеніе, что коммиссія просто воспользовалась готовыми сводами указовъ въ отдѣльныхъ приказахъ. Морошкинъ находилъ объясненіе въ томъ, что Уложеніе не представляетъ въ себѣ ничего новаго, а только сводъ стараго права (Рѣчь объ Уложеніи, стр. 19). какъ будто сводъ такого права, какъ московское, не потребовалъ бы много времени. Пахманъ предполагалъ, что успѣшный ходъ работъ зависѣлъ отъ большой опытности дьяковъ (Исторія кодификаціи, т. I, стр. 235). Новѣйшіе изслѣдователи стараются удлинить то время, въ теченіе котораго Уложеніе составлялось. Утверждаютъ, что собору была предложена только часть работы, а остальная додѣлывалась во время засѣданій собора, что труды по составленію Уложенія продолжались вплоть до конца января, такъ что вмѣсто $2^1/_2$ мѣсяцевъ на составленіе Уложенія отводятъ $6^1/_2$ мѣсяцевъ (Мейчикъ, Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія, Сб. археол. инст. 1880, кн. 3, стр. 84, 85. 104, Загоскинъ, Уложеніе Алексѣя Михайловича, 1889, стр. 57, Латкинъ, Лекціи, стр. 110). Главный доводъ въ пользу этого мнѣнія тотъ, что челобитныя подавались въ теченіе всего этого времени. Но продолжительность обсужденія, сама по себѣ несомнѣнная, не устраняетъ того, что къ 3 октября собору предложенъ былъ проектъ. На челобитныхъ трудно основывать выводы: если мы сомнѣваемся въ вѣрности датъ, указанныхъ въ предисловіи и послѣсловіи Уложенія, почему мы должны съ большимъ довѣріемъ относиться къ датамъ челобитныхъ. Математическіе разсчеты въ родѣ того, что если на такое то число главъ потребовалось столько то времени, то на все Уложеніе требовалось столько то, не имѣютъ никакой исторической цѣны. Но, если бы даже признать вѣрность всѣхъ новыхъ предположеній, то $6^1/_2$ мѣсяцевъ для такой большой работы, какъ Уложеніе, все же представляется весьма незначительнымъ срокомъ. Остается слѣдовательно

ОПБГУ

предположить, что работа была ранѣе подготовлена, а народныя волненія послужили поводомъ, заставившимъ сдѣлать рѣшительный шагъ. Недаромъ Олеарій относитъ соборъ для составленія Уложенія къ 1647 году: можетъ быть, мысль о немъ была уже ранѣе.

По вопросу о вліяніи выборныхъ на составленіе Уложенія точка зрѣнія въ нашей литературѣ перемѣнилась. Прежде Строевъ полагалъ, что роль выборныхъ ограничилась выслушиваніемъ и подписываніемъ Уложенія (Изслѣдованіе, стр. 19). Въ 1862 году Шпилевскій, поддерживая въ общемъ это мнѣніе, допускаетъ однако законодательное участіе выборныхъ относительно двухъ статей (Объ источникахъ русскаго права, Учен. Зап. Каз. Унив. 1862, стр. 316), а Щаповъ отказывался допустить, чтобы выборные оставались безгласны, какъ муміи (Земскій Соборъ 1648—1649 и собраніе депутатовъ 1767 годовъ, Отеч. Зап. т. 45, стр. 6). Далѣе стали все болѣе и болѣе усиливать активную роль выборныхъ. Сергѣевичъ, Земскіе соборы въ московскомъ государствѣ (Сб. Гос. Зн. т. II, стр. 43) призналъ, что «изъ 40 статей XIX главы 17 составлены почти буквально по челобитнымъ выборныхъ людей». Особенно далеко пошелъ въ этомъ направленіи Загоскинъ, Уложеніе Алексѣя Михайловича, стр. 56, признающій, что относительно 82 статей, т. е. 8,5% общаго количества статей Уложенія, можно несомнѣнно утверждать участіе выборныхъ. За нимъ Латкинъ, Лекціи, стр, 111—112. Владимирскій-Будановъ отнесся сначала какъ то отрицательно къ активному участію выборныхъ (Новыя открытія въ исторіи Уложенія. Кіев. Унив. Изв. 1880, № 2, стр. 13—14), но въ Обзорѣ по исторіи русскаго права, 1888, стр. 208, онъ также призналъ, что «активное участіе собора въ дѣлѣ составленія и утвержденія Уложенія не подлежитъ сомнѣнію. Въ послѣднее время Трачевскій заявилъ, что «самая мысль объ Уложеніи—едва ли не дѣло выборныхъ» (Русская исторія, т. II, 1895, стр. 265).

На связь Уложенія съ Русскою Правдою указывали Морошкинъ, Рѣчь объ Уложеніи, стр, 16—«судебникъ былъ развитіемъ Русской Правды, а Уложеніе есть развитіе судебника» (оба положенія невѣрны), Есиповичъ, стр. 21, Латкинъ, Лекціи, стр. 104, который говоритъ, будто многія положенія Русской Правды встрѣчаются въ Уложеніи.—Строевъ, Изслѣдованіе объ Уложеніи, стр. 24—25 высказалъ мысль, что составители не стѣснялись хронологическою послѣдовательностью и въ подтвержденіе ссылается на то, что многія статьи взяты изъ указовъ 1559, 1561, 1587 годовъ, не восходящихъ за изданіе послѣдняго судебника. За нимъ то же дословно повторяетъ Латкинъ, Лекціи. стр. 117. Но это ничего не доказываетъ. Всѣ эти указы по времени слѣдовали за Судебниками, а потому и должны были быть приняты при хронологической послѣдовательности. Доказательство было бы найдено, если бы обнаружили, что въ составъ Уложенія вошли статьи Судебниковъ, отмѣненныя позднѣйшими законами.—Есиповичъ стр. 25, полагалъ, что коммиссія воспользовалась обычнымъ правомъ и подтвержденіе тому видитъ въ выраженіяхъ: «и тѣмъ купчимъ невѣрити потому что въ купчихъ деньги пишутъ съ прибавкою» или «а того не повелося»

СПбГУ

(Уложеніе, гл. XX, ст. 71, 100). Но здѣсь нѣтъ слѣдовъ обычнаго народнаго права, а только отзвуки канцелярской практики. Основательное замѣчаніе относительно пользованія обычнымъ правомъ дѣлаетъ Мейчикъ, Дополнительныя данныя (Сб. Археол. Инст. стр. 97).

Замѣчанія патріарха Никона помѣщены въ Зап. Отд. русской и слав. археологіи Имп. Рус. Общ., т. 2; см. Ундольскій, Воззрѣнія патріарха Никона на Уложеніе царя Алексѣя Михайловича (Рус. Архивъ, 1886, кн. 2, стр. 605).

По вопросу о вліяніи византійскаго права на Уложеніе имѣется старая работа: Рождественскій, О вліяніи греко-римскаго права на россійскіе гражданскіе законы, 1843. Неволинъ, въ своей исторіи россійскаго законодательства тщательно указываетъ на греческіе источники русскихъ постановленій. Но вообще до послѣдняго времени на эту сторону обращали мало вниманія, признавая незначительность византійскаго вліянія на гражданское право Уложенія, напр. Загоскинъ, Исторія московскаго права, I, стр. 86, Латкинъ, Лекціи, стр. 116, Владимірскій-Будановъ доходитъ почти до полнаго его отрицанія (Сб. Гос. Зн. т, IV, крит. стр. 21). Напротивъ, въ послѣднее время стали обнаруживать сильное вліяніе этого источника: Гуляевъ, Объ отношеніи русскаго гражданскаго права къ римскому- 1894, стр. 6—10, Тиктинъ, Византійское право, какъ источникъ Уложенія 1648 года и Новоуказныхъ статей, 1898, гдѣ приведены византійскіе источники статей Уложенія, а въ концѣ приложена параллельная таблица статей Соборнаго Уложенія и соотвѣтствующихъ имъ мѣстъ изъ византійскихъ и римскихъ источниковъ.

Чтобы объяснить пользованіе Литовскимъ Статутомъ со стороны составителей Уложенія, Строевъ, Историко-юридическое изслѣдованіе, стр. 21, и Морошкинъ, Рѣчь объ Уложеніи, стр. 14, выставили предположеніе, что такое пользованіе производилось «вѣроятно, съ разрѣшенія царя». Но доказать этого ничѣмъ нельзя. Владимірскій-Будановъ, который впервые обнаружилъ огромный объемъ заимствованій изъ Литовскаго Статута (его статья въ Сб. Гос. Зн. т. IV, крит, стр. 3—38. Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича), объяснилъ, что обращеніе коммиссіи къ этому источнику не было неожиданностію, а было подготовленно всею предшествующею приказною практикою. Этотъ же авторъ и въ той же статьѣ даетъ перечень статей Уложенія заимствованыхъ изъ Статута съ соотвѣтствующими статьями послѣдняго. Для гл. X см. стр. 17—18.

По мнѣнію Морошкина, Рѣчь объ Уложеніи, стр. 27, система Уложенія та же, что въ Царскомъ Судебникѣ. Но сходство можно провести только между Судебникомъ и гл. X Уложенія, а не со всѣмъ Уложеніемъ. На предположеніи Кавелина о пользованіи со стороны коммиссіи указными книгами построилъ Пахманъ свое предположеніе, что система Уложенія опредѣлялась большею или меньшею важностью тѣхъ приказовъ, изъ которыхъ заимствовалось Уложеніе (Исторія кодификаціи, т. I, стр. 236). Вла-

СПбГУ

димірскій-Будановъ отстаиваетъ мысль, что «система Уложенія есть система Статута, нарушенная въ срединѣ памятника вставочными главами, а въ самомъ концѣ дополнительными». Впрочемъ въ Обзорѣ исторіи русскаго права авторъ выражается осторожнѣе: «система, усвоенная Уложеніемъ, до нѣкоторой степени копируетъ систему Статута» (стр. 210). Напротивъ Гуляевъ утверждаетъ, что система Уложенія напоминаетъ систему юстиніанова кодекса съ значительными отступленіями (Объ отношеніи русскаго гражданскаго права къ римскому, 1894, стр. 7). По мнѣнію Тиктина, система кодекса перешла въ Уложеніе чрезъ посредство Литовскаго Статута (Византійское право, какъ источникъ Уложенія, стр. 30).

На національномъ характерѣ Уложенія настаиваютъ: Строевъ, Истор.-юрид. изслѣдованіе, стр. 30, Морошкинъ, Рѣчь объ Уложеніи, стр. 16—23, Есиповичъ, Журн. Мин. Юст. 1859, I, стр. 21, Владимірскій-Будановъ, Сб. Гос. Зн, т. IV, стр, 21, Обзоръ, стр. 210, Загоскинъ, Исторія права московскаго, т. I, стр. 90, Латкинъ, Лекціи, стр. 138, Тиктинъ, стр. 17, 22. Желая отстоять національность Уложенія, Шпилевскій говоритъ, что при пользованіи Литовскимъ Статутомъ заимствованъ былъ только духъ его (Источники, Уч. Зап. Каз. Унив. 1862 стр. 314). Но это обстоятельство менѣе всего говоритъ въ пользу національности законодательнаго памятника.—Строевъ утверждалъ, что жестокость Уложенія соотвѣтствуетъ вполнѣ характеру русскаго человѣка (Изслѣдованіе, стр. 101), но съ этимъ едва ли кто согласится.—Религіозно-православный характеръ Уложенія былъ открытъ Есиповичемъ (Журн. Мин Юст. 1859, I, стр. 28), а за нимъ повторили Загоскинъ, Исторія права московскаго, I, стр. 88 и Латкинъ, Лекціи, стр. 116.—Строевъ призналъ идею равенства основною мыслью Уложенія, тѣмъ болѣе изумительною, что «французы въ въ 1795 году провозгласили о ней, какъ объ истинѣ новой, ими открытой» (Изслѣдованіе, стр. 36). Между предисловіемъ и содержаніемъ Уложенія по отношенію къ идеѣ равенства существуетъ несомнѣнное противорѣчіе, которое не устраняется объясненіями, какія предложилъ Есиповичъ (Журн. Мин. Юст. 1859, I, стр. 27), а за нимъ Латкинъ, Лекціи, стр. 129

Строевъ первый высказалъ мысль, что Уложеніе есть только сводъ. При этомъ авторъ руководствовался понятіемъ о кодексѣ, какъ такой «книгѣ законовъ, которой основныя начала извлечены изъ умозрѣнія, а составныя части расположены по системѣ, предписанной также умозрѣніемъ». Съ этимъ опредѣленіемъ трудно согласиться, а между тѣмъ многіе повторяютъ мнѣніе Строева: Есиповичъ, Жур. Мин. Юст. 1859, I. стр. 6, Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, стр. 210, Загоскинъ, Исторія права московскаго-I, стр. 92, Латкинъ, Лекціи стр. 139, Трачевскій, Русская Исторія, т. II, стр. 265. Верховскій отрицаетъ за Уложеніемъ характеръ кодекса, потому что «въ немъ нѣтъ одного общаго начала и выдержанной системы» (Юрид. Вѣстн. 1880, кн. III, стр. 371). Но, если предъявлять такія требованія, то не только всѣ старые, но и новѣйшіе законодательные памятники, не исключая германскаго уложенія, окажутся только сводами, а не кодексами.

СПбГУ

§ 5. **Кодификаціонныя попытки XVIII вѣка.** Не смотря на свое огромное значеніе, Уложеніе не остановило роста законодательства. Чуть не со второго дня по обнародованіи Уложенія появляются одинъ за другимъ законы, болѣе или менѣе глубоко затрогивающіе или отмѣняющіе его постановленія. Всѣ эти законы, слѣдующіе за Уложеніемъ до царствованія Петра I носятъ названіе Новоуказныхъ статей. Изъ нихъ только немногія касаются гражданскаго права. Въ помѣстномъ правѣ, подъ вліяніемъ наслѣдственныхъ тенденцій, обнаруживается стремленіе перейти въ вотчинную форму обладанія землею. Отвѣтомъ на это и послужилъ рядъ новоуказныхъ статей.

Но если немногія изъ нихъ относились къ гражданскому праву, все же общее количество новоуказныхъ статей, накопившихся за вторую половину XVII вѣка, превысило 1500. А такъ какъ порядокъ обнародованія, принятый для Уложенія, не примѣнялся въ отношеніи послѣдующихъ узаконеній, то оставаясь для большинства неизвѣстными, они немало затрудняли практику. Когда въ 1700 году потребовалось, для кодификаціонныхъ цѣлей, собрать всѣ послѣдующія узаконенія и для этого обратились къ приказамъ, то оттуда получились отвѣты, что „иныхъ указовъ сыскать нельзя, ибо которые подъячіе въ тѣхъ годѣхъ сидѣли и тѣ померли“. Это привело наконецъ къ рѣшительной и рѣзкой мѣрѣ: по указу 1714 года велѣно всѣ дѣла дѣлать по Уложенію, а новоуказныя статьи и сепаратные указы отмѣнить, кромѣ тѣхъ, которые учинены не въ противность, а въ дополненіе къ Уложенію.

Однако такой способъ рѣшенія задачи не достигалъ своей цѣли. Въ исторіи русскаго законодательства наступилъ новый періодъ. Дѣло заключалось не только въ многочисленности новыхъ узаконеній, но въ томъ реформаторскомъ духѣ, которымъ они были проникнуты, малой согласуемости законовъ новыхъ съ законами старыми, московскими. Новый періодъ, открывающійся съ царствованія Петра I и при немъ наиболѣе рѣзко выразившійся, объявилъ полный разрывъ съ традиціями, полное игнорированіе прошлаго.

Въ сущности и московское законодательство не было консервативнымъ. Оно постоянно прикрывалось стариною, пошлиною, а на самомъ дѣлѣ государственный и правовой строй Москвы подъ дѣйствіемъ московскихъ государей все

СПбГУ

болѣе и болѣе уклонялся отъ прошлаго. Напротивъ, на старину всегда ссылались оппозиціонные элементы въ своей борьбѣ съ усиливающимся самодержавіемъ. Разница въ томъ, что Петръ I прямо и открыто объявилъ войну старинѣ даже въ самыхъ мелочныхъ ея проявленіяхъ Московское правительство занято было главнымъ образомъ реформированіемъ государственнаго порядка по византійскимъ идеаламъ, а Петръ пожелалъ частный бытъ поставить на западноевропейскую ногу и тѣмъ сразу выдвинулъ вопросы гражданскаго права. Московское законодательство сильно пользовалось чужими образцами, но облекало свои заимствованія въ московскую форму, такъ что открыть ихъ происхожденіе не такъ легко и просто. Напротивъ, при Петрѣ заимствованія дѣлаются совершенно явно, безъ замалчиванія источниковъ и переходятъ нерѣдко въ простые переводы. Московское законодательство заимствовало у тѣхъ, съ кѣмъ Москву связывали или историческія воспоминанія или близость культуры. Петръ не стѣснялся этимъ и дѣлалъ заимствованія у народовъ, съ которыми Россія имѣла мало общаго въ культурномъ отношеніи. Не справляясь съ тѣмъ, насколько заимствованіе согласовалось съ историческими условіями, Петръ руководствовался единственно принципомъ цѣлесообразности въ полной увѣренности, что неистощенная почва Россіи восприметъ новыя сѣмена и дастъ со временемъ богатый урожай.

Надѣясь не безъ основанія на способность русскаго общества усвоить западную культуру и приспособиться къ западному праву, Петръ однако ничего не сдѣлалъ, чтобы облегчить переходъ отъ московскихъ порядковъ къ европейскимъ. Сдѣланныя въ грубой формѣ, неумѣлою рукою, обнаруживающія нерѣдко неудачный выборъ, изложенныя на непонятномъ для русскихъ языкѣ, заимствованія не могли пустить глубоко корни въ русскомъ быту. Отсюда нерѣдкое разочарованіе въ нихъ самаго Петра, возвращеніе къ старому московскому праву. Бросаясь отъ чужого къ своему, то снова отъ своего къ чужому, Петръ не хотѣлъ понять, что русскому обществу претило не самое заимствованіе, а грубая форма его. Отсюда въ царствованіе Петра происходитъ страшная законодательная путаница, подорвавшая у русскаго общества довѣріе къ законодательству, развивавшая въ немъ тотъ индиферентизмъ, который отразился на всѣхъ послѣдующихъ кодификаціонныхъ предпріятіяхъ.

СПбГУ

А между тѣмъ потребность въ кодификаціи права обнаруживалась весьма настоятельно въ теченіе всего XVIII вѣка. Къ ней побуждали какъ многочисленность узаконеній, вышедшихъ послѣ Уложенія, такъ и несогласуемость положенныхъ въ основаніе ихъ началъ. Съ одной старины московская старина, съ другой иноземная новизна Колеблясь между той и другой, Петръ I, какъ и его преемники, переходилъ поочередно отъ мысли о сводѣ къ мысли о кодексѣ. Но въ томъ или иномъ направленіи задуманныя кодификаціонныя начинанія оканчивались полнымъ неуспѣхомъ: XVIII вѣку такъ и не суждено было увидѣть кодификаціи русскаго права, не смотря на многочисленность попытокъ и различіе политическихъ условій, при которыхъ онѣ предпринимались. Главною причиною неуспѣха слѣдуетъ признать полное отсутствіе юридической подготовки: въ Россіи были законовѣды въ лицѣ дьяковъ и подъячихъ, но не было образованныхъ юристовъ. А между тѣмъ для тѣхъ сложныхъ юридическихъ вопросовъ, какіе выдвигала жизнь XVIII столѣтія, нельзя уже было довольствоваться приказными людьми. Это почувствовалъ и самъ Петръ I, обратившій вниманіе на недостатокъ въ Россіи юриспрудентовъ. Даже тѣ русскіе законовѣды, которые могли бы оказать нѣкоторую пользу по крайнѣй мѣрѣ при сводныхъ работахъ, относились весьма несочувственно къ поручаемымъ имъ работамъ, Правительство не позаботилось обставить ихъ удовлетворительно въ матеріальномъ отношеніи, не обратило вниманіе на ихъ почти нищенское положеніе, а между тѣмъ ихъ отрывали отъ обычныхъ занятій въ приказахъ, гдѣ ихъ знанія служили имъ источникомъ доходовъ. Наконецъ полный индиферентизмъ со стороны общества къ законодательнымъ вопросамъ, когда къ нему обращалось правительство, доходящее до смѣшного уклоненіе отъ участія въ кодификаціонныхъ работахъ,—не предвѣщали успѣха задуманному предпріятію.

Въ царствованіе Петра I были сдѣланы три кодификаціонныя попытки. На самомъ порогѣ XVIII столѣтія, въ 1700 году, учреждена была коммиссія, подъ именемъ Палаты объ Уложеніи, составленная изъ 71 человѣка. На нее возлагалась задача изготовить сводъ изъ всѣхъ послѣдующихъ за Уложеніемъ узаконеній и внести въ послѣднее. Къ коммиссіи прикомандированы были подъячіе, которые однако такъ старательно уклонялись отъ дѣла, что ихъ приходилось, „сыскавъ и пере-

ковавъ держать въ Палатѣ". Коммиссія потребовала отъ приказовъ, чтобы они изготовили ей списки новоуказныхъ статей. По полученіи этихъ матеріаловъ, коммиссія занялась ихъ разборомъ и въ результатѣ трехлѣтняго труда была составлена наконецъ Новоуложенная книга. Однако, не смотря на то, что коммиссія, увѣренная въ успѣхѣ своей работы, заготовила манифестъ объ изданіи новаго уложенія, проектъ не получилъ вовсе утвержденія и сданъ былъ въ архивъ. Трудно сказать, что именно было тому причиною, обнаруженная ли неполнота свода или перемѣнившаяся у Петра точка зрѣнія на кодификаціонныя задачи.

Въ 1714 году учреждена была вторая коммиссія, составленная подъ предсѣдательствомъ одного сенатора, изъ дьяковъ и подъячихъ отъ каждаго приказа. И на этотъ разъ на коммиссію возлагалась сводная задача. Матеріалы для работы были подготовлены, 10 главъ уложенія составлено, но на этомъ дѣло и остановилось.

Петръ пришелъ къ другому плану, оставивъ попытки свода, заняться изготовленіемъ кодекса. Эта мысль должна была у него возникнуть послѣ рѣзкихъ реформъ, имъ произведенныхъ, послѣ той ломки русскаго быта, которая уже не мирилась съ старыми юридическими формами. Но какъ составить кодексъ въ Россіи, гдѣ не было юристовъ, а только законовѣды, знавшіе старину и крѣпко за нее державшіеся. Если старый московскій порядокъ ломался въ пользу западныхъ порядковъ, то западное право, приспособленное къ этимъ порядкамъ, должно быть вполнѣ подходящимъ для новой русской жизни. Таковъ былъ, вѣроятно, логическій процессъ, который привелъ Петра къ мысли воспользоваться цѣликомъ иностранными кодексами. Приэтомъ было упущено изъ виду, что, какъ ни ломался русскій бытъ, онъ все же далеко не сталъ тождественъ съ западнымъ, а во вторыхъ что и на Западѣ не было однообразнаго порядка. Менѣе всего было сходства между русскимъ и шведскимъ бытомъ, который представлялъ значительныя особенности по отношенію къ западноевропейскому типу. А между тѣмъ Петръ I натолкнулся на мысль перевести и примѣнить къ русской жизни именно шведскій кодексъ. Въ 1720 году учреждена была третья коммиссія, въ составъ которой вошли три иностранца и къ которой прикомандированъ былъ одинъ переводчикъ. Коммиссіи предстояло

сличить шведскіе и русскіе законы и выбрать, что̀ лучше. Для помѣстныхъ дѣлъ предложены права эстляндскія и лифляндскія, „ибо оныя сходнѣе и почитай однимъ манеромъ владѣніе имѣютъ, какъ у насъ“. Уже это обстоятельство показываетъ, какъ мало знали инструкторы, приравнивая феодальные порядки къ русской помѣстной системѣ. Но и самое сличеніе было дѣломъ весьма труднымъ. Переводъ шведскаго кодекса подвигался туго, члены комммиссіи большею частью языка этого не знали, наконецъ и самыя нормы не соотвѣтствовали другъ другу, такъ что нуженъ былъ весьма опытный глазъ юриста, чтобы сдѣлать самое сличеніе двухъ столь несходныхъ правъ. Какъ бы въ насмѣшку правительство рѣшилось обратиться къ обществу, пригласивъ къ участію въ коммиссіи 10 офицеровъ. Можно было заранѣе предсказать неуспѣхъ этого предпріятія и слѣдуетъ удивляться, что коммиссіи все же удалось сдѣлать кое что изъ предначертаннаго ей. Не помогло и экстренное средство, къ которому прибѣгло правительство позднѣе, для ускоренія дѣла; а именно порученіе выполнить задачу коммиссіи нѣмецкому профессору, хотя и „человѣку науки высокой“, но не знавшему ни русскаго языка, ни русскаго права, да и врядъ ли знакомаго со шведскимъ законодательствомъ.

Въ царствованіе Петра II происходитъ поворотъ въ пользу свода. Въ 1728 году учреждена была коммиссія, которая должна была пополнить Уложеніе всѣми послѣдующими узаконеніями. А для этой цѣли предписано „выслать къ Москвѣ изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи по 5 человѣкъ“. Какъ отнеслось дворянское сословіе къ этому призыву, видно изъ того, что не смотря на значительный срокъ, назначенный для съѣзда выборныхъ, никто не явился, а когда на вторичное приглашеніе съѣхались наконецъ „ добрые и знающіе люди“, то правительству пришлось забраковать ихъ всѣхъ за полною ихъ непригодностью.

Между тѣмъ съ воцареніемъ Анны Ивановны снова вернулись къ мысли о составленіи кодекса. Для этого въ 1730 году учреждена была коммиссія, счетомъ пятая, просуществовавшая болѣе 10 лѣтъ. Анна Ивановна обращается къ общественной помощи и приглашаетъ къ составленію Уложенія уже не однихъ дворянъ, но и лицъ духовнаго и купеческаго званія. Желая ускорить на этотъ разъ ходъ работъ, прави-

тельство прибѣгаетъ къ двумъ мѣрамъ. Во первыхъ оно возлагаетъ на коммиссію обязанность подготовить уложеніе, чтобы выборные могли прямо приступить къ обсужденію готоваго проекта, а во вторыхъ коммиссіи поручается, не дожидаясь окончанія всей работы, обсуждать уложеніе и вносить на утвержденіе по частямъ. Какъ кажется, выборные на этотъ разъ вовсе не явились, а правительство не настаивало. Работа тянулась медленно нѣсколько лѣтъ, когда наконецъ правительство пришло къ мысли для облегченія основной задачи составить сводное уложеніе. Коммиссія свалила этотъ трудъ на коллегіи, которыя весьма неохотно подчинялись требованіямъ. Въ результатѣ ни та, ни другая работа не были выполнены. Извѣстно только, что въ сенатѣ слушалась глава вотчинная, но безъ всякихъ послѣдствій.

Елизавета Петровна пошла обратнымъ путемъ: она начала сводомъ, а кончила кодексомъ. Вскорѣ по вошествіи этой государыни на престолъ былъ изданъ указъ объ учрежденіи коммиссіи изъ сенаторовъ, которая должна была пересмотрѣть всѣ указы и „отставить съ состояніемъ сего времени несходные". Отъ этой коммиссіи, какъ видно, не вполнѣ сводной, не осталось никакихъ результатовъ по той причинѣ, что „никто не смѣлъ сказать, чтобы онъ всякаго департамента дѣла зналъ въ такой же точности, какъ знаютъ ихъ служащіе въ тѣхъ мѣстахъ", другими словами потому что изданные законы вслѣдствіе отсутствія порядка обнародованія, мало кому были извѣстны. Въ 1754 году Елизавета Петровна изъявила желаніе, чтобы „преимущественно передъ прочими дѣлами сочинить ясные законы и тому немедленное положить начало". Въ виду этого была учреждена новая, шестая коммиссія изъ 8 лицъ, при которой еще организовались подкоммиссіи. Въ составѣ этой коммиссіи мы видимъ академика профессора Струбе де Пирмонта, автора сочиненія о русскихъ законахъ. Коммиссія задалась цѣлью выработать четыре проекта: о судоустройствѣ, о правахъ состоянія, о вотчинныхъ правахъ и о правахъ криминальныхъ. Черезъ годъ послѣ своего учрежденія Коммиссія Сочиненія Уложенія представила проекты судный и криминальный, но ни тотъ, ни другой утвержденія не удостоились Эти проекты не являются сводными работами, но напротивъ содержатъ въ себѣ много нормъ. Не смотря на неуспѣхъ своихъ первыхъ начинаній, коммиссія продолжала работать и обра-

СПбГУ

тилась къ правительству съ просьбой созвать депутатовъ отъ трехъ сословій. Помня прежнее равнодушіе общества, правительство увѣщевало послѣднее придти ему на помощь „потому всякаго сына отечества долгъ есть совѣтомъ и дѣломъ въ томъ помогать и къ окончанію съ ревностнымъ усердіемъ споспѣшествовать стараться“. Но и это обращеніе не въ состояніи было поколебать равнодушіе общества къ законодательнымъ вопросамъ и сама коммиссія въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ закончила свое безплодное существованіе.

Екатерина II, популярная среди французскихъ либеральныхъ писателей безъ всякаго ущерба для своего авторитета, поразила задуманнымъ ею законодательнымъ предпріятіемъ весь европейскій міръ. Замѣчательны были не самая мысль законодательной реформы, повторявшаяся не разъ въ теченіе XVIII вѣка, не призывъ общества, остававшагося до сихъ поръ глухимъ, но провозглашеніе съ высоты престола идей, которыя должны были лечь въ основаніе будущаго уложенія. Въ концѣ 1766 года императрица издала манифестъ, въ которомъ, излагая настоятельную необходимость законодательной реформы, учреждала коммиссію, по счету восьмую, и приглашала народныхъ представителей къ участію въ этомъ дѣлѣ. Приглашеніе было обращено ко всѣмъ сословіямъ, за исключеніемъ духовенства, а также къ государственнымъ учрежденіямъ, сенату, коллегіямъ.

На этотъ разъ общество откликнулось на приглашеніе правительства. Къ назначенному сроку съѣхалось много депутатовъ и составъ ихъ, судя по происходившимъ преніямъ, могъ считаться довольно удачнымъ. Что именно возбудило такой интересъ общества, почему на этотъ разъ выборы были произведены серьезно, и почему депутаты своевременно явились— трудно сказать. Еще болѣе удивительно то, что депутаты пріѣхали не съ пустыми руками, а съ массою наказовъ, выражавшихъ пожеланія избирателей.

При открытіи перваго засѣданія собранію предложенъ былъ наказъ, плодъ литературной дѣятельности самой императрицы. Въ немъ выражены были идеи, которыя съ половины XVIII столѣтія начинаютъ расшатывать старый общественный порядокъ. Принципъ законности, равенство всѣхъ передъ закономъ, уничтоженіе монополій, прощеніе преступнику при недоказанной точно виновности, распространеніе просвѣщенія,

СПбГУ

какъ предупредительное средство противъ преступности, исправленіе, какъ цѣль наказанія, отрицаніе жестокости наказаній, смертной казни, пытокъ, безпристрастіе судей и гласность судопроизводства, какъ условія правосудія,—таковы идеи, разбросанныя по всему наказу. Правда, духъ сочиненія не былъ выдержанъ, историзмъ Монтескьё и раціонализмъ энциклопедистовъ переплетались въ немъ самымъ причудливомъ образомъ. Но дѣло было не въ строгой выдержанности началъ, а въ самомъ ихъ провозглашеніи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Наказъ, à renverser les murailles по выраженію приближенныхъ императрицы, произвелъ заграницею страшную сенсацію, а у насъ вызвалъ слезы умиленія на глазахъ выслушивавшихъ его депутатовъ. Однако еще большой вопросъ, насколько провозглашенные принципы отвѣчали чувствамъ и понятіямъ разношерстнаго собранія.

Назначеніе Наказа было только нравственное, но не юридическое. Онъ не опредѣлялъ основныхъ положеній, которыя законодательному собранію оставалось только развить, онъ не долженъ былъ связывать депутатовъ, хотя и случалось, что предсѣдатель собранія останавливалъ рѣчь выборнаго указаніемъ на противорѣчащее ей мѣсто Наказа. Вообще послѣдній имѣлъ своею цѣлью поученіе законодателей, только духъ его долженъ былъ служить вдохновителемъ ихъ творчества.

Однако и этому, широко, хотя и не обстоятельно задуманному, предпріятію суждена была такая же неудача, какая постигла всѣ предшествующія кодификаціонныя попытки. Основною причиною неуспѣха слѣдуетъ признать отсутствіе проекта, который такое многолюдное и юридически не образованное собраніе могло бы обсуждать, но никакъ не составлять. Затѣмъ, къ этому присоединяется совершенная безпорядочность въ веденіи дѣла, въ значительной степени обусловленная первою причиною. Коммиссія бросалась изъ стороны въ сторону, не зная, за что ей приняться и потому не закончила ни одного начинанія. Нельзя не признать, что между принципами Наказа и домогательствами сословій было часто значительное разстояніе. Да и сама императрица вскорѣ охладѣла къ предпріятію. Въ концѣ 1768 года, по случаю войны, главная коммиссія была распущена, а въ непродолжительномъ времени все это шумное дѣло было совершенно прекращено.

СПбГУ

Гражданское право менѣе всего занимало вниманіе какъ императрицы, такъ и коммиссіи. Въ Наказѣ встрѣчается весьма мало замѣчаній относительно этой области права и это объясняется очень просто тѣмъ, что Монтескьё и Беккаріа, которыхъ Екатерина II, по ея собственнымъ словамъ, такъ „ловко обобрала“, не касаются почти вовсе этой сферы. Въ депутатскихъ наказахъ также встрѣчается сравнительно немного заявленій, относящихся къ гражданскому праву, хотя и были высказаны нѣкоторыя соображенія о большей свободѣ оборота недвижимостей, о завѣщаніяхъ, о законномъ наслѣдованіи, объ уничтоженіи ограниченій права собственности, о находкѣ, кладѣ и нѣк. др. Вопросамъ гражданскаго права удѣлено было весьма мало засѣданій и то уже подъ самый конецъ, передъ закрытіемъ коммиссіи. Да и сами депутаты сравнительно мало высказывались по вопросамъ гражданскаго права.

А между тѣмъ идея обособленія гражданскаго права отъ публичнаго сказывалась все болѣе опредѣленно. Уже въ начертаніи о приведеніи къ окончанію коммиссіи проекта новаго уложенія указывается, что законодательство раздѣляется на двѣ части, на право общее и право особенное или частное, „сдѣланное для пользы каждаго лица особенно“. И въ жизни идея гражданскаго права все болѣе обнаруживается въ стремленіи поставить помѣстное владѣніе и обладаніе крестьянами на частную ногу.

Полуофиціальнымъ результатомъ екатерининской коммиссіи явилось „Описаніе внутренняго правленія Россійской имперіи со всѣми законоположенія частями“. Это собраніе узаконеній, излагаемыхъ въ хронологическомъ порядкѣ, чаще всего въ пересказѣ, а не дословно. Узаконенія раздѣлены на рубрики, при чемъ дѣйствующее право не обособлено отъ историческаго матеріала. Описаніе представляетъ собою историческіе своды, повидимому, сходные съ тѣми, какіе составлены были позднѣе Сперанскимъ. Авторы этого огромнаго труда неизвѣстны, хотя есть основаніе ставить его въ связь съ дѣятельностью коммиссіи. Труду этому не суждено было появиться въ свое время передъ публикою и онъ остался въ канцеляріи.

Кодификаціонныя попытки XVIII вѣка заканчиваются коммиссіей, учрежденной императоромъ Павломъ въ 1797 году.

СПбГУ

На этотъ разъ правительство снова возвращается къ мысли о сводѣ и предписываетъ, собравъ всѣ дѣйствующіе законы, составить изъ этого матеріала три сборника, уголовный, гражданскій и казенныхъ дѣлъ. Эта коммиссія работала уже безъ содѣйствія народныхъ представителей и со смертью императора закончила свое существованіе.

Литература. Главная работа по настоящему отдѣлу принадлежитъ Латкину, Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст., 2 т., 1887. Весьма обстоятельно, съ преимущественнымъ вниманіемъ къ гражданскому праву Пахманъ, Исторія кодификаціи гражданскаго права, т. I, стр. 244—380. Для Екатерининской коммиссіи спеціально: Полѣновъ, Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія, 3 т. 1869—1875; Бланкъ, Екатерининская коммиссія 1767—1769 г. (Рус. Вѣстн. 1876, № 1); Сергѣевичъ, Откуда неудачи екатерининской законодательной коммиссіи (Вѣстн. Евр. 1878, № 1); Дитятинъ, Екатерининская коммиссія 1767 года (Юрид. Вѣстн. 1879, т. I). Относитесьно Описанія внутренняго управленія см. Лаппо-Данилевскій, Собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи, составленные въ царствованіе Екатерины II (Жур. Нар. Просв. 1897, январь, мартъ, май и декабрь).

§ 6. **Кодификаціонныя попытки въ царствованіе Александра I.** Въ самодержавномъ государствѣ, какъ Россія, личность государя, его взгляды, направленіе, характеръ, имѣютъ рѣшающее значеніе для успѣха законодательныхъ предпріятій. Вступленіе на престолъ Александра I было встрѣчено всеобщею радостью и ожиданіями. Молодой государь, блестяще одаренный отъ природы и воспитанный въ духѣ новыхъ идей, преисполненъ былъ желанія пересоздать строй и бытъ старой Россіи. Болѣе всего возмущалъ императора произволъ, и желаніе, которое онъ часто высказывалъ и которое выражено въ коронаціонной медали, было утвердить въ управленіи начало законности.

Образцомъ для реформаторскихъ замысловъ Александра I естественно должна была послужить Франція, какъ первая страна, стряхнувшая съ себя феодальный покровъ и только что облачившаяся въ новую форму, и Англія, какъ страна, которой учрежденія играли у самихъ французовъ въ XVIII вѣкѣ роль путеводной звѣзды. Обращеніе Александра къ Франціи совпало съ увлеченіемъ русскаго общества всѣмъ французскимъ, все равно великимъ или малымъ. Это фран-

СПбГУ

цузское увлеченіе, начавшееся при Екатеринѣ II и искуственно задержанное на короткое время въ царствованіе Павла, съ удвоенною силою прорвалось со вступленіемъ на престолъ Александра I. Между тѣмъ бытъ русскаго общества, если не считать крестьянской массы, подъ вліяніемъ той правительственной ломки, которая началась при Петрѣ I и продолжалась постоянно, хотя и не такъ замѣтно, въ теченіе всего XVIII столѣтія, значительно уже отступилъ отъ тѣхъ формъ, которыя приняты были въ Уложеніи Алексѣя Михайловича. Необходимость новаго юридическаго порядка была внѣ всякаго сомнѣнія. Прежнія неудачи можно было объяснить или неподготовленностью русскихъ къ самостоятельной кодификаціонной работѣ или неудачнымъ выборомъ образцовъ. Теперь же передъ глазами всѣхъ находился только что изготовленный кодексъ, съ новѣйшими идеями въ основѣ. Можно ли было сомнѣваться, что при кодификаціонныхъ трудахъ въ царствованіе Александра I образцомъ послужитъ именно кодексъ Наполеона.

Вскорѣ по вступленіи Александра I на престолъ, былъ изданъ 5 іюля 1801 года указъ, которымъ учреждалась коммиссія подъ управленіемъ графа Завадовскаго для составленія законовъ. Указъ не предрѣшалъ вопроса о планѣ работъ. Въ рескриптѣ на имя Завадовскаго послѣднему предлагалось пересмотрѣть работы всѣхъ предшествовавшихъ коммиссій и самому выбрать наиболѣе подходящій планъ. Какъ кажется, дѣло совсѣмъ не подвинулось впередъ и черезъ два года было передано въ министерство юстиціи.

Здѣсь вся надежда была возложена на человѣка, который не зналъ ни русскаго языка, ни русской исторіи, ни русскаго законодательства. Можно было подумать, что выборъ этого лица сдѣланъ нарочно съ цѣлью испытать вѣрность положенія Бентама, что лучшимъ законодателемъ для страны долженъ быть иностранецъ; кстати какъ разъ въ это время императоръ Александръ I завязалъ личныя сношенія съ знаменитымъ англійскимъ юристомъ. Это лицо, приглашенное въ коммиссію въ качествѣ главнаго референтарія и подававшее такъ много надеждъ, былъ баронъ Розенкампфъ, окончившій курсъ въ лейпцигскомъ университетѣ и почему то слывшій за весьма ученаго правовѣда. Такое обращеніе къ почти иностранцу, совершенно не подготовленному къ работѣ, ему пору-

ченной, можно объяснить полнымъ отсутствіемъ въ то время въ Россіи образованныхъ юристовъ. Во всякомъ случаѣ выборъ былъ крайне неудаченъ. Бентамъ правильно писалъ государю, намекая на Розенкампфа: „правда, для Россіи я человѣкъ чужой, но для этой цѣли (кодификаціи) едва ли я болѣе чуждъ ей, чѣмъ курляндецъ, лифляндецъ или финляндецъ“.

Этому то Розенкампфу, который по мнѣнію Бентама, съ нимъ познакомившагося, былъ годенъ развѣ только для собиранія сырого матеріала, министръ юстиціи Лопухинъ поручилъ составить общій планъ работъ коммиссіи. Такой планъ дѣйствительно былъ имъ составленъ и удостоился утвержденія государя въ началѣ 1804 года. Розенкампфъ объясняетъ неудачи прежнихъ коммиссій непониманіемъ задачъ кодификаціи. Безуспѣшность ихъ имѣла свою причину въ томъ, что онѣ или сочиняли новые законы или сводили старые, тогда какъ, по мнѣнію Розенкампфа, вся суть заключается въ установленіи основъ кодификаціи. Но предложенныя имъ самимъ основы во первыхъ не разрѣшаютъ вопроса о задачахъ кодификаціи, а во вторыхъ представляютъ собою или банальныя истины, напр. что законы должны быть излагаемы въ системѣ, или же безсодержательныя формулы, какъ напр. что законы должны быть утверждены на непоколебимыхъ основахъ права или что законы должны содержать непреложныя правила для правосудія.

По плану Розенкампфа предстоящая законодательная работа должна была охватить всю систему права, раздѣленную на шесть частей, изъ которыхъ третья посвящалась общему гражданскому праву. Но именно распредѣленіе законодательнаго матеріала между шестью частями представляло собою нарушеніе строгой системы, на которой такъ настаивалъ самъ Розенкампфъ, особенно если сопоставить часть вторую и пятую. Собственно для гражданскихъ законовъ Розенкампфъ предлагалъ римскую или институціонную систему. Впервые въ это время поднимается вопросъ о столкновеніи общаго и мѣстнаго правъ. Шестая часть предназначалась именно для мѣстныхъ законодательствъ, насколько сохраненіе ихъ было бы признано цѣлесообразнымъ.

Долго пришлось бы ожидать разультатовъ дѣятельности этой коммиссіи, если бы въ составъ ея не вошелъ человѣкъ, одаренный необыкновенною творческою способностью. Пока

СПбГУ

Розенкампфъ училъ русскій языкъ и русскіе законы, по служебной лѣстницѣ быстро поднимался Сперанскій, давно уже заинтересованный дѣлами коммиссіи, на поприщѣ которыхъ ему можно было отличиться. Вступивъ въ 1808 году въ коммиссію, Сперанскій послѣ поѣздки въ Эрфуртъ, которая укрѣпила его прежніе симпатіи и взгляды, а также дала ему твердую поддержку въ государѣ, принялся со всею своею энергіею за новую работу.

При всей талантливости и неутомимости этого человѣка, которому суждено было оставить такой крупный слѣдъ въ исторіи русскаго законодательства, нельзя не признать, что онъ былъ совершенно неподготовленъ къ той задачѣ, къ выполненію которой призывался. Прежде всего Сперанскій не получилъ никакого юридическаго образованія, въ чемъ онъ и самъ сознавался, объявляя себя въ письмѣ къ Дюмону совершенно чуждымъ этой области знаній, а потому и неспособнымъ судить о коммиссіи по составленію законовъ. Онъ и не могъ быть знакомъ съ нѣмецкой юридической литературою, потому что не зналъ еще въ то время нѣмецкаго языка. Его юридическія познанія основывались всецѣло на одной французской книгѣ о законахъ. Мало знакомый въ то время съ отечественнымъ законодательствомъ, онъ относился къ нему пренебрежительно, называя его, по словамъ его біографа, барона Корфа, варварскимъ. Такое отношеніе къ прошлому вполнѣ отвѣчало его характеру, его творческимъ порывамъ, для которыхъ историческія традиціи являются тормазомъ.

При отсутствіи теоретической подготовки, которой въ то время не было ни у кого въ Россіи, при недостаткѣ познаній въ исторіи русскаго права, Сперанскій естественно долженъ былъ искать готовый образецъ, который онъ могъ бы, благодаря своему таланту, сравнительно легко приспособить къ цѣли. Послѣ поѣздки съ Александромъ I на эрфуртское свиданіе, Сперанскій вполнѣ отдался французскому увлеченію, которое притомъ совпадало съ настроеніемъ самаго императора, одобрившаго мысль Сперанскаго, „что у насъ люди лучше, а у нихъ учрежденія“. Еще въ Эрфуртѣ, занятый мыслью о кодификаціи русскихъ законовъ, онъ совѣтовался по этому вопросу съ Талейраномъ, который, не будучи юристомъ, могъ только указать ему на недавно изданный кодексъ

Наполеона. Съ этого времени Сперанскій занялся изученіемъ французскаго законодательства.

Воодушевленный реформаторскими планами, не связанными въ дѣйствительности съ прошлымъ страны, Сперанскій готовъ былъ сдѣлать уступку трусливымъ умамъ и предложить имъ историческую видимость. Въ одномъ письмѣ къ Александру I, Сперанскій высказалъ мысль, отразившуюся послѣдовательно на всѣхъ его работахъ: „переходъ отъ настоящихъ установленій къ новымъ надлежитъ такъ учредить, чтобы новыя установленія казались возникающими изъ прежнихъ“. Когда въ государственномъ совѣтѣ при обсужденіи проекта гражданскаго уложенія потребовали указаній русскихъ законовъ, на которыхъ оно основано, Сперанскій поручилъ извѣстному въ то время законовѣду, Ильинскому, подвести подъ каждую статью ссылки на тѣ указы, изъ которыхъ она будто бы почерпнута была. Ильинскій выполнилъ это порученіе съ величайшимъ, по его собственнымъ словамъ, затрудненіемъ и крайнею часто натяжкою. Правда, впослѣдствіи Сперанскій называлъ ложью утвержденіе, будто уложеніе, имъ выполненное, есть переводъ съ французскаго кодекса или близкое ему подраженіе; но это только лишнее доказательство неискренности этого замѣчательнаго человѣка.

Такой то человѣкъ, полный энергіи, умный, трудолюбивый и въ то же время ловкій, принялся при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, пользуясь поддержкою государя и сочувствіемъ лучшей части общества, за дѣло составленія гражданскаго уложенія. Самая мысль о выдѣленіи гражданскаго права изъ общей системы не выработалась у насъ самостоятельно, а заимствована и особенно укрѣпилась подъ вліяніемъ французскаго кодекса. Приступивъ къ работѣ, Сперанскій обратился за содѣйствіемъ къ выдающимся французскимъ юристамъ Локрэ, Легра, Дюпонъ де Немуру, но участіе ихъ ограничилось небольшою перепискою. Формально дѣло составленія гражданскаго уложенія было поручено Розенкампфу, но, по словамъ послѣдняго, Сперанскій однажды зашелъ къ нему неожиданно съ огромною кипою бумагъ и объявилъ, что это готовый проектъ гражданскаго уложенія. Розенкампфу оставалось только формально приложить руку къ чужой работѣ.

При открытіи государственнаго совѣта 1 января 1810 года государь положилъ на столъ проектъ первой части граж-

данскаго уложенія. Въ теченіе перваго года существованія совѣта разсмотрѣнію проекта посвящено было 43 засѣданія. Въ томъ же году приготовлена была и вторая часть, которая также разсматривалась въ совѣтѣ. При обсужденіи двухъ первыхъ частей проекта въ государственномъ совѣтѣ было сдѣлано весьма мало возраженій и поправокъ. Третья часть проекта внесена была въ совѣтъ въ 1812 году.

Каковъ былъ бы результатъ этого законодательнаго предпріятія, трудно, конечно, сказать. Энергія Сперанскаго могла бы довести дѣло до конца. Но въ это время неожиданно измѣнились внѣшнія обстоятельства, отразившіяся крайне неблагопріятно на ходѣ законодательныхъ работъ. Такимъ обстоятельствомъ явились враждебныя отношенія къ Наполеону, измѣнившія симпатіи общества ко всему французскому въ ненависть и повлекшія паденіе Сперанскаго, бывшаго душою всего дѣла.

Увлеченіе Александра I Наполеономъ, въ виду политическихъ осложненій, стало постепенно уступать мѣсто враждебному чувству къ „генію зла". Отрицательное отношеніе къ человѣку легко распространяется и на все, что̀ его окружаетъ и что̀ отъ него исходитъ. На этой почвѣ завистники построили свой планъ военныхъ дѣйствій противъ Сперанскаго, который прежде вѣрно выполнялъ намѣренія самого императора, а теперь предсталъ какъ выразитель враждебныхъ началъ. „Поповича" выставили ярымъ защитникомъ того порядка, съ которымъ Россіи предстояло вести борьбу; гнусная клевета не остановилась передъ самымъ дикимъ вымысломъ, подшепнувъ, будто онъ измѣнникъ и передался Наполеону. Какъ ни мало вѣроятны были подобныя обвиненія, они достигли своей цѣли: Сперанскій палъ. Личные его враги привѣтствовали его паденіе, какъ „первую побѣду надъ французами". Самъ императоръ признавался, что только обстоятельства того времени могли вынудить у него „эту жертву общественному мнѣнію".

Отечественная война подняла національный духъ въ Россіи и вызвала реакцію противъ французскаго увлеченія. Какъ прежде въ заимствованіи не умѣли соблюсти мѣру, отличить существенное отъ пустого, и доходили въ подражаніи до смѣшного, такъ теперь, наоборотъ, началось ревностное гоненіе всего, что̀ только носило печать французскаго происхожденія. Началось мелочное преслѣдованіе и осмѣиваніе фран-

цузскихъ взглядовъ, языка, воспитанія, порядковъ, нарядовъ. Восторжествовавшій въ Европѣ легитимизмъ отнесся враждебно ко всему, что̀ имѣло корни въ революціонной эпохѣ, а въ томъ числѣ и къ законодательству.

Могла ли эта реакція не отразиться на кодификаціонныхъ работахъ, предпринятыхъ Сперанскимъ? Работа, задуманная государственнымъ преступникомъ, явно (и тайно) преданнымъ революціонному направленію, намѣревавшимся предложить Россіи кодексъ Наполеона, съ которымъ только что выдержана была національная война, не могла разсчитывать на успѣхъ при новыхъ обстоятельствахъ. Дѣло было не въ содержаніи труда, а въ условіяхъ времени.

Въ мартѣ 1812 года Сперанскій былъ сосланъ, а вскорѣ затѣмъ преобразована была коммиссія по составленію законовъ. Вновь организованный при ней особый совѣтъ счелъ своимъ первымъ долгомъ сдѣлать представленіе о гражданскомъ уложеніи, въ которомъ совѣтъ рѣшительно становится на крайне историческую почву. Совѣтъ спрашивалъ, должно ли оставить безъ измѣненія разсмотрѣнныя части или же подвергнуть ихъ новому разсмотрѣнію въ соотвѣтствіи съ началами принятыми въ планѣ 1804 года. Склоняясь самъ ко второму рѣшенію, совѣтъ высказалъ нѣсколько общихъ соображеній. „Всякіе законы тогда наиболѣе могутъ приличествовать государству, когда они освящены уже временемъ“. Это положеніе, если бы оно было гдѣ либо принято, лишило бы законодательную дѣятельность всякаго смысла. „Всякая новизна оскорбляетъ то, что для людей всего любезнѣе—привычку“. При этомъ упущено, что въ сложныхъ обществахъ такія привычки довольно разнообразны, такъ что однѣ должны уступить другимъ, что привычки бываютъ весьма дурныя, къ которымъ законодатель, если только онъ не разочаровался въ своемъ воспитательномъ назначеніи, не можетъ относиться равнодушно. „Искусные люди (Сперанскій?) могутъ конечно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ составить уложеніе, довольно хорошо написанное, но если они замѣнятъ начала, дѣйствительно принятыя, началами чужеземными, то сіи уложенія будутъ ничто иное, какъ книги, содержащія въ себѣ систематическія разсужденія о правѣ несуществующемъ“. Но съ другой стороны, когда общественная жизнь далеко ушла отъ стараго права, то систематизація его не будетъ ли также разсужденіемъ о правѣ несуществу-

ющемъ? Если нравы и быть общества примѣняются къ чужеземнымъ образцамъ, какъ это было въ Россіи въ началѣ XIX столѣтія, то не будетъ ли чужеземная юридическая форма ему болѣе подходить, чѣмъ устарѣлая русская форма XVII вѣка, съ которою жизнь давно и далеко уже разошлась? Въ концѣ концовъ, открещиваясь отъ французскаго кодекса, коммиссія становится на сторону систематизаціи древнихъ (!) законовъ и только допускаетъ нѣкоторыя ихъ поправки согласно указаніямъ опыта.

Военныя дѣйствія и отсутствіе государя пріостановили дальнѣйшее движеніе гражданскаго уложенія. Когда, по успокоеніи Европы Александръ I возвратился въ Петербургъ, то въ августѣ 1814 года предписалъ государственному совѣту одинъ день въ недѣлю посвящать работамъ по изготовленію гражданскаго уложенія. Для надлежащаго единообразія предложено было третью часть обсудить совмѣстно съ разсмотрѣнными уже двумя первыми частями. Дѣло шло, конечно, не объ единообразіи, а о томъ, чтобы у разсмотрѣнныхъ частей отнять авторитетъ и имѣть возможность подвергнуть все пересмотру съ цѣлью затормозить дѣло. Въ государственномъ совѣтѣ, на первомъ же засѣданіи нѣкоторые члены, идя на встрѣчу новому направленію императора, выразившемуся съ такою яркостью позднѣе въ манифестѣ 1 января 1816 года, заявили, что теперь не слѣдуетъ входить въ обсужденіе каждой отдѣльной статьи, а разсмотрѣть, „на какихъ бывшихъ или нынѣ существующихъ россійскихъ законахъ. обрядахъ или обычаяхъ основаны статьи сего проекта“. Разсмотрѣніе проекта въ государственномъ совѣтѣ не привело ни къ какимъ результатамъ и дѣло это было погребено.

Къ этому времени относится разочарованіе Бентама въ его надеждахъ на успѣхъ русской кодификаціи. На предложеніе Александра I присылать свои замѣчанія въ коммиссію, состоявшую подъ предсѣдательствомъ Розенкампфа, Бентамъ отвѣчалъ: „Государь, я скорѣе согласился бы послать отвѣты марокскому султану, чѣмъ въ коммиссію подъ такимъ начальствомъ“.

Посмотримъ, какія возраженія встрѣтилъ проектъ со стороны своихъ недоброжелателей и дѣйствительно ли по своему содержанію онъ не могъ стать въ то время закономъ россійской имперіи. Главными выразителями враждебнаго отно-

шенія къ гражданскому уложенію выступили Карамзинъ въ представленной имъ государю Запискѣ о древней и новой Россіи, и Трощинскій, представитель стараго чиновенства.

Первое возраженіе, выставленное противъ проекта гражданскаго уложенія то, что онъ представляетъ собою переводъ кодекса Наполеона, испорченный переводъ, какъ прибавилъ членъ государственнаго совѣта Мордвиновъ. Нельзя отрицать громадное вліяніе французскаго кодекса на составителей уложенія, отрицать подражаніе системѣ, заимствованіе отдѣльныхъ нормъ, даже подчасъ дословный переводъ. Но самое поверхностное сравненіе проекта съ кодексомъ Наполеона должно показать, что первый вовсе не простой переводъ второго Во всякомъ случаѣ проектъ Сперанскаго отстоитъ отъ своего образца дальше, чѣмъ напр. италіанское гражданское уложеніе.

Само по себѣ замѣчаніе, будто проектъ есть переводъ, конечно, не говоритъ ни за, ни противъ. Слѣдуетъ доказать, соотвѣтствуетъ ли его содержаніе условіямъ той страны, гдѣ законъ долженъ примѣняться. Какія же возраженія выводятъ противники проекта изъ сходства его съ кодексомъ Наполеона?

Введеніе въ Россію этого кодекса опасно потому что онъ составленъ, по выраженію Карамзина, эксъ-якобинцами. „Не постигаю, восклицаетъ Трощинскій, какъ можно заимствоваться намъ законами отъ ужасной революціонной пропаганды!“ Французское уложеніе, говоритъ Мордвиновъ, уже потому нетерпимо и не можетъ служить образцомъ, что „оно издано было во времена смятенія ума и сердца человѣческаго, при расторженіи связей народныхъ, забытіи правъ естественныхъ и презрѣніи нравственности и вѣры“. Произведеніе такой эпохи не можетъ быть примѣнимо къ условіямъ русскаго быта. Мало того, переводъ кодекса Наполеона унизителенъ въ политическомъ отношеніи, потому что свидѣтельствовалъ бы о подчиненности Россіи этому выскочкѣ. „Благодаря Всевышняго, мы не подпали еще желѣзному скипетру сего завоевателя, у насъ еще не Вестфалія, не Италіанское королевство, не Варшавское герцогство, гдѣ кодексъ Наполеоновъ, со слезами переведенный (?), служитъ уставомъ гражданскимъ“. Къ этому восклицанію Карамзина присоединяется Трощинскій: „что касается до Россіи, то, благодаря Всевышняго, она никогда не была управляема чуждыми законами, даже въ самыя смут-

ныя времена она сохраняла свои преданія, уставы и законы". Принятіе кодекса Наполеона шло бы совершенно въ разрѣзъ съ народными симпатіями. „Оставляя все другое, говоритъ тотъ же Карамзинъ, спросимъ, время ли теперь предлагать Россіанамъ законы французскіе, хотя бы оные и могли быть удобно примѣнены къ нашему гражданственному состоянію? Мы всѣ, всѣ, любящіе Россію, государя ея, славу, благоденствіе, такъ ненавидимъ сей народъ, обагренный кровью Европы, осыпанной прахомъ столь многихъ державъ разрушенныхъ. И въ то время, когда имя Наполеона приводитъ сердца въ содроганіе, мы положимъ его кодексъ на святой алтарь отечества!" „Какъ можетъ, прибавляетъ къ этому Трощинскій, отецъ семейства, священникъ, дворянинъ, купецъ, мѣщанинъ, поселянинъ, какъ онъ можетъ любить сіи законы, когда онъ приведетъ себѣ на память неслыханное звѣрство и пренебреженіе всего святѣйшаго, которыя совершились въ его отечествѣ, въ его селеніи, въ его домѣ, въ его глазахъ, въ его церкви, и въ самомъ алтарѣ, совершились какъ слѣдствія лютыхъ намѣреній Бонапарта, который стремился повсюду искоренить законную власть и древнюю вѣру!"

Всѣ эти соображенія политическаго характера, не касающіяся содержанія проекта, его юридическихъ достоинствъ или недостатковъ. Имѣются однако возраженія и такого рода. Правда ихъ весьма немного, но и ихъ достаточно, чтобы обнаружить крайнее невѣжество возражателей. Прежде всего многимъ показался весьма сомнительнымъ малый объемъ проекта. „Люди, привыкшіе, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, видѣть, что даже и неполное собраніе существующихъ у насъ гражданскихъ законовъ составляетъ немаловажное число бумажныхъ рукописныхъ книгъ или десятокъ и болѣе печатныхъ томовъ въ листъ и четверку, крайне удивлены и даже такъ сказать испуганы, когда объявлено было, что вся масса сихъ законовъ заключается въ одной книжкѣ, напечатанной въ восьмушку и довольно крупнымъ шрифтомъ на 248 страницахъ". Такъ объяснялъ Сперанскому замѣнившій его Оленинъ причину отрицательнаго отношенія къ проекту. Даже „ученый юристъ" Розенкампфъ издѣвался надъ мыслью Сперанскаго дать русскимъ въ 1800 статьяхъ полное гражданское право. Критикуя содержаніе проекта, Карамзинъ утверждаетъ что въ проектѣ можно было и не говорить объ alluvio, потому что „отъ

начала Россіи еще не бывало у насъ тяжбы о сихъ предметахъ". Это утвержденіе, насколько оно касается прошлаго, можно положить на совѣсть историка, относительно же послѣдующаго времени оно стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ практикою. Возставая противъ перенесенія къ намъ французскаго положенія, что лишенный всѣхъ правъ ne peut proceder en justice ni en défendant, ni en démandant, Карамзинъ замѣчаетъ: „слѣдовательно прибьетъ васъ, ограбитъ, и за то не отвѣтствуетъ". Такое непониманіе различія между гражданскимъ и уголовнымъ правомъ еще можно простить Карамзину. Но вотъ министръ юстиціи Трощинскій ставитъ проекту гражданскаго уложенія въ упрекъ, что онъ не отмѣтилъ замѣчательной особенности русскаго права—это отсутствія смертной казни за преступленія! Увлекаясь враждебнымъ чувствомъ къ проекту, Трощинскій характеризуетъ его, какъ какую то смѣсь. „тамъ противорѣчіе, тамъ несвойственныя выраженія, тамъ безполезныя вещи, тамъ пустота, тамъ смѣшеніе судной части съ межевою, тамъ сцѣпленіе духовной власти со свѣтскою, да и вообще какое вездѣ сплетеніе обстоятельствъ, какое противоборство теоріи съ практикою!" Но всякая характеристика требуетъ доказательствъ—между тѣмъ ничего подобнаго мы не находимъ у возражателей.

Не содержаніе, не юридическіе недостатки проекта, не доказанная непримѣнимость его къ русскому быту помѣшали осуществиться въ то время предпріятію Сперанскаго, а исключительно неблагопріятныя политическія обстоятельства и личная вражда, нерѣдко тормозящая у насъ законодательную дѣятельность подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ. Для своего времени проектъ былъ составленъ весьма недурно. Онъ написанъ кратко, очень ясно и систематично. Трудно сказать, почему бы онъ не могъ тогда стать русскимъ закономъ? Едва ли препятствіемъ тому могла послужить близость его къ кодексу Наполеона. Во первыхъ, во всей позднѣйшей законодательной дѣятельности весьма мало замѣчается оригинальнаго творчества: это все подражаніе, болѣе или менѣе близкое, французскимъ или нѣмецкимъ образцамъ. Такой характеръ носятъ отдѣльные законы и проекты по гражданскому праву въ теченіе XIX вѣка. Во вторыхъ, жизнь русскаго общества стала въ то время сильно приближаться къ европейскому типу. Почему другія государства и страны, получившія

тотъ же кодексъ, остались при немъ въ теченіе всего текущаго столѣтія? Губерніи Царства Польскаго сжились и цѣнятъ кодексъ Наполеона, хотя историческія основы польскаго права имѣли такъ же мало общаго съ французскимъ правомъ, какъ и основы русскаго законодательства.

Французское вліяніе сказалось также на проектѣ торговаго уложенія. Это вліяніе выразилось какъ въ самомъ установленіи дуализма частнаго права, такъ и въ содержаніи проекта. Во Франціи, благодаря историческому обособленію и самоуправленію купеческаго класса, возникла почва для особеннаго гражданскаго права. Создавъ два кодекса, гражданскій и торговый, французское законодательство не только закрѣпило этотъ историческій фактъ, но и распространило идею дуализма среди другихъ народовъ, которымъ исторія не дала къ тому основаній. Въ Россіи никогда не существовало особаго купеческаго права. Новоторговый уставъ 1667 года вовсе не соотвѣтствуетъ Code de commerce 1670 года. Его цѣль исключительно финансово-полицейская. Тѣмъ не менѣе, поддаваясь французскому вліянію, коммиссія по составленію законовъ представила государственному совѣту неоконченный проектъ торговаго уложенія, который и подвергался разсмотрѣнію въ 1814 году. Система и содержаніе его, правда, близко подходятъ къ французскому коммерческому уложенію 1808 года, но представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ столько особенностей, примѣнительно къ положенію купеческаго сословія въ Россіи, что о слѣпомъ подражаніи, а тѣмъ болѣе о простомъ переводѣ, не можетъ быть и рѣчи. По несчастной связи съ проектомъ гражданскаго уложенія и этотъ проектъ остался безъ осуществленія.

По возвращеніи Сперанскаго въ Петербургъ въ 1821 году, дѣло о составленіи гражданскаго уложенія снова поднялось. Со стороны общества условія измѣнились къ лучшему. Ненависть ко всему французскому постепенно стихала по мѣрѣ отдаленія отъ времени отечественной войны, уступая мѣсто все болѣе возраставшей симпатіи къ западнымъ порядкамъ. Но взгляды самого императора и окружающей его среды были уже не тѣ. Душевная усталость Александра I, обнаружившаяся послѣ 1815 года, не давала надежды на энергичную съ его стороны поддержку. Мрачный режимъ графа Аракчеева еще менѣе оправдывалъ какія либо ожиданія. Самъ Сперанскій, утра-

тивъ привезенныя съ собою въ Петербургъ иллюзіи и замѣтивъ поднявшуюся снова придворную оппозицію, которая сравнила его возвращеніе съ возвращеніемъ Наполеона и пыталась вновь представить его вольнодумцемъ, счелъ болѣе благоразумнымъ не настаивать. Подъ предлогомъ, что гражданское уложеніе требуетъ предварительнаго изданія устава гражданскаго судопроизводства, дѣло о составленіи гражданскаго уложенія было оставлено.

Литература. Текстъ проектовъ гражданскаго и торговаго уложеній помѣщенъ въ Архивѣ Государственнаго Совѣта, т. IV, ч. 1, 1874. Здѣсь же протоколы совѣта по разсмотрѣнію гражданскаго уложенія (стр. 1—186). Мнѣніе министра юстиціи Трощинскаго на стр. 124—149, а ранѣе было напечатано въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Рос, 1859, кн. 3, стр. 1—24 (смѣсь). Записка Карамзина сочинена была въ 1811 году и не была напечатана въ свое время, хотя и хорошо извѣстна была въ публикѣ. Впервые напечатана была въ Русскомъ Архивѣ за 1870 годъ. Самыя богатыя свѣдѣнія о ходѣ законодательныхъ работъ въ царствованіе Александра I даетъ и до сихъ поръ баронъ Корфъ въ его біографіи графа Сперанскаго 2 т., 1861, особенно, т. I, стр. 145—186. Разсмотрѣніе означенныхъ проектовъ см. у Пахмана, Исторія кодификаціи гражданскаго права, т. I, стр. 381—472, Пыпинъ, Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, 1885, стр. 242 называетъ проектъ гражданскаго уложенія, составленный Сперанскимъ «работою, слишкомъ поспѣшно и въ сыромъ видѣ пущенной имъ въ ходъ»—сужденіе, съ которымъ никакъ нельзя согласиться, ознакомившись съ содержаніемъ проекта. У того же автора см. возраженіе Карамзину о самостоятельномъ развитіи русскаго права въ теченіе тысячи лѣтъ (стр. 243). Довѣряя исторической непогрѣшимости Карамзина, Дюверну утверждаетъ, что проектъ гражданскаго уложенія въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ, не привился бы къ русской жизни (Чтенія по гражданскому праву, т. I, 1898, стр. 216). Но почему французскій кодексъ такъ легко привился въ Польшѣ? Статья Пыпина, Русскія отношенія Бентама (Вѣстн. Евр. 1869, февраль, апрѣль) весьма интересна какъ по характеристикѣ нѣкоторыхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ кодификаціонныхъ работахъ, такъ и по содержащимся въ ней письмамъ Бентама, въ которыхъ послѣдній высказываетъ свои взгляды на задачи кодификаціи въ Россіи.

§ 7. **Сводъ законовъ.** Царствованіе Николая Павловича началось при такихъ обстоятельствахъ, которыя не давали никакой надежды на тѣ законодательныя предпріятія, какими открывалось царствованіе его предшественника. При охранительномъ направленіи новаго правительства нельзя было и

СПбГУ

думать о реформахъ не только государственнаго строя, но и гражданско-правового порядка. Однако неудобства, возникавшія вслѣдствіе невозможности знать дѣйствующіе законы, сказались настолько сильно, что и императоръ Николай I счелъ необходимымъ обратить вниманіе на состояніе законодательства. „Я еще съ молоду слышалъ, говорилъ онъ позднѣе передъ государственнымъ совѣтомъ, о недостаткахъ у насъ по этой части, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о несуществованіи полныхъ на все законовъ или о смѣшеніи ихъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, нерѣдко между собою противорѣчивыхъ“.

Для приведенія законодательной части въ порядокъ пришлось обратиться къ единственному человѣку, стоявшему въ то время на высотѣ подобной задачи, къ Сперанскому. Государь относился къ нему недовѣрчиво, опасался его идей и даже отзывался о немъ рѣзко. Тѣмъ не менѣе необходимо было воспользоваться его знаніями, способностями, подготовкою. Къ нему обратились не какъ къ государственному человѣку, чьи идеи, планы, направленіе могли бы послужить руководствомъ для правительственнаго механизма, а какъ къ рабочей силѣ, безъ помощи которой нельзя было привести механизмъ въ движеніе. Самъ Сперанскій, подъ вліяніемъ постигшихъ его тяжелыхъ испытаній, значительно перемѣнился къ тому времени. Правда, его симпатіи и взгляды остались неизмѣнны, но онъ уже научился скрывать ихъ или облекать въ форму, никого не поражающую. Эта способность была присуща ему ранѣе, но теперь она получила большее развитіе. Дѣйствовавшій нѣкогда гораздо прямѣе, Сперанскій теперь не останавливался передъ средствами, чтобы обезпечить свое положеніе, чтобы достигнуть желаемаго результата. Эта черта характера сказалась въ тѣхъ работахъ, къ которымъ онъ былъ призванъ въ царствованіе Николая Павловича и которыя приведены были къ окончанію только благодаря рѣдкому трудолюбію и способностямъ этого, тогда уже немолодого, человѣка.

Въ 1826 году коммиссія составленія законовъ была преобразована во Второе Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, во главѣ котораго сталъ Балугьянскій. Сперанскій же, который былъ душою всего дѣла, предпринятаго во Второмъ Отдѣленіи, никакого офиціальнаго назначенія не получилъ, а оставался только членомъ государственнаго совѣта. Можетъ быть находили, что имя Сперанскаго, скомпрометированнаго

въ предшествующее царствованіе, не слѣдуетъ соединять съ такимъ важнымъ дѣломъ, какъ будто отъ потомства можно было скрыть, чей трудъ лежитъ въ основаніи кодификаціонной работы.

Сперанскому же было поручено составленіе плана предполагаемыхъ работъ по улучшенію законодательной части. Въ первое время, не оцѣнивъ еще достаточно обстоятельствъ, Сперанскій пытался пойти по прежнему пути—сочиненія уложенія. Считая необходимымъ привести въ извѣстность дѣйствующее право и возлагая эту работу на коммиссію, Сперанскій бралъ на себя лично составленіе гражданскаго и уголовнаго уложеній и разсчитывалъ окончить этотъ трудъ къ 1 мая 1826 года, т. е. въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Но тутъ на первыхъ же порахъ обнаружилось принципіальное разногласіе между взглядами Сперанскаго и императора Николая I. Послѣдній вовсе не желалъ какихъ бы то ни было новшествъ, которыя необходимо соединены съ уложеніями. Поэтому Государь рѣшилъ ограничиться приведеніемъ въ порядокъ дѣйствовавшаго права, систематизаціей огромнаго и мало извѣстнаго матеріала. Сперанскій подчинился такому рѣшенію, сталъ работать въ этомъ направленіи, хотя никто, вѣроятно, лучше его, не сознавалъ всей трудности задуманнаго предпріятія, которое другимъ, напротивъ, казалось дѣломъ сравнительно легкимъ, хотя и кропотливымъ. Послѣдующая исторія нашего законодательства обнаружила, какія крупныя затрудненія создалъ сводъ, затрудненія, которыхъ тогда не предполагали, а если и сознавали, то закрывали глаза, оставляя будущему распутываться.

Въ своей рѣчи Николай I объяснялъ неуспѣшность прежнихъ коммиссій тѣмъ, что „всегда обращались къ сочиненію новыхъ законовъ, тогда какъ надо было сперва основать старое на твердыхъ началахъ“. Сперанскій же приписывалъ неудачу недостатку въ людяхъ, подготовленныхъ къ подобной работѣ и онъ несомнѣнно былъ правъ.

Дѣло составленія Свода на основаніи того громаднаго историческаго матеріала, какой вошелъ въ составъ Полнаго Собранія Законовъ, представляло трудности, недостаточно сознанныя въ то время. Мысль о сводѣ особенно неудачна въ примѣненіи къ гражданскому праву, потому что этотъ отдѣлъ въ старое время игнорировался законодателемъ, который касался этой сферы случайно по связи съ какими либо пра-

СПбГУ

вительственными интересами. Заранѣе можно было предсказать, что законодательный матеріалъ по этой части окажется недостаточнымъ. Можно ли было быть увѣреннымъ, что удастся, при малоизвѣстности права, собрать всѣ законы? Это опасеніе впослѣдствіи оправдалось и обнаружилось, что за пропускомъ многихъ дѣйствовавшихъ законовъ, Сводъ не можетъ считаться точнымъ выраженіемъ дѣйствовавшаго права. При безпорядочномъ состояніи русскаго законодательства далеко не легко было отдѣлить законы дѣйствующіе отъ потерявшихъ силу. Слѣдовало ли считать потерявшими силу только тѣ законы, которые замѣнены позднѣйшими, или же также и тѣ, которые давно перестали примѣняться? Если стать на первую точку зрѣнія, то не придется ли вызвать призраки давно отжившихъ законовъ, забытыхъ всѣми среди архивной пыли? Если въ исторіи успѣли перепутаться многія начала, какъ напр. указная часть, можно ли было надѣяться на точное воспроизведеніе дѣйствовавшаго права? Сопоставляя законы разнаго времени, необходимо придать имъ нѣкоторое литературное единство. Но при этомъ невольно придется мѣнять выраженія законодателя Такъ какъ при сводной работѣ сохраняется лишь резолютивная часть закона, безъ выраженныхъ въ немъ мотивовъ, то возникаетъ опасность, что занесенный въ Сводъ законъ уже не будетъ соотвѣтствовать цѣли своего изданія, волѣ законодателя. Требованія систематики могутъ заставить одинъ и тотъ же законъ разнести по частямъ, и наоборотъ сопоставить законы совершенно несходные по духу, языку, условіямъ. Въ виду этого сравнительную легкость сводной работы слѣдуетъ признать совершенно мнимой.

Въ руководство себѣ составители Свода приняли принципы, предложенные англійскимъ философомъ Бэкономъ, который высоко ставилъ дѣло составленія свода. „Если законы, скопляясь мало по малу, достигли такой многочисленности и запутанности, что явилась необходимость полнаго ихъ пересмотра и преобразованія въ единый цѣльный кодексъ, болѣе здравый и удобный, то слѣдуетъ прежде всего заняться этимъ трудомъ, и трудъ этотъ считайте истинно доблестнымъ дѣломъ, а тѣ, кто совершитъ его, вѣрьте, заслуживаютъ занять мѣсто между законодателями и реформаторами“. Для успѣшнаго выполненія такой работы Бэконъ указываетъ слѣдующія руководящія начала.

СПбГУ

1) Нужно уничтожить слишкомъ устарѣвшіе законы, называемые Юстиніаномъ старыми баснями. Это правило принято было въ томъ смыслѣ, чтобы неупотребительными считать только тѣ законы, которые отмѣнены силою позднѣйшихъ постановленій. Но здѣсь нѣтъ соотвѣтствія въ мысли. Можетъ быть, второе положеніе болѣе соотвѣтствуетъ существу сводной работы, но оно не можетъ считаться Бэконовскимъ афоризмомъ, такъ какъ англійскій философъ прямо предлагаетъ выбросить изъ свода устарѣвшіе законы, слѣдовательно даетъ составителямъ такую свободу усмотрѣнія, отъ которой Сперанскій принужденъ былъ отказаться.

2) Сдѣлать надлежащій выборъ между разнорѣчивыми постановленіями, остановившись на болѣе испытанныхъ и отстранивъ противорѣчащія. И въ этомъ случаѣ составителямъ свода принадлежала бы законодательная власть устранять изъ дѣйствующаго права нормы, признанныя ими нецѣлесообразными. Сперанскій долженъ былъ признать, что „сводъ переступилъ бы свои границы, если бы сочинители его приняли на себя судить, который изъ двухъ противорѣчащихъ законовъ лучше“. Поэтому правило Бэкона превратилось въ совершенно иное: „изъ двухъ несходныхъ между собою законовъ надлежитъ слѣдовать позднѣйшему, не разбирая, лучше ли онъ или хуже прежняго“.

3) Вычеркнуть также гомеономіи, т. е. законы, имѣющіе одинъ и тотъ же смыслъ и какъ бы повторяющіе одно и то же. Соблюденіе этого правила не могло представить затрудненій.

4) Если встрѣтятся законы, ничего не опредѣляющіе, только поднимающіе вопросы, но не рѣшающіе ихъ, то ихъ слѣдуетъ также вычеркнуть. Объ этомъ правилѣ почему то Сперанскій не упоминаетъ, а содержаніе Свода Законовъ даетъ значительныя доказательства, что это правило не было соблюдено.

5) Что же касается до чрезмѣрно многословныхъ и пространныхъ законовъ, то слѣдуетъ выразить ихъ болѣе точнымъ и сжатымъ слогомъ. Но это положеніе Бэкона находится въ противорѣчіи съ другимъ положеніемъ, высказаннымъ имъ въ другомъ мѣстѣ, о необходимости свято сохранять слова и самый текстъ закона, ибо въ дѣлѣ законовъ слѣдуетъ обращать менѣе вниманія на слогъ и способъ выраженія, чѣмъ на ав-

СПбГУ

торитетъ и древность закона. Составители Свода предпочли вторую мысль.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что положенія Бэкона вовсе не были руководящими началами при составленіи Свода Законовъ и авторитетъ англійскаго философа совершенно напрасно былъ выставленъ въ этомъ дѣлѣ.

Для выполненія основной задачи свода—отдѣленія законовъ дѣйствующихъ отъ потерявшихъ силу, необходимо было прежде всего собрать въ одно весь громадный, исторически накопившійся, законодательный матеріалъ. Исходнымъ пунктомъ для такого предпріятія взято было Уложеніе Алексѣя Михайловича, такъ какъ оно замѣнило собою всѣ дѣйствовавшія до того времени нормы. Законы, изданные съ Уложенія до вступленія на престолъ Николая I заняли 45 большихъ томовъ и составили Первое Полное Собраніе Законовъ. Трудъ этотъ, болѣе археологическій, чѣмъ юридическій, представляется громаднымъ, особенно если принять во вниманіе небольшой промежутокъ времени, въ теченіе котораго работа была закончена. Принимая въ соображеніе, что въ первый періодъ своей дѣятельности Сперанскій не имѣлъ склонности къ такой работѣ, а во время ссылки не имѣлъ возможности знакомиться съ историко-юридическими матеріалами, мы должны успѣхъ этой части предпріятія отнести въ значительной степени на счетъ коммиссій XVIII вѣка.

Сперанскій придавалъ большое значеніе Полному Собранію Законовъ. Оно являлось необходимымъ a) какъ подготовительная работа по составленію Свода Законовъ, b) какъ основаніе для разрѣшенія дѣлъ, возникшихъ до изданія Свода, c) какъ способъ изъясненія смысла законовъ, помѣщенныхъ въ Сводѣ, d) какъ почва для дальнѣйшаго движенія законодательства, e) какъ фундаментъ для отечественной исторіи и правовѣдѣнія.

По мѣрѣ того, какъ накоплялся матеріалъ для Полнаго Собранія Законовъ, составлялись, въ видѣ подготовленія къ Своду Законовъ, историческіе своды на каждый отдѣлъ. Историческій матеріалъ разносился, путемъ выписокъ, по книгамъ, раздѣламъ, главамъ и отдѣленіямъ, по заранѣе составленной схемѣ. При этомъ дѣйствующіе законы не отдѣлялись отъ потерявшихъ силу. Такимъ образомъ по каждому сколько нибудь существенному и самостоятельному вопросу можно было

обозрѣть всѣ относившіяся къ нему узаконенія. Послѣдовательная ихъ преемственность должна была съ ясностью обнаружить, насколько и въ чемъ позднѣйшіе законы отмѣняли предшествующіе. Въ результатѣ оставалось отдѣлить части ненужныя, т. е. потерявшія силу, или лишенныя юридическаго содержанія, или повторенія: остальное должно было составить сумму нормъ по данному вопросу. Такъ по крайней мѣрѣ представлялось дѣло по плану, намѣченному Сперанскимъ.

Систематизація матеріала была произведена на слѣдующемъ основаніи. „Два союза, два порядка отношеній, необходимы въ государствѣ: союзъ государственный и союзъ гражданскій. Союзъ государственный есть внутренній и внѣшній: здѣсь вопросъ только о первомъ. Союзъ гражданскій есть или семейственный или союзъ по имуществамъ. Изъ союзовъ возникаютъ права и обязанности. Тѣ и другія опредѣляются и охраняются законами. Отсюда два порядка законовъ: законы государственные и законы гражданскіе". Законы государственные дѣлятся въ свою очередь на законы основные, учрежденія, законы силъ государственныхъ и законы о состояніяхъ—съ одной стороны, на законы предохранительные и уголовные съ другой. Отсюда хорошо извѣстное дѣленіе всего Свода Законовъ на 8 частей. Такимъ образомъ система для русскаго законодательства, накопленнаго путемъ долгаго историческаго процесса, была взята не изъ него самого, а изъ теоріи. Не страннымъ ли послѣ этого представляется требованіе національности системы въ изложеніи русскаго права, когда самъ Сводъ Законовъ, въ распредѣленіи матеріала, совершенно чуждъ претензіи на самобытность.

При наличности историческихъ сводовъ, представляющихъ послѣдовательный рядъ узаконеній, относящихся къ тому или другому вопросу, казалось нетруднымъ обосновать историческими ссылками силу каждой статьи Свода. Дѣйствительно принято было подъ каждою статьею указывать тѣ узаконенія, изъ которыхъ извлечено ея содержаніе. Только для статей переходныхъ допущено было исключеніе по той причинѣ, что онѣ, по мнѣнію Сперанскаго, „сами по себѣ и не суть законы, а содержатъ только необходимую связь статей между собою". Статьи должны были излагаться подлинными словами указовъ, а если основывались на нѣсколькихъ узаконеніяхъ, то излагались словами главнаго (?) указа.

СПбГУ

Громадная работа по составленію Полнаго Собранія и Свода Законовъ была закончена въ сравнительно короткое время. Въ маѣ 1832 года весь трудъ былъ оконченъ, а 19 января 1833 года состоялось торжественное засѣданіе государственнаго совѣта въ присутствіи государя. На столѣ уже лежали отпечатанные 15 томовъ Свода Законовъ, 46 томовъ Перваго Полнаго Собранія Законовъ и 8 Второго Собранія. Въ длинной рѣчи, которую Сперанскій назвалъ профессорскою лекціею, государь изложилъ сущность и ходъ работы, предпринятой и выполненной Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи. Самое содержаніе Свода не предлагалось обсужденію государственнаго совѣта, которому поставленъ былъ только одинъ вопросъ, какую силу придать Своду Законовъ.

При этомъ совѣту предложены были четыре рѣшенія: 1) признать ли статьи Свода единственнымъ основаніемъ въ рѣшеніи, такъ чтобы текстъ законовъ служилъ только доказательствомъ источниковъ, изъ коихъ статьи составлены, но не былъ бы самъ собою употребляемъ въ дѣлахъ; 2) признать ли статьи Свода закономъ дѣйствующимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постановить, чтобы въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ можно было обращаться къ самому тексту закона и въ немъ искать разрѣшенія; 3) признать ли прежній текстъ закона единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ рѣшенія, а статьи Свода считать ли токмо средствомъ совѣщательнымъ къ пріисканію ихъ и къ познанію ихъ смысла; 4) признать ли въ теченіе нѣкотораго опредѣленнаго времени текстъ закона основаніемъ къ рѣшенію, какъ онъ признается и нынѣ, но въ то же время постановить, чтобы вмѣстѣ съ нимъ приводимы были статьи Свода, имъ соотвѣтствующія?

Послѣднее рѣшеніе имѣло бы только временный характеръ, а третье лишило бы всякихъ результатовъ весь трудъ составленія Свода. Потому колебаніе обнаружилось только относительно двухъ первыхъ рѣшеній, выборъ между которыми послужилъ основаніемъ къ продолжительнымъ преніямъ. Въ концѣ концовъ государственный совѣтъ склонился къ признанію за Сводомъ силы закона вопреки мнѣнію главнаго виновника всего дѣла, Сперанскаго. Послѣдній стоялъ за второе изъ предложенныхъ рѣшеній по слѣдующимъ соображеніямъ. При всей простотѣ, которая соединялась бы съ при-

знаніемъ за Сводомъ силы закона, такое рѣшеніе грозило бы интересамъ всѣхъ тѣхъ лицъ, права которыхъ, основанныя на подлинныхъ узаконеніяхъ, могли пострадать отъ пропуска или измѣненія законовъ въ Сводѣ. Это аргументъ т. ск. переходнаго характера. Второй доводъ тотъ, что при отсутствіи у насъ въ то время свободы толкованія, присутственныя мѣста завалятъ высшія инстанціи представленіями сомнѣній. Конечно, Сперанскому хорошо было извѣстно, какъ далеко идетъ несоотвѣтствіе между Сводомъ и подлиннымъ текстомъ узаконеній, но предложенное имъ рѣшеніе едва ли можно признать юридически опредѣленнымъ. Признать силу за текстомъ Свода, пока онъ не представляетъ сомнѣній относительно его смысла, значило бы открыть широкій просторъ для колебаній на практикѣ. То, что одному казалось бы сомнительнымъ, то другому могло казаться яснымъ, а отсюда стремленіе каждаго обосновывать свои притязанія на томъ источникѣ, который клонится въ его пользу. Двойственность источниковъ, обезпечиваемая такимъ сомнительнымъ средствомъ, какъ ясность закона, несомнѣнно грозила бы большими затрудненіями. Мнѣніе Сперанскаго было отвергнуто и большинство приняло первое рѣшеніе вопроса.

Однако трудность этого основного вопроса, соединеннаго со сводною работою, выступила настолько неожиданно для членовъ государственнаго совѣта, что они оказались недостаточно къ ней подготовленными. Не смотря на принятое рѣшеніе, для членовъ совѣта оно осталось неяснымъ, что̀ и обнаружилось при подписаніи журнала. Чуть не половина членовъ совѣта заявила, что они не такъ понимали рѣшеніе вопроса, какъ оно формулировано въ журналѣ. Это весьма характерное разногласіе разрѣшилось собственноручною надписью государя на журналѣ слѣдующаго содержанія. „Журналъ составленъ совершенно правильно согласно моимъ намѣреніямъ, въ совѣтѣ изложеннымъ. Сводъ разсылается нынѣ же, какъ положительный законъ, котораго исключительное дѣйствіе начнется съ 1 января 1835 года. Руководствоваться онымъ нынѣ же дозволяется только въ томъ смыслѣ, что подъ каждою статьею означены всѣ законы, которые до каждаго предмета касаются и которые по нынѣшней формѣ судопроизводства всѣ въ приговорѣ или опредѣленіи прописаны быть должны, но отнюдь не выписывая собственной статьи Свода, котораго законная сила начнется съ 1835 года“.

Сомнѣніе въ силѣ Свода, возникшее уже при самомъ рожденіи послѣдняго, тяготѣетъ, какъ злой рокъ, надъ всей дальнѣйшей его судьбой, не только не ослабляясь, но напротивъ все возрастая. До сихъ поръ остается сомнительнымъ, представляетъ ли собою Сводъ только новую форму дѣйствовавшаго законодательства или же онъ долженъ разсматриваться какъ положительный законъ, замѣнившій собою прежнее законодательство. Этотъ вопросъ не получилъ до сихъ поръ научнаго разрѣшенія и не можетъ его получить, потому что указанная сомнительность присуща Своду Законовъ.

Въ пользу взгляда, что Сводъ Законовъ представляетъ собою положительный законъ, замѣнившій собою прежнее законодательство, говоритъ прежде всего мнѣніе государственнаго совѣта, принявшаго первое изъ предложенныхъ ему рѣшеній. Еще болѣе важна та надпись, которую сдѣлалъ Николай I на журналѣ и въ которой онъ прямо назвалъ Сводъ положительнымъ закономъ. Конечно, послѣдствія, какія должны были соединиться съ подобнымъ заявленіемъ, могли быть и не предвидѣны, но, въ виду словъ государя, для вопроса о силѣ свода это уже безразлично. Затѣмъ для вступленія въ дѣйствіе Свода назначенъ былъ срокъ, а именно 1 января 1835 года. Но vacatio legis возможна только для новыхъ законовъ: если бы Сводъ былъ старымъ закономъ, то ему не могъ бы быть назначенъ срокъ, съ котораго начнется его дѣйствіе. Наконецъ въ манифестѣ 31 января 1833 года, въ п. 1 и 2, указывается, что Сводъ отмѣнилъ собою всѣ прежніе, до него дѣйствовавшіе законы, начиная съ Уложенія 1649 года.

Таковы доводы въ пользу одного взгляда. Но не менѣе основательны соображенія въ пользу противоположнаго мнѣнія. Прежде всего нужно имѣть въ виду цѣль Свода. Государь отвергъ мысль Сперанскаго сочинить уложеніе, а остановился на мысли собрать и систематезировать дѣйствовавшее право. Въ томъ же манифестѣ 31 января 1833 года, въ п. 4, говорится, что Сводъ Законовъ ничего не измѣняетъ въ дѣйствіи ихъ, но приводитъ ихъ только въ единство. Весьма существеннымъ является то обстоятельство, что Сводъ Законовъ не прошелъ въ законодательномъ порядкѣ, какъ это слѣдовало бы новому закону. Правда, онъ былъ предложенъ государственному совѣту, но не для обсужденія, а лишь для большей торжественности и для рѣшенія вопроса о его силѣ. Сводъ Законовъ

повелѣно примѣнять къ дѣламъ, производящимся послѣ 1 января 1835 года, хотя бы и возникшимъ до этого времени, что было бы невозможно, если бы Сводъ былъ закономъ новымъ. Конечно, закону можетъ быть придана обратная сила, но это должно быть прямо выражено, чего въ настоящемъ случаѣ не было. Не говоритъ въ пользу законной силы Свода и та негласная ревизія, которая была назначена для провѣрки, не откроется ли какихъ противорѣчій между внесенными въ Сводъ законами, а также пропусковъ.

Итакъ, совокупность обстоятельствъ, при которыхъ появился Сводъ Законовъ, даетъ возможность утверждать съ одинаковымъ успѣхомъ, что Сводъ есть новый положительный законъ или, наоборотъ, что онъ только новая форма уже ранѣе дѣйствовавшихъ законовъ. Но этимъ въ корнѣ подрывается все значеніе громаднаго труда Сперанскаго. Если принять второе рѣшеніе, то передъ нами тотъ же необъятный матеріалъ, какой былъ до составленія Свода, да еще полная неизвѣстность, какъ къ нему относиться.

Въ теченіе XIX вѣка законодательный матеріалъ страшно увеличился въ количественномъ отношеніи. Самый Сводъ по объему почти удвоился сравнительно со временемъ перваго изданія, а между тѣмъ неопредѣленность его значенія растетъ все болѣе и болѣе. Дѣло въ томъ, что изданія Свода стали повторяться въ 1842, 1857 полностью, а потомъ по частямъ. Въ какомъ соотношеніи находятся между собою эти изданія?

Каждое позднѣйшее изданіе включаетъ въ себя предшествующее плюсъ всѣ вновь вышедшіе за это время законы, минусъ всѣ законы, въ этотъ же промежутокъ отмѣненные. Но вѣдь возможны ошибки въ редакціи, могутъ быть пропуски, могутъ быть показаны отмѣненными законы, въ дѣйствительности, по волѣ законодателя, сохраняющіе силу. Съ точки зрѣнія тѣхъ, кто признаетъ за Сводомъ силу закона, совершенно послѣдовательно видѣть въ каждомъ изданіи новый законъ. Въ самомъ дѣлѣ второе изданіе Свода по отношенію къ первому находится въ такомъ же положеніи, въ какомъ находилось первое изданіе по отношенію къ Уложенію Алексѣя Михайловича. Съ этимъ взглядомъ однако трудно примириться по той причинѣ, что изданія Свода Законовъ производятся у насъ въ совершенно своеобразномъ, т. наз. кодифика-

ціонномъ, порядкѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ законодательнымъ порядкомъ. Признавая силу закона за каждымъ новымъ изданіемъ Свода, мы должны допустить возможность отмѣны въ кодификаціонномъ порядкѣ закона, изданнаго въ порядкѣ законодательномъ. Возможность такого вывода и заставляетъ нашу практику отрицать силу закона за изданіями Свода Законовъ и допускать исправленіе кодификаціонныхъ ошибокъ на основаніи подлиннаго текста законовъ.

Но здѣсь возникаетъ новое затрудненіе, гдѣ искать подлинный текстъ? Дѣло въ томъ, что съ 1863 года законы печатаются въ Собраніи Узаконеній и Распоряженій Правительства, а потомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, появляются въ Полномъ Собраніи Законовъ. Между тѣмъ и другимъ текстомъ возможны, и дѣйствительно случаются, несоотвѣтствія какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ выраженія. Тотъ и другой текстъ въ сущности подлинный. Затѣмъ, возможность исправленія Свода по подлинному тексту законовъ и слѣдовательно необходимость провѣрки ихъ содержанія совершенно подрываютъ значеніе Свода Законовъ, который въ окончательномъ результатѣ не только не облегчилъ знакомство съ законодательствомъ, а напротивъ затруднилъ.

Таковъ конечный выводъ всего предпріятія, на которое убилъ свои силы человѣкъ, несомнѣнно призванный къ болѣе широкому и болѣе полезному дѣлу. Наше Полное Собраніе Законовъ и нашъ Сводъ Законовъ представляютъ совершенно своеобразное явленіе, какого нигдѣ не встрѣтишь. Но можно ли хвалиться такимъ изобрѣтеніемъ — это большой вопросъ. Путь, на который толкалъ наше законодательство самъ Сперанскій, былъ, конечно, надежнѣе. Онъ не грозилъ такими большими несообразностями, къ которымъ привелъ Сводъ Законовъ, вызванный политическою нерѣшительностью и задуманный безъ достаточнаго обсужденія соединенныхъ съ нимъ послѣдствій. По идеѣ Сводъ Законовъ имѣлъ въ виду устранить „многосложность, раздробительность, неизвѣстность—затрудненіе равное, а можетъ еще важнѣйшее, нежели самый недостатокъ закона“, но на самомъ дѣлѣ Сводъ Законовъ привелъ законодательство къ такому хаотическому состоянію, которому подобнаго мы нигдѣ не встрѣтимъ, которое оставляетъ за собою и то, что было до его изданія! При нынѣшнемъ положеніи вещей Сводъ не выражаетъ собою

дѣйствующаго права и ни одинъ добросовѣстный юристъ не можетъ утверждать, что онъ знаетъ русское право.

Гражданскому праву въ Сводѣ Законовъ отведено было мѣсто въ X томѣ. Обособленіе гражданскаго права, высказанное уже въ наказѣ Екатерины II, потомъ въ проектѣ 1814 года, теперь нашло себѣ законодательное осуществленіе. Конечно, оно основывается не на національныхъ особенностяхъ исторіи русскаго права, а заимствовано изъ западной теоріи и западнаго законодательства.

При выборѣ системы для этого отдѣла Свода Законовъ, произошли значительныя колебанія. Прежде всего Сперанскій, въ одной изъ сохранившихся замѣтокъ, неизвѣстно для кого предназначавшейся, критикуетъ римскую систему и вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ полную непригодность ея для русскаго законодательства, не указывая однако, какова должна быть эта система. Въ Объяснительной запискѣ содержанія и расположенія Свода Законовъ Гражданскихъ Сперанскій уже заявляетъ, что „при составленіи подробнаго оглавленія предметовъ, въ Сводъ входящихъ, приемлемы были въ соображеніе лучшіе въ семъ родѣ образцы въ римскомъ, французскомъ, прусскомъ и австрійскомъ законодательствѣ". Приведенный въ этой запискѣ планъ предназначенъ былъ для руководства при составленіи Свода. Въ дѣйствительности осуществленная система значительно отступаетъ отъ предположеній Сперанскаго, и для насъ осталось неизвѣстнымъ, подъ вліяніемъ какихъ лицъ или обстоятельствъ пришлось дѣлать отступленія. Но во всякомъ случаѣ система т. X ч. 1 напоминаетъ сильно институціонную во французской отдѣлкѣ.

По предположенію Сперанскаго, въ Сводѣ законовъ гражданскихъ должно было содержаться все то, что въ иностранныхъ законодательствахъ составляетъ собственный предметъ гражданскаго уложенія и все то, что въ нихъ разумѣется подъ именемъ коммерческаго уложенія. Эта точка зрѣнія соотвѣтствовала бы ходу развитія законодательства русскаго, но въ Сводѣ Законовъ торговые законы выдѣлили въ особый отдѣлъ, желая можетъ быть, держаться твердо французскаго образца. Полнѣйшее однако отсутствіе матеріала для коммерческаго уложенія имѣло своимъ результатомъ то, что этотъ отдѣлъ приблизился по своему содержанію не къ Code de commerce, а къ Новоторговому Уставу, т. е. онъ получилъ не цивильный, а финансово-полицейскій характеръ.

СПбГУ

Что же представляетъ собою т. X, ч. 1 по своему содержанію, если принять сравнительную точку зрѣнія. А иначе мы и не можемъ смотрѣть на него, потому что онъ предназначенъ опредѣлять бытовыя отношенія русскаго народа, которыя въ настоящее время мало чѣмъ отличаются отъ отношеній, регулируемыхъ со стороны западныхъ законодательствъ. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ признать, что Сводъ гражданскихъ законовъ не имѣетъ никакихъ достоинствъ и массу недостатковъ. То обстоятельство, что нѣкоторыя постановленія русскаго гражданскаго права стоятъ выше соотвѣтствующихъ положеній западнаго права, не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу объ оцѣнкѣ Свода, какъ системы нормъ.

Прежде всего поражаетъ неполнота русскихъ гражданскихъ законовъ. Не смотря на довольно значительный объемъ, 1471 статья въ первомъ изданіи, 2024 въ изданіи 1842 года и 2334 въ изданіи 1857 года, наши гражданскіе законы не опредѣляютъ весьма многихъ отношеній, выдвинутыхъ жизнью, а то, что опредѣлено, очерчено весьма немногочисленными и несложными чертами. Владѣніе или сервитутныя отношенія въ отдѣлѣ вещныхъ правъ, ссуда или довѣренность въ обязательственномъ правѣ, опека въ семейственномъ правѣ, охраненіе наслѣдства, легатъ въ наслѣдственномъ праѣ,—представляя собою весьма важные вопросы въ жизни, вовсе или почти не затрогиваются закономъ. Конечно, неполнота не можетъ быть поставлена въ вину составителямъ Свода, потому что они не могли, по крайней мѣрѣ не должны были, вносить въ него того, что не имѣло готовыхъ нормъ, сложившихся уже въ прошломъ. Возможно ли было ожидать отъ XVII или XVIII вѣка разрѣшенія вопросовъ, впервые поставленныхъ XIX столѣтіемъ? Но Сводъ, представляя въ глазахъ публики, да и самого правительства видимость кодекса, и потому отодвинувшій на время вопросъ о поступательномъ движеніи гражданскаго законодательства, съ самаго момента своего появленія уже не отвѣчалъ требованіямъ жизни по своей неполнотѣ. Это отлично сознавалъ и самъ Сперанскій: „сколько объемъ нашего Свода обширенъ и полонъ, столько составныя его части недостаточны и скудны“. Но что было дѣлать, когда „Сводъ есть вѣрное изображеніе того, что есть въ законахъ“. Вина за неполноту падаетъ на мысль создать для Россіи чуть не въ половинѣ XIX вѣка систематизирован-

ный сборникъ изъ стараго матеріала, успѣвшаго въ значительной степени уже подгнить. Сколько можно было, Сперанскій старался помочь бѣдѣ, уклоняясь отъ непосредственной задачи сводной работы. Но Сводъ не могъ явно вводить такіе институты, которыхъ не выработало старое законодательство, причемъ это нисколько еще не ручалось за то, что сама прошлая жизнь не выдвигала вопросы подобнаго рода.

Кодексъ новѣйшаго происхожденія всегда заботится о симметріи, о томъ, чтобы каждому вопросу удѣлено было вниманіе, соотвѣтствующее его бытовому значенію. Напротивъ, нашъ Сводъ отличается крайнею неравномѣрностью въ своихъ опредѣленіяхъ. Нѣкоторымъ вопросамъ, иногда вовсе не первостепенной важности, какъ напр. казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, удѣляется масса постановленій, тогда какъ о другихъ говорится вскользь, двумя тремя статьями, не смотря на выдающееся ихъ бытовое значеніе. Особенно поразительны неравномѣрность между постановленіями, касающимися недвижимости, и постановленіями, обнимающими оборотъ движимости. Уже для времени изданія Свода полное почти игнорированіе торговаго оборота представлялось страннымъ. Въ настоящее же время, когда реформированная Россія разорвала связь со старымъ помѣщичимъ бытомъ и пошла въ торговомъ отношеніи быстро по пути западныхъ обществъ, это отсутствіе въ нашихъ гражданскихъ законахъ нормъ, относящихся къ сдѣлкамъ на движимости, приводитъ къ совершенно невозможному положенію, ставя эти сдѣлки подъ защиту не права, а нравственности и экономическихъ соображеній. Но опять таки и здѣсь нѣтъ вины со стороны составителей Свода. Старое законодательство создавалось случайно, казуистически. Если какіе либо политическія соображенія заставляли законодателя вмѣшаться въ ту или другою сферу гражданскаго права, то онъ давалъ болѣе или менѣе подробныя положенія. Но если правительственный интересъ непосредственно не затрогивался, законодатель не вмѣшивался и оставлялъ важныя съ частно-правовой точки зрѣнія отношенія внѣ нормировки. Въ настоящее столѣтіе взгляды на задачи законодателя измѣнились, но историческій матеріалъ не могъ поддаться при сводной работѣ такой перемѣнѣ.

Неравномѣрность особенно обнаруживается въ отдѣлѣ обязательственнаго права. Достаточно сказать, что законодатель отнесся съ полнымъ пренебреженіемъ къ такой основной сдѣлкѣ, какъ купля-продажа движимыхъ вещей. Законъ не только скупъ на постановленія, но онъ не всегда ясно различаетъ покупку движимости отъ покупки недвижимости, покупку вообще отъ другихъ сдѣлокъ. И сила такихъ законодательныхъ взглядовъ сохраняется въ теченіе вѣковъ при полномъ измѣненіи системы укрѣпленія правъ.

Самыя постановленія, относящіяся къ недвижимости, проникнуты сословными началами. Въ то время, какъ сословный духъ выражается въ весьма небольшомъ числѣ нормъ публичнаго характера и давно исчезъ изъ частно-правовыхъ отношеній, законъ продолжаетъ еще выражаться въ стилѣ XVIII вѣка. Многое изъ сословной розни, что само собою замерло бы съ теченіемъ времени, было вновь вызвано къ жизни при составленіи Свода, многое, что́ было неясно, что допускало постепенные переходы, вдругъ рѣзко обособилось, получивъ опредѣленное юридическое очертаніе. Опять таки не вина составителей, а самой задачи: не могли же составители сохранять бытовую неопредѣленность, должны же они были найти сколько нибудь точныя положенія.

Съ другой стороны, по соображенію условій времени, пришлось отказаться отъ точныхъ юридическихъ опредѣленій въ такой области отношеній, которыя до сихъ поръ находились подъ дѣйствіемъ нравственности и церкви, такъ какъ юридическое вмѣшательство могло казаться нарушеніемъ старины. Отсюда получился тотъ результатъ, что бракъ почти вовсе не опредѣленъ съ юридической стороны, а исключительно съ точки зрѣнія таинства. Отсюда вѣроисповѣдный характеръ всѣхъ постановленій, касающихся столь важной сферы общественныхъ отношеній, которая, кромѣ нравственной и канонической сторонъ, имѣетъ и юридическую сторону.

Въ кодексѣ, представляющемъ собою одновременную работу однихъ и тѣхъ же лицъ, всегда замѣчается большая или меньшая выдержанность началъ. Это можетъ быть результатъ обдуманнаго плана или выраженіе принциповъ авторовъ труда. Ничего подобнаго нельзя ожидать отъ сводной работы. Въ законодательномъ матеріалѣ, накопившемся въ теченіе чуть ли не 200 лѣтъ, при неоднократномъ измѣненіи принциповъ

законодательной политики, подъ вліяніемъ которыхъ издавались тѣ или другіе акты, не можетъ быть и рѣчи о тожественности началъ. Въ сводной работѣ уживаются въ сосѣдствѣ нормы, вызванныя изъ совершенно разныхъ актовъ, которые были изданы въ разное время, при разныхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ разныхъ началъ. Напр. признавая полную имущественную равноправность жены въ отношеніи къ своему мужу, законъ нашъ устанавливаетъ при наслѣдованіи рѣзкую неравноправность женщины въ отношеніи къ мужчинѣ: причина тому—разныя эпохи, которымъ обязаны своимъ происхожденіемъ статьи, опредѣляющія тотъ и другой вопросъ. Въ кодексѣ принципы могутъ быть выдержаны, хотя и не всегда въ дѣйствительности выдерживаются, въ Сводѣ принципы никогда не могутъ быть выдержаны, если только сводъ не переходитъ по временамъ въ кодексъ.

Это обстоятельство чрезвычайно затрудняетъ открытіе въ нашихъ гражданскихъ законахъ какихъ либо общихъ началъ, а примѣненіе одновременно нѣсколькихъ нормъ съ разными принципами въ основѣ, не можетъ не смущать практику при разумномъ примѣненіи законовъ. Въ Сводѣ нѣтъ и быть не можетъ „общаго смысла“, основываясь на которомъ судъ долженъ давать рѣшенія на случаи, не опредѣленные закономъ. Въ нашемъ сводѣ нерѣдки случаи, когда между началомъ, срединой и концомъ одной и той же статьи обнаруживаются противорѣчія по той причинѣ, что она составлена мозаично.

Къ недостаткамъ Свода гражданскихъ законовъ слѣдуетъ отнести невыдержанность системы. Когда составляется кодексъ и вырабатывается предварительный планъ, то для каждаго отдѣла обезпечивается достаточное содержаніе, находящееся въ связи съ остальнымъ содержаніемъ кодекса. При сводной работѣ система также составляется по заранѣе обдуманному плану, но заполненіе рубрикъ зависитъ отъ наличности историческаго матеріала. Если для тѣхъ или другихъ отдѣловъ прежняя законодательная практика не создала нормъ, то приходится или выбросить нѣкоторыя рубрики, нарушая тѣмъ цѣлостное впечатлѣніе системы или же сохранить ихъ, лишивъ только всякаго содержанія, такъ что такіе отдѣлы оставятъ впечатлѣніе фальшивыхъ оконъ. Въ общемъ система нашего Свода гражданскихъ законовъ представляетъ институціонную:

de personis – т. IX и т. X, ч. 1, кн. 1, de rebus —т. X, ч. 1, кн. 2, 3, 4, de actionibus—т. X, ч. 2. Въ предѣлахъ этой системы встрѣчается не мало рубрикъ, поставленныхъ лишь ради симметріи, но не имѣющихъ никакого содержанія. Если разнородный матеріалъ подгоняется къ системѣ, то послѣдняя сама по себѣ не даетъ ему внутренней связи, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивается все значеніе системы. Невыдержанность системы обнаруживается также въ томъ, что многія положенія помѣщены не въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ, что нормы гражданскаго права не сконцетрированы въ одномъ мѣстѣ, а разбросаны въ причудливомъ безпорядкѣ по всему Своду, что, наконецъ нормы матеріальнаго права не отдѣлены съ достаточною опредѣленностью отъ процессуальныхъ. Если указанный ранѣе систематическій недостатокъ присущъ сводной работѣ, то отвѣтственность за три послѣднихъ недостатка падаетъ на составителей. Въ виду этихъ обстоятельствъ къ русскому гражданскому законодательству правила систематическаго толкованія могутъ быть примѣняемы только съ большою осторожностью.

Если къ неполнотѣ, неравномѣрности содержанія Свода, разнородности началъ, сословному и конфессіональному характеру, невыдержанности системы, присоединить еще то обстоятельство, что благодаря историческому матеріалу дѣйствіе т. X, ч. 1 не могло быть распространено на мѣстности, состоящія на особыхъ правахъ, и что т. X, ч. 1 опредѣляетъ отношенія только высшаго и средняго слоевъ русскаго общества, оставляя въ настоящее время внѣ своего примѣненія многомилліонную крестьянскую массу, то все дѣло, по составленію Свода, не смотря на талантъ и трудолюбіе Сперанскаго, является совершенно неудачнымъ и неудавшимся предпріятіемъ.

При всѣхъ недостаткахъ Свода, болѣе или менѣе сознаваемыхъ всѣми, за нимъ признаютъ одно несомнѣнное достоинство—это его историчность. Говорятъ, что русское гражданское право, благодаря Своду, представляетъ такія самобытныя черты, какія неизвѣстны праву другого народа. Однако ближайшее ознакомленіе съ содержаніемъ его въ значительной степени разрушаетъ эту иллюзію, обнаруживая большое несоотвѣтствіе между содержаніемъ т. X, ч. 1 и его историческими основаніями.

ОПБГУ

Самъ Сперанскій болѣе всего старался внушить мысль, что „Сводъ есть вѣрное изображеніе того, что есть въ законахъ". „Все богатство наше, говоритъ онъ въ запискѣ, которая сопровождала представленіе государю свода существующихъ законовъ по гражданской части, есть наше собственное, благопріобрѣтенное". Въ замѣткѣ „О законахъ римскихъ и различіи ихъ отъ законовъ россійскихъ", предназначавшейся, вѣроятно, не для самого себя, Сперанскій говоритъ: „отсюда происходитъ не только въ существѣ законовъ, но и въ системѣ ихъ, а еще болѣе въ языкѣ судебномъ и дѣловомъ столь рѣзкое различіе между законодательствомъ европейскимъ и россійскимъ, что соединить ихъ нѣтъ почти никакой возможности, не перемѣнивъ обычаевъ, навыковъ, образа мыслей, всѣхъ судей и дѣлопроизводителей".

Никогда, можетъ быть, Сперанскій не былъ такъ мало искренень, какъ въ тотъ моментъ, когда писалъ эти строки. Но что было дѣлать? Составить систематическій сборникъ исключительно на основаніи историческаго матеріала, отвѣчающій требованіямъ жизни, было совершенно невыполнимой задачей. Приходилось отказаться отъ подобной работы. Сперанскій, давно лелѣявшій мысль о законодательной дѣятельности, предпочелъ иной исходъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что подчиняется выбранному направленію, притворился, что изготовляетъ сводъ, основанный исключительно на историческомъ матеріалѣ, и по возможности громче говорилъ о непригодности для насъ иностранныхъ образцовъ, о неисчерпаемомъ отечественномъ богатствѣ.

На самомъ же дѣлѣ онъ далъ полный просторъ этимъ симпатичнымъ ему иностраннымъ образцамъ, обставивъ заимствованное изъ нихъ ссылкою на русскіе источники. Сперанскій достигъ своей цѣли. Общество болѣе всего боится словъ. Успокоенное съ этой стороны, оно охотно приняло составленный Сперанскимъ сводъ гражданскихъ законовъ, какъ продуктъ національный, какъ выраженіе русской самобытности. Если въ то время и были скептики, относившіеся нѣсколько подозрительно къ предпріятію Сперанскаго, то голоса ихъ терялись среди общихъ одобреній. А главное, чтобы доказать свое сомнѣніе, скептикамъ приходилось раскрыть дѣйствительное несоотвѣтствіе между содержаніемъ свода и приведенными источниками. Для этого потребовалось бы слишкомъ мно-

СПбГУ

го труда и знанія со стороны скептиковъ и не менѣе вниманія со стороны слушателей.

Но то, что было не подъ силу современникамъ Сперанскаго, становится возможнымъ для новѣйшихъ изслѣдователей, вооруженныхъ знаніемъ исторіи русскаго права съ одной стороны, съ другой—состоянія западныхъ законодательствъ въ эпоху составленія Свода. Благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, начинаетъ обнаруживаться истинный матеріалъ, изъ котораго построенъ Сводъ гражданскихъ законовъ подъ прикрытіемъ самобытныхъ началъ. Дѣйствительнымъ источникомъ значительной части этого Свода, предназначавшагося служить выразителемъ исключительно отечественнаго права, были западныя законодательства и литература.

Историческая обоснованность Свода гражданскихъ законовъ опровергается слѣдующими обстоятельствами.

Во первыхъ, въ Сводѣ существуютъ статьи, не имѣющія подъ собою ссылокъ, а слѣдовательно не связанныя съ исторіей по собственному признанію составителей. Наличность такихъ статей не согласуется вовсе съ понятіемъ о сводѣ и съ тѣми предположеніями, какія имѣлись въ виду, когда приступали къ работѣ. Составители и сами понимали неловкость присутствія подобныхъ статей въ обществѣ другихъ, имѣющихъ почтенный рядъ предковъ. Въ оправданіе выставлено было совершенно наивное объясненіе, разсчитанное именно на недостаточность юридическаго образованія въ обществѣ. „Однѣ только статьи, такъ сказать, переходныя, поставлены безъ указаній. Но онѣ сами по себѣ и не суть законъ, а содержатъ только необходимую связь статей между собою“. Къ числу такихъ статей относится напр. ст. 570, а между тѣмъ, какъ бы въ опроверженіе мнѣнія составителей Свода, практикѣ суждено было постоянно пользоваться ею для построенія совершенно новыхъ, не нормированныхъ закономъ, отношеній.

Во вторыхъ, въ Сводѣ Законовъ допущены обобщенія, не соотвѣтствующія тѣмъ узаконеніямъ, на которыхъ они основаны. Яркимъ примѣромъ служатъ постановленія т. X, ч. 1 о родовыхъ имуществахъ. Это институтъ дворянскаго сословія, распространенный при составленіи Свода на другіе классы общества, для которыхъ онъ является новымъ и во всякомъ случаѣ исторически не обоснованнымъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о порядкѣ законнаго наслѣдованія, выработанномъ помѣстною системою и навязанномъ всему обществу.

СПбГУ

Въ третьихъ, въ Сводѣ гражданскихъ законовъ имѣется рядъ статей, заимствованныхъ изъ положеній, которыя были созданы передъ самымъ изданіемъ Свода. Таковъ напр. весь отдѣлъ о духовныхъ завѣщаніяхъ. основанный на законѣ 1 октября 1831 года. Общая часть обязательственнаго права почти сплошь построена на законѣ 17 октября 1830 года. Но подобные источники весьма мало свидѣтельствуютъ въ пользу исторической почтенности статей, потому что 2—3 года жизни закона не способны еще создать исторической почвы. Замѣтимъ при этомъ, что законы эти изготовлялись при непосредственномъ участіи того же Сперанскаго, именно въ виду сводныхъ работъ, и представляли собою свободное заимствованіе изъ западныхъ образцовъ. Когда передъ составителями Свода обнаруживались крупные пробѣлы, то они прибѣгали къ законодательному порядку, а по изданіи закона, его вводили въ Сводъ, какъ историческое основаніе. Съ формальной стороны, это, можетъ быть, и правильно, но съ исторической точки на это приходится смотрѣть иначе.

Въ четвертыхъ, помѣщенныя подъ статьями указанія на историческія основанія, въ дѣйствительности весьма часто не отвѣчаютъ содержанію источниковъ. Содержаніе статей не извлечено изъ указанныхъ законовъ, какъ это слѣдовало бы при сводной работѣ, а заимствовано изъ западныхъ образцовъ, а потомъ уже къ составленнымъ такимъ путемъ статьямъ подгонялись историческія оправданія. Вѣрность такого предположенія подтверждается прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что во многихъ, уже проанализированныхъ, случаяхъ указанные источники мало или даже вовсе не подкрѣпляютъ содержанія статьи. Затѣмъ близость текста нѣкоторыхъ статей Свода гражданскихъ законовъ къ положеніямъ современныхъ ему западныхъ законодательствъ, французскаго, австрійскаго, прусскаго, особенно перваго, настолько поразительна и такъ часто проявляется, что совершенно устраняетъ мысль о случайномъ совпаденіи. Наконецъ, доказательства могутъ быть найдены въ тѣхъ руководствахъ, которыя набросалъ самъ Сперанскій для чиновниковъ, привлеченныхъ къ сводной работѣ. Такъ напр. „пространство полнаго права собственности на землю, подъ землею, foetura, insula in flumine nata, adluvio, etc. §§ 545—577 Code civil съ выборомъ“, или при составленіи главы о куплѣ продажѣ „имѣть въ виду titre Sixième

de Code civil, начиная съ § 1582, исключая того, что у нихъ купля есть договоръ, а у насъ послѣдствіе состоявшагося соглашенія". Всюду приводятся иностранные термины, „кои можно оправдать русскими законами". Чѣмъ далѣе будетъ производиться изслѣдованіе подлиннаго происхожденія статей т. X, ч. 1, тѣмъ болѣе будетъ, вѣроятно, обнаруживаться порядокъ составленія Свода, весьма далекій отъ того, что имѣло въ виду правительство при порученіи работы Сперанскому, но и теперь уже достаточно данныхъ, чтобы опровергнуть мифъ о самобытности русскаго гражданскаго права.

Въ результатѣ слѣдуетъ признать, что по своему характеру т. X, ч. 1 Св. Зак. представляетъ собою ничто иное, какъ кодексъ, весьма, правда, несовершенный вслѣдствіе тѣхъ стѣсненій, подъ дѣйствіемъ которыхъ приходилось работать его составителямъ. Это право, основанное въ общемъ на гражданско-правовомъ порядкѣ, который выработанъ западно-европейской культурой. Онъ могъ бы быть несравненно лучше— въ томъ порукою былъ Сперанскій, если бы не несчастная мысль отказаться отъ уложенія и ограничиться сводомъ.

Литература. Свѣдѣнія о ходѣ работъ по составленію Свода Законовъ изложены въ «Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ», 1833, которое принадлежитъ перу самого Сперанскаго. Многія подробности имѣются въ сочиненіи барона Корфа, Жизнь графа Сперанскаго, т. II, стр. 297—346. Бумаги, относящіяся къ этому дѣлу, хранятся въ Публичной Библіотекѣ и въ Канцеляріи Государственнаго Совѣта. Нѣкоторыя изъ нихъ появились уже въ печати: «Объяснительная записка содержанія и расположенія Свода Законовъ гражданскихъ» въ Арх. истор. и практ. свѣд. Калачова, кн. 2, 1859, «О силѣ и дѣйствіи Свода», Сперанскаго же, въ томъ же Архивѣ, 1859, кн. 6. Къ 50-лѣтію Второго Отдѣленія въ Русской Старинѣ, за 1876, февраль и мартъ, помѣщены нѣкоторыя замѣтки: «Краткое историческое обозрѣніе коммиссіи составленія законовъ», «О Сводѣ законовъ по гражданской части», «О законахъ римскихъ и различіи ихъ отъ законовъ россійскихъ», «Предположенія къ окончательному составленію законовъ».

О недовѣрчивомъ отношеніи Николая I къ Сперанскому см. у Корфа, т. II, стр. 306. Мнѣніе о рѣзкой перемѣнѣ въ убѣжденіяхъ Сперанскаго высказано было Корфомъ же: «новый Сперанскій, Сперанскій 1826 года, поставилъ себѣ задачею уже не ломку всего прежняго и дѣйствующаго, а живое, разумное его воспроизведеніе и отъ теоріи, отъ чисто книжнаго, онъ перешелъ въ здравую и болѣе практическую область исторической школы» стр. 311). Но противъ этого совершенно основательно возражаетъ Винаверъ, что «источникомъ для сужденія о переворотѣ, совершившемся въ

Сперанскомъ, служитъ именно та самая слѣпая вѣра въ самобытность Свода и ничего болѣе» (Къ вопросу объ источникахъ X тома, 1895, стр. 4). Съ паденіемъ этого представленія о характерѣ Свода устраняется и единственное основаніе сомнѣваться въ твердости убѣжденій Сперанскаго, которая напротивъ подкрѣпляется дѣйствительнымъ содержаніемъ Свода.—Была высказана мысль, будто самъ императоръ Николай I смотрѣлъ на Сводъ, подобно Сперанскому, какъ на подготовительную только работу (Нефедьевъ, Причины и цѣль изданія Полнаго Собранія и Свода Законовъ съ точки зрѣнія Сперанскаго, 1889, стр. 14). Въ пользу этого мнѣнія авторъ приводитъ то соображеніе, что государь въ противномъ случаѣ придалъ бы Своду силу закона. Но именно это Николай I и сдѣлалъ своею надписью на журналѣ государственнаго совѣта, Сперанскій же послѣ первой неудачной попытки не обманывался болѣе и понималъ, что на составленіе уложенія нѣтъ надежды Если бы онъ думалъ иначе, то не только не подкрасилъ бы сводъ иностранными образцами, а напротивъ оставилъ бы его на исключительно исторической почвѣ, чтобы нагляднѣе обнаружить невозможность оставаться при одномъ этомъ матеріалѣ.—Правила Бэкона, на которыя ссылался Сперанскій, содержатся въ Instauratio magna, кн. VIII, см. Собраніе Сочиненій въ пер. Бибикова, т. I, стр. 600—604.—У Корфа разсказывается о трехъ рѣшеніяхъ вопроса о силѣ Свода, предложенныхъ государственному совѣту (т. II, стр. 319). Напротивъ Коркуновъ, на основаніи подлиннаго журнала засѣданія государственнаго совѣта, утверждаетъ, что рѣшеній было предложено четыре (Сборникъ статей, 1897, стр. 82).

О недостаткахъ Свода: Бабичевъ, О редакціонномъ исправленіи свода законовъ (Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1865, кн. 4), статья, обнаруживающая полное отчаяніе опытнаго практика; Ренненкамфъ, Очерки юридической энциклопедіи, 2 изд. 1880, стр. 129—134. Спеціально о гражданскихъ законахъ Шимановскій, Первая часть X тома съ ея историческими основаніями, 1870, в. 1, введеніе; Змирловъ, О недостаткахъ нашихъ гражданскихъ законовъ (Ж гр. и уг. пр. 1882, кн. 8, 9, 1883, кн. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 1884, кн. 1, 5, 6); И. Тютрюмовъ, По вопросу о пересмотрѣ и кодификаціи гражданскихъ законовъ (Рус. Бог. 1884, кн. 4, 6, 8, 9); Характеристика дѣйствующихъ законовъ по гражданскому и торговому праву и существующія предположенія объ ихъ измѣненіи (Ж. гр. и уг. пр. 1876, кн. 4, стр. 256—304).—О пропускахъ законовъ въ Сводѣ см. Андреевскій, О значеніи разработки архивовъ для успѣховъ кодификаціи (Наблюдатель, 1882, № 7).

Съ наибольшею рѣшительностью отстаивалъ національный характеръ т. X, г. 1 Любавскій, Монографіи т III, введеніе, т. IV, стр. 25, заявляя, что «ни одна страна въ мірѣ не имѣетъ такого національнаго кодекса гражданскихъ законовъ, какъ Россія». Уже между современниками Сперанскаго возникало сомнѣніе, дѣйствительно ли Сводъ представляетъ вѣрное извлеченіе изъ существующихъ законовъ (Корфъ, т. II, стр. 321). Въ од-

СПбГУ

номъ частномъ разговорѣ графъ Блудовъ высказался, что «Сперанскій не стѣснялся въ сводѣ указами, помѣщенными въ полномъ собраніи, а дополнялъ ихъ иногда своими соображеніями или давалъ имъ произвольный смыслъ» (Русскій Архивъ, 1871, стр. 1221). Цитовичъ отнесся съ нѣкоторою подозрительностью къ Своду: «не повторилось ли до нѣкоторой степени и при составленіи Свода то подведеніе подстатейныхъ ссылокъ на указы, о которомъ разсказано у барона Корфа»? (Курсъ гражданскаго права, 1878, стр. 11, прим. 10). Детальное изслѣдованіе текста Свода Законовъ гражданскихъ съ критической точки зрѣнія произвели: Барацъ, О чужеземномъ происхожденіи большинства русскихъ гражданскихъ законовъ (Ж. гр. и уг. пр. 1884, октябрь, декабрь, 1885, май, іюнь, ноябрь), проанализировавшій содержаніе статей о законѣ и второй книги т. X, ч. 1; Винаверъ, Къ вопросу объ источникахъ X тома Свода Законовъ (Ж. мин. юст. 1895, октябрь), проанализировавшій статьи, относящіяся къ общей части обязательственнаго права. Можно пожелать, чтобы работы въ этомъ направленіи и съ тою же основательностью производились и далѣе.

Вопросъ о силѣ Свода, не обращавшій прежде на себя достаточнаго вниманія, въ послѣднее время выдвинулся впередъ. Рѣзко поставилъ вопросъ Цитовичъ, въ Курсѣ гражданскаго права, I, стр. 7—16, причемъ этотъ авторъ призналъ за Сводомъ силу закона и сдѣлалъ изъ этого положенія рядъ практическихъ выводовъ. Къ мнѣнію Цитовича присоединились Таганцевъ, Лекціи по русскому уголовному праву, в. I, 1887, стр. 174 и Малышевъ, Курсъ общаго гражданскаго права Россіи, т. I, 1878, стр. 291. Въ обстоятельной статьѣ «Значеніе Свода Законовъ», (помѣщенной сначала въ Ж. Мин. Нар. Просв. 1894, сентябрь, а потомъ въ Сборникѣ статей, 1898, стр. 77—96), Коркуновъ выступилъ съ вѣскими аргументами въ пользу того мнѣнія, что Сводъ только новая форма уже ранѣе дѣйствовавшихъ законовъ. Противникомъ взгляду Коркунова является съ не менѣе солидными соображеніями Лозина-Лозинскій, Кодификація законовъ по русскому государственному праву (Ж. Мин. Юст. 1897. апрѣль и май).

§ 8. **Кодификація мѣстнаго права.** До половины XVII столѣтія Россія все еще собиралась, т. е. соединяла тѣ части русской земли, которыя нѣкогда принадлежали къ ея составу и благодаря несчастнымъ обстоятельствамъ разбрелись розно. Съ XVIII вѣка Россія переходитъ въ наступательное движеніе и завоевываетъ области съ совершенно иными правами, обычаями, языкомъ, вѣрой, правомъ. Подчиняя эти области своей политической власти, русское правительство сохраняетъ всюду въ неприкосновенности сложившееся исторически въ этой мѣстности право. При составленіи Свода Законовъ, который долженъ былъ представлять по идеѣ изображеніе того, что есть,

очевидно не могла возникнуть мысль о распространеніи дѣйствія его на тѣ окраины, въ которыхъ его источники не имѣли никогда примѣненія. Отсюда рядомъ со Сводомъ получился рядъ мѣстныхъ правъ, или кодифицированныхъ до присоединенія областей къ Россіи или же кодифицированныхъ при участіи русскаго правительства.

1. Едва Уложеніе Алексѣя Михайловича укрѣпило правовое единство въ Россіи, какъ присоединеніе Малороссіи въ половинѣ XVII вѣка вновь нарушило однообразіе юридическихъ нормъ. Въ Малороссіи до присоединенія ея къ Россіи дѣйствовали, въ качествѣ источниковъ права, Литовскій Статутъ и Магдебургское право. Алексѣй Михайловичъ оставилъ въ неприкосновенности дѣйствіе этихъ источниковъ.

Но уже въ первой половинѣ XVIII столѣтія правительство обращаетъ вниманіе на крайнюю неопредѣленность права въ этой мѣстности. Въ 1728 году при Петрѣ II и въ 1734 при Аннѣ Ивановнѣ возбуждался вопросъ о кодификаціи этого права. Въ 1743 году, по повелѣнію Елизаветы Петровны, эта мысль получила осуществленіе. Составленъ былъ въ г. Глуховѣ сводъ подъ именемъ „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“. Проекту не суждено было однако превратиться въ законъ.

Съ XIX столѣтія начинается обратное теченіе: дѣло идетъ не объ утвержденіи правовой обособленности этого края путемъ кодификаціи, а напротивъ о подчиненіи этихъ мѣстностей общему праву. Въ двадцатыхъ годахъ между сенатомъ и мѣстными судами возникло пререканіе изъ за магдебургскаго права. Сенатъ настаивалъ на примѣненіи его, а мѣстные суды указывали на полную неизвѣстность и невозможность ознакомленія съ нимъ. Для исполненія требованій сената суды просили прислать имъ магдебургское право въ переводѣ. Отыскался какой то переводъ 1735 года. Но дѣло обсуждалось въ комитетѣ министровъ, гдѣ заслушанъ былъ докладъ Сперанскаго, который, изложивъ исторію этого источника, пришелъ къ заключенію, что „законъ, подъ именемъ магдебургскаго права, въ малороссійскихъ городахъ введенный, съ давнихъ уже лѣтъ оставленъ въ бездѣйствіи, бывъ замѣненъ въ рѣшеніи дѣлъ отчасти Литовскимъ Статутомъ, отчасти общими русскими законами“. Комитетъ согласился съ мнѣніемъ Сперанскаго и постановилъ оставить магдебургское право, какъ

источникъ, въ сторонѣ. (П. С. З. № 4319, 3 февраля 1831 г.). Такимъ путемъ отмѣнена была сила одного изъ мѣстныхъ источниковъ.

Скоро дошла очередь и до другого источника. Въ 1840 году состоялся указъ, распространившій силу Свода Законовъ на всѣ западныя, возвращенныя отъ Польши области (П. С. З. № 13591, 25 іюня 1840). Мотивированъ этотъ указъ тѣмъ, что личныя и имущественныя права опредѣлены въ Сводѣ „точнѣе и удовлетворительнѣе". Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что Сводъ Законовъ потерялъ на этотъ разъ сводный характеръ, переставъ быть „вѣрнымъ изображеніемъ того, что есть", потому что въ этихъ мѣстностяхъ источники, на которыхъ основанъ Сводъ, никогда не имѣли значенія дѣйствующаго права. Однако при второмъ изданіи Свода Законовъ (1842 г.) были сдѣланы извлеченія изъ Литовскаго Статута, которыя включены въ текстъ т. X ч. 1 въ видѣ изъятій изъ общихъ правилъ. Сила такихъ исключительныхъ положеній распространена только на губерніи Черниговскую и Полтавскую, которыя образовались въ 1802 году изъ бывшей Малороссійской губерніи. Слѣдовательно и эти мѣстности находятся въ настоящее время подъ дѣйствіемъ общаго права лишь съ нѣкоторыми, указанными въ Сводѣ, изъятіями. Самый же Литовскій Статутъ лишенъ законной силы, хотя и можетъ служить средствомъ историческаго толкованія.

Характеристическія черты этихъ изъятій по сравненію съ общимъ правомъ сводятся главнымъ образомъ къ большому развитію семейной власти отца и мужа, къ большей зависимости женщины отъ мужа, дѣтей отъ родителей, съ другой стороны къ большей свободѣ распоряженія имуществомъ.

2. По ништадтскому миру 1721 года къ Россіи отошли Лифляндія и Эстляндія, а по третьему раздѣлу Польши (1795 г.) и Курляндія, соединившаяся въ 1566 году съ этимъ государствомъ. Такимъ путемъ весь остзейскій край вошелъ въ составъ россійской имперіи. Какъ Петръ I, такъ и Екатерина II подтвердили неприкосновенность мѣстныхъ правъ, исторически сложившихся въ этихъ мѣстностяхъ (П. С. З. №№ 2279, п. 10, 2299, 2302, 3819, ништадтскій миръ, п. IX, 17319; новѣйшее еще подтвержденіе 9 февраля 1827 и 17 февраля 1856. см. также уст. гражд. суд., ст. 1800).

СПбГУ

Но это мѣстное право представляло собою такое разнообразіе источниковъ, такую юридическую раздробленность, что при нѣкоторомъ экономическомъ развитіи остзейскаго края эта неопредѣленность должна была оказаться стѣснительною. Здѣсь дѣйствовали масса старинныхъ статутовъ, сводовъ, рыцарскихъ и ленныхъ правъ, городскихъ и крестьянскихъ положеній, сборники новѣйшаго происхожденія, германскіе источники, какъ напр. саксонское зерцало, римское право. Объединеніе всего края подъ русскимъ владычествомъ должно было возбудить мысль о необходимости объединенія правового. Дѣйствительно въ теченіе XVIII вѣка вопросъ этотъ неоднократно возникалъ и разработывался. Кодификаціонныя работы по остзейскому праву предпринимались или особыми коммиссіями или коммиссіями, назначенными для кодификаціи русскаго права. Въ екатерининской коммиссіи 1767 года существовала особая секція для этой цѣли. Эта коммиссія подтвердила фактъ совершенно хаотическаго состоянія мѣстнаго остзейскаго права, полную невозможность отдѣлить дѣйствующее право отъ потерявшаго уже силу.

Тѣ же кодификаціонные попытки продолжаются въ теченіе XIX вѣка, пока наконецъ эта работа не перешла въ руки Второго Отдѣленія. Здѣсь подъ редакціею Самсона начались работы по составленію свода, причемъ составителю предложено было держаться насколько можно ближе того плана въ распредѣленіи книгъ, раздѣловъ и частей, какой принятъ былъ въ общемъ сводѣ для россійской имперіи. Сводъ гражданскаго права, подвергнутый ревизіи комитета, который былъ образованъ изъ депутатовъ отъ мѣстнаго населенія, былъ оставленъ безъ движенія въ виду того, что въ немъ не были указаны источники статей, помѣщенныхъ въ сводѣ. Въ 1857 году сводъ гражданскихъ законовъ порученъ былъ для переработки профессору дерптскаго университета и знатоку мѣстнаго права, Бунге. Произведеніе это было одобрено и въ 1864 году опубликовано на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ, а съ 1 іюля 1865 года сводъ гражданскихъ законовъ, составившій третью часть свода остзейскихъ законовъ, вступилъ въ дѣйствіе.

Система этого мѣстнаго свода—приближена къ системѣ т. X, ч. 1: право семейственное, вещное, наслѣдственное и право требованій. Въ эту систему вложено право, по видимому, дѣйствовавшее до того времени въ остзейскомъ краѣ. Мы

СПбГУ

говоримъ повидимому, такъ какъ Сводъ, замѣняя многочисленные мѣстные источники, хотя и сохраняетъ не мало мѣстныхъ особенностей, но еще болѣе дѣлаетъ объединеній, вслѣдствіе которыхъ во многихъ мѣстностяхъ стали дѣйствовать нормы, до того времени чуждыя каждой изъ нихъ въ отдѣльности. И въ этомъ случаѣ идея свода оказалась совершенно неудачной и неосуществимой въ дѣйствительности. Сводъ остзейскихъ гражданскихъ законовъ еще менѣе можетъ быть названъ сводомъ, нежели т. X, ч. 1. Кромѣ того, возникаетъ большое сомнѣніе относительно точности источниковъ, приведенныхъ подъ статьями свода. Едва ли здѣсь не повторился тотъ же пріемъ, что и при составленіи т. X, ч. 1 съ тою только разницею, что Сперанскій пользовался главнымъ образомъ западными законодательствами и французскою литературою, а симпатіи профессора Бунге были на сторонѣ римскаго права. Провѣрить источники остзейскаго Свода весьма затруднительно. Но сомнѣніе возбуждается тѣмъ обстоятельствомъ, что римское право играетъ преобладающую роль въ Сводѣ, особенно въ 4-ой книгѣ, тогда какъ по исторіи и по признанію самого составителя значеніе его въ этой мѣстности было сравнительно ограниченно. Затѣмъ въ приводимыхъ источникахъ имѣется масса ссылокъ на обычное право, представляющее, какъ извѣстно, безграничный просторъ для фантазіи. Наконецъ, не въ пользу своднаго характера Свода говоритъ нерѣдко встрѣчающаяся ссылка на природу вещи (Natur der Sache), напоминающая скорѣе предшествующую научную литературу, чѣмъ предшествующее народное право.

Но, если смотрѣть на остзейскій Сводъ, какъ на кодексъ, то придется признать его весьма неудовлетворительнымъ. Во первыхъ, при всемъ его объединительномъ назначеніи, онъ не устраняетъ той юридической розни, которая составляла всегда слабое мѣсто остзейскаго права. И теперь случается, что въ разныхъ концахъ города дѣйствуетъ разное право. (Введеніе, ст. IX). Во вторыхъ, остзейскій Сводъ, построенный мозаически изъ римскаго, германскаго, польскаго, шведскаго, датскаго и мѣстнаго права, не имѣетъ народнаго характера, какой ему иногда приписывается. Въ третьихъ объемъ Свода громадный—4600 статей, что не мало затрудняетъ его усвоеніе, при всей доступности языка и изложенія. Въ четвертыхъ недостаткомъ кодекса слѣдуетъ считать наличность научныхъ

положеній, которымъ мѣсто только въ учебникѣ. Между тѣмъ такихъ положеній въ Сводѣ не мало, причемъ они могутъ только затруднить, но не облегчить практику. Какое напр. значеніе для практики можетъ имѣть законъ, гласящій, что „заемъ есть собственно ничто иное, какъ отчужденіе“ (ст. 3644). Въ пятыхъ, по содержанію своему остзейскій сводъ представляется весьма устарѣлымъ, несоотвѣтствующимъ настоящему времени. Онъ проникнутъ феодальнымъ характеромъ, покровительствуетъ высшимъ классамъ противъ низшихъ, какъ напр. въ ст.4207, постановляющей, что при наймѣ прислуги, которая не можетъ доказать размѣра условленнаго вознагражденія, она должна довольствоваться тѣмъ, что дастъ господинъ. Въ Сводѣ содержатся институты, совершенно вышедшіе уже повсюду изъ употребленія, какъ напр. praecarium.

Соотношеніе между мѣстнымъ остзейскимъ правомъ и общимъ имперскимъ опредѣлено ст. 2 Свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ, т. I, которая постановляетъ, что мѣстныя остзейскія узаконенія объемлютъ тѣ только случаи, на кои именно постановлены, какъ изъятіе изъ общихъ правилъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣйствіе общихъ законовъ Имперіи сохраняетъ и въ сихъ губерніяхъ и областяхъ полную свою силу. Положеніе это, въ примѣненіи къ гражданскому праву, имѣетъ скорѣе принципіальное, чѣмъ практическое, значеніе. Неясность и противорѣчія въ мѣстныхъ законахъ остзейскихъ должны быть изъясняемы изъ содержанія Свода, и только при встрѣчѣ съ отношеніями, вовсе этимъ Сводомъ не опредѣленными, слѣдуетъ обращаться къ общему праву. Но, если принять во вниманіе сразнительную полноту мѣстнаго Свода передъ Сводомъ Законовъ, то придется придти къ заключенію, что едва ли такіе случаи могутъ часто встрѣтиться.

3. Въ 1809 году по фридригсгамскому миру къ Россіи была присоединена Финляндія, которая до сихъ поръ была связана своею политическою судьбою со Швеціею. Какъ часть послѣдней, Финляндія находилась подъ дѣйствіемъ шведскаго уложенія 1734—1736 годовъ. Это уложеніе, въ виду обѣщанной Александромъ I неприкосновенности мѣстныхъ законовъ, осталось основнымъ источникомъ финляндскаго права. Правда, какъ до присоединенія къ Россіи, такъ и послѣ того издано было много отдѣльныхъ законовъ, существенно измѣнившихъ содержаніе уложенія, но все же послѣднее формально продолжаетъ лежать въ основѣ финляндскаго права.

СПбГУ

Въ этомъ уложеніи отдѣлы 1, 2, 3 и 5 всецѣло, отдѣлъ 4, значительною частью, относятся къ гражданскому праву, но какого либо явнаго обособленія гражданскаго права отъ публичнаго въ уложеніи не замѣчается. Постоянное обновленіе финляндскаго законодательства не даетъ уложенію, не смотря на его почтенный возрастъ и на никуда негодную систему, слишкомъ отставать отъ жизни.

Финляндское право представляетъ собою совершенно обособленную систему и русское гражданское законодательство въ предѣлахъ Финляндіи никакого примѣненія не имѣетъ.

4. До присоединенія Бессарабіи къ Россіи въ 1812 году по бухарестскому миру, въ этой мѣстности дѣйствовали довольно смѣшанные источники, но основнымъ источникомъ было византійское право, преимущественно, но не исключительно, въ формѣ Шестикнижья Арменопула. Вскорѣ по присоединеніи Бессарабіи былъ поднятъ вопросъ о составленіи свода мѣстныхъ гражданскихъ законовъ и съ этою цѣлью было приступлено къ изслѣдованію, какіе источники дѣйствуютъ въ странѣ. На основаніяхъ, довольно сомнительныхъ, такими источниками были признаны: a) Шестикнижье Арменопула, только въ 1804 году переведенное на молдавскій языкъ, а до того времени мало доступное народу; b) Соборная Грамота молдавскаго господаря Александра Маврокордато 1785 года, касающаяся главнымъ образомъ поземельныхъ отношеній; и c) Краткое Собраніе Законовъ Донича 1814 года, самаго недавняго происхожденія, представляющее собою учебное руководство на молдавскомъ языкѣ, которое сразу получило огромное распространеніе.

Законы 1818 и 1828 годовъ объ управленіи Бессарабскою областью оставили въ силѣ эти мѣстные источники впредь до составленія изъ нихъ особаго свода, съ распространеніемъ россійскаго законодательства на случаи, когда законы мѣстные окажутся недостаточными. Въ Высочайше утвержденномъ 15 декабря 1847 года мнѣніи государственнаго совѣта прямо перечисляются указанные три источника, за которыми исключительно признается сила, а „въ случаѣ недостаточности мѣстныхъ бессарабскихъ законовъ... должны быть принимаемы въ основаніе законы россійскіе, при неясности же, противорѣчіи или неудобствѣ въ исполненіи закона слѣдуетъ поступать по

общимъ на такіе случаи постановленіямъ". Слѣдовательно, въ случаѣ неясности судебное мѣсто должно было прежде, согласно ст. 65 т. I Св. Зак. обратиться къ высшей власти, а нынѣ, согласно общему постановленію, выраженному въ ст. 9 уст. гражд. суд., должно рѣшать на основаніи общаго смысла мѣстныхъ законовъ. Только при недостаточности послѣднихъ вступаетъ въ силу Сводъ законовъ гражданскихъ. Такъ какъ за указанными тремя источниками признана сила закона, то законное примѣненіе можетъ имѣть только ихъ текстъ, но не тѣ историческіе памятники, которые лежатъ въ основаніи ихъ и которые могутъ служить только средствомъ историческаго толкованія.

Какъ древность содержанія, такъ и совершенно неподходящая форма изложенія мѣстныхъ законовъ крайне затрудняютъ практику. Если къ этому еще прибавить, что Шестикнижье Арменопула содержитъ, кромѣ гражданскаго права, постановленія по государственному, финансовому и уголовному праву, которыя примѣненія имѣть не могутъ, а потому заставляетъ судъ отдѣлять дѣйствующее право отъ потерявшаго силу, то состояніе бессарабскихъ источниковъ представится совершенно хаотическимъ и не отвѣчающимъ сложнымъ условіямъ современнаго быта. Вотъ почему на практикѣ т. X, ч. I, не смотря на всю свою неудовлетворительность, шагъ за шагомъ, вытѣсняетъ мѣстные законы.

5. Въ части бывшаго королевства польскаго, преобразовавшейся подъ дѣйствіемъ успѣховъ Наполеона въ герцогство Варшавское, введенъ былъ, съ 1 мая 1808 года, по повелѣнію французскаго императора, французскій гражданскій кодексъ, а съ 15 августа 1810 года сила его была распространена и на области, которыя были отняты у Австріи и присоединены къ герцогству. Съ 1809 года получило примѣненіе и французское коммерческое уложеніе. Увлеченіе Наполеономъ и соединенныя съ нимъ политическія надежды облегчили принятіе обоихъ кодексовъ, столь несходныхъ съ историческими основами польскаго права и преодолѣли трудность ихъ усвоенія, вполнѣ естественную въ первое время. Вѣнскій конгрессъ 1815 года вручилъ герцогство Варшавское русскому императору, который сохранилъ въ странѣ дѣйствіе французскихъ кодексовъ.

Реакціонное направленіе, наступившее послѣ низверженія Наполеона, дало возможность католическому духовенству начать агитацію противъ кодекса, который ввелъ въ столь религіозный странѣ гражданскій бракъ. Но общество успѣло весьма скоро приспособиться къ новому праву, оцѣнить все его превосходство передъ старымъ польскимъ правомъ и потому твердо стояло за кодексъ. Поэтому весь походъ противъ него закончился законами 1818 и 1825 годовъ, измѣнившими значительно ипотечную часть, которая, какъ извѣстно, составляла слабое мѣсто Code civil. Въ іюнѣ 1825 года изданъ былъ законъ, отмѣнившій всю первую книгу кодекса. т. е. ст. 1—515 и титулъ V книги III, т. е. ст. 1387—1581. Нельзя сказать, чтобы измѣненіе было слишкомъ радикальнымъ, тѣмъ менѣе можно говорить о какомъ либо поворотѣ въ сторону историческихъ національныхъ основъ. Наконецъ въ 1836 году изданъ былъ законъ о союзѣ брачномъ, который дѣйствительно уклонился отъ принциповъ Code civil, такъ какъ онъ возстановилъ церковный бракъ. Со введеніемъ въ 1875 году судебныхъ уставовъ императора Александра II въ привислянскихъ губерніяхъ, потеряли силу нѣкоторыя статьи кодекса, касающіяся доказательствъ (ст. 1315—1369) Но въ общемъ французскій кодексъ продолжаетъ дѣйствовать въ странѣ почти въ томъ же видѣ, какъ и на родинѣ своей, во Франціи.

Соотношеніе между т. X ч. 1 и законами мѣстными привислянскаго края остается неопредѣленнымъ. На основаніи ст. 48 т. I Свода Законовъ связь мѣстныхъ законовъ съ законами общими опредѣляется въ особенныхъ законахъ, учрежденіяхъ, уставахъ. Но на данный случай подобныхъ указаній не имѣется. Въ практическомъ отношеніи этотъ вопросъ не имѣетъ большого значенія въ виду бо́льшаго содержанія французскаго кодекса по сравненію со сводомъ законовъ гражданскихъ.

6. Въ прежнее время существовало еще мѣстное законодательство на Кавказѣ. Когда въ 1801 году закрѣпилась связь между Грузіею и Россіею, русское правительство предоставило мѣстному населенію пользоваться обычаями и законами царя Вахтанга, а въ случаѣ ихъ недостаточности общими россійскими законами. Уложеніе грузинскаго царя Вахтанга составлено было въ началѣ XVIII столѣтія и представляетъ собою, рядомъ съ обычаями и узаконеніями царей гру-

зинскихъ, сборникъ законовъ моисеевыхъ, византійскихъ, армянскихъ, что не мѣшало ему распространиться по всему Кавказу. Правительство русское задалось было цѣлью само привести въ извѣстность мѣстные законы и обычаи, но ограничилось офиціальнымъ изданіемъ въ 1828 году перевода Вахтангова сборника. Крайняя неудовлетворительность и неопредѣленность этого источника побуждали мѣстное населеніе обращаться къ правительству съ ходатайствомъ объ устраненіи мѣстныхъ законовъ. Отвѣтомъ на такія просьбы явилось Высочайшее повелѣніе 20 октября 1859 года 1) дѣйствующія въ разныхъ частяхъ закавказскаго края, составляющихъ прежнія Грузію, Имеретію и Гурію, постановленія изъ Уложенія Царя Вахтанга замѣнить общими законами Имперіи, во всемъ ихъ пространствѣ, допустивъ изъ сихъ послѣднихъ законовъ нѣкоторыя изъятія, требуемыя мѣстными особенностями края; 2) изъятія сіи ввести въ общій сводъ гражданскихъ Законовъ Имперіи, въ видѣ дополненія подлежащихъ статей этого свода. Сила этого положенія была распространена въ 1870 году и на Мингрелію. Слѣдуетъ замѣтить, что указанныя изъятія, особенно со времени введенія судебныхъ уставовъ въ Закавказье, весьма немногочисленны.

Литература. Для мѣстныхъ законодательствъ: Пахманъ, Исторія кодификаціи гражданскаго права, т. II. 1876, стр. 319—485; Даневскій, Объ источникахъ мѣстныхъ законовъ нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи, 1857; Михайловъ, Лекціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, 1859—1860. Обѣ послѣднія работы не касаются ни Финляндіи, ни Привислянскаго Края.

Для Черниговской и Полтавской губерній см. Боровиковскій, Объ особенностяхъ гражданскаго права Полтавской и Черниговской губерній (Ж. Мин. Юст. 1867, т. 32, стр. 435—454); Квачевскій, Законы Черниговской и Полтавской губерній и новый судъ (Ж. гр. и уг. пр. 1875, № 1). Кистяковскій издалъ «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ (Кіев. Унив. Изв. 1875 и 1876, также отдѣльно); въ концѣ авторъ приложилъ изслѣдованіе о дѣйствовавшихъ въ Малороссіи законахъ отъ отпаденія ея отъ Польши и присоединенія къ Россіи до отмѣны дѣйствія ихъ.

Для исторіи источниковъ остзейскаго права см. особенно Bunge, Einleitung in die liv-esth-und kurländische Rechtsgeschichte und Geschichte der Rechtsquellen, 1849; Историческія свѣдѣнія объ основаніяхъ и ходѣ мѣстнаго законодательства губерній остзейскихъ, 1845; Erdmann, System des Privatrechts der Ostsee provinzen Liv-Est-und Curland, 1889; Schmidt,

СПбГУ

Rechtsgeschichte Liv-Est und Curlands, 1894, Кассо, Обзоръ остзейскаго гражданскаго права, 1896. Бѣляевъ, Обще-имперскій законъ и мѣстныя остзейскія узаконенія (Ж. Мин. Юст. 1898, № 9).

Финляндское уложеніе переведено было по Высочайшему повелѣнію на русскій языкъ въ 1824 году съ дополненіями изданными въ 1827 году. Въ настоящее время имѣется частный переводъ Малышева, Общее Уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія Финляндіи, 1891. Съ 1860 года издается на шведскомъ и русскомъ языкахъ Сборникъ Постановленій В. Княжества Финляндскаго (выходитъ въ свѣтъ тетрадками).

Для бессарабскихъ источниковъ см. спеціально Линовскій, О мѣстныхъ бессарабскихъ законахъ, 1842 (внѣшняя исторія). Шимановскій, О мѣстныхъ законахъ Бессарабіи, 2 в. 1887—1888. Въ 1831 году предпринятъ былъ переводъ Шестикнижья Арменопула на русскій языкъ съ исправленіями по подлинному греческому тексту и въ такомъ видѣ разосланъ сенатомъ въ присутственныя мѣста для руководства. Такъ какъ новый текстъ значительно отступилъ отъ принятаго до сихъ поръ въ Бессарабіи, то произошло изданіе новаго закона. Въ томъ же 1831 году изданъ былъ переводъ Собранія Законовъ Донича и также разосланъ присутственнымъ мѣстамъ, вслѣдствіе чего оно получило офиціальное значеніе, котораго въ дѣйствительности не имѣло. Грамота Маврокордато была переведена еще въ 1827 году, а ко второму сенатскому изданію Шестикнижья (1854 г.) былъ присоединенъ и переводъ Грамоты.

Французскіе кодексы были введены въ герцогствѣ Варшавскомъ офиціально на французскомъ языкѣ. Офиціальный ихъ переводъ на русскій языкъ сдѣланъ въ 1870 году—Собраніе гражданскихъ законовъ губерній Царства Польскаго. Въ настоящее время имѣется не мало частныхъ переводовъ, лучшій принадлежитъ Губе, Гражданскіе законы губерній Царства Польскаго, 1877, на русскомъ и польскомъ языкѣ. Законы, которые издавались въ дополненіе или измѣненіе кодексовъ печатались первоначально въ Дневникѣ Законовъ Герцогства Варшавскаго (1807—1812), а потомъ въ Дневникѣ Законовъ Царства Польскаго (1815—1871). По указу 23 марта 1871 года въ губерніяхъ Царства Польскаго введенъ общій порядокъ обнародованія законовъ, а изданіе Дневника прекращено. По исторіи введенія и измѣненія французскаго кодекса въ привислянскихъ губерніяхъ см. Заборовскій, Гражданское право Царства Польскаго, в. I, 1847 стр, 17—57. Въ сороковыхъ и шестидесятыхъ годахъ, подъ предлогомъ неудовлетворительности кодекса, поднимался вопросъ о новой кодификаціи. Совершенно ошибочно мнѣніе Пахмана, Исторія кодификаціи т. II, стр. 452, будто въ этихъ губерніяхъ «сохранили силу лишь осколки французскаго кодекса». Стоитъ сопоставить постатейно то и другое право, чтобы убѣдиться въ противномъ. Конечно, современное французское право, благодаря многочисленнымъ новелламъ, уклонилось отъ первоначальнаго кодекса и съ этой стороны несходно во многомъ съ правомъ дѣйствующимъ нынѣ въ привислянскихъ губерніяхъ, но сравненіе должно быть производимо съ первоначальнымъ

ОПБГУ

текстомъ.—По мнѣнію Малышева, Курсъ общаго гражданскаго права Россіи в. I, 1878, стр. 136, прим. 11, «по отношенію къ польскимъ губерніямъ весь Сводъ Законовъ Россійской Имперіи слѣдуетъ считать общими законами, за исключеніемъ тѣхъ частей, которыя опредѣлены особо въ мѣстныхъ законахъ этого края».

§ 9. **Задачи кодификаціи гражданскаго права въ Россіи.** Состояніе русскаго гражданскаго законодательства въ настоящее время не оставляетъ никакого сомнѣнія въ настоятельной необходимости создать гражданскій кодексъ, отвѣчающій современнымъ требованіямъ жизни и науки. Если принять въ соображеніе три основныхъ недостатка русскаго гражданскаго права, обнаруженныхъ критикою съ достаточною очевидностью: a) громадный объемъ благодаря разбросанности нормъ по всему своду законовъ, казуистичности, повторяемости въ разныхъ редакціяхъ и включенія излишняго посторонняго элемента, b) неопредѣленность, возникающую вслѣдствіе массы противорѣчій, пробѣловъ, неясностей, отсутствія общихъ началъ, c) отсталость содержанія, обусловливаемую возникновеніемъ многихъ нормъ при историческихъ условіяхъ, совершенно несходныхъ съ настоящими—если принять это все въ соображеніе, то станетъ несомнѣннымъ, что съ такимъ гражданскимъ законодательствомъ трудно ознакомиться, освоиться и примириться.

Въ этомъ воззрѣніи сходятся почти всѣ русскіе юристы, теоретики и практики, а также общественное мнѣніе. Всѣ признаютъ, что русскіе гражданскіе законы совершенно отжили свой вѣкъ и ждутъ новаго уложенія, которое должно придти имъ на смѣну. Правда, въ литературѣ слышался голосъ, будто гражданскіе законы въ томъ видѣ, какой они имѣютъ въ т. X, ч. 1, вполнѣ соотвѣтсвуютъ русской жизни и должны остаться безъ перемѣны. Но этотъ голосъ такъ мало встрѣтилъ поддержки и противоположное воззрѣніе настолько преобладаетъ, что на этомъ мнѣніи не стоитъ и останавливаться.

Но иногда высказывались мнѣнія, которыя, въ случаѣ признанія ихъ основательности, способны задержать появленіе этого такъ давно ожидаемаго уложенія, а потому заслуживаютъ большаго вниманія.

Говорятъ, что къ перемѣнамъ въ законодательствѣ слѣдуетъ приступать съ крайнею осторожностью уже потому,

что старые законы имѣютъ въ глазахъ общества такой авторитетъ, какого никогда не будутъ имѣть новые законы, хотя бы они и были нѣсколько лучше прежнихъ. На это слѣдуетъ возразить, что старые законы имѣютъ въ глазахъ общества авторитетъ тогда только, когда оно видитъ въ нихъ обезпеченіе своихъ интересовъ. Въ противномъ случаѣ законы „переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ вѣчное ярмо". Общество можетъ примириться съ частичными недостатками своего законодательства, къ которому оно привыкло, если въ цѣломъ это законодательство соотвѣтствуетъ жизни. Но когда все гражданское законодательство вообще не удовлетворяетъ уже требованіямъ времени, когда въ немъ не осталось ни одного живого мѣста отъ ударовъ критики, то оно не въ состояніи прикрываться авторитетомъ старины. Его древность будетъ поставлена ему только въ упрекъ. Если завтра исчезнетъ т. X, ч. 1, о немъ никто не будетъ сожалѣть.

Нѣкоторые предъявляютъ такія широкія требованія къ русскому гражданскому уложенію, которыя, можно сказать, навѣрное останутся всегда неудовлетворенными, если же они будутъ очень настойчивы, то могутъ затормозить дѣло. Сюда главнымъ образомъ относится требованіе предварительно изучить народный бытъ, съ цѣлью усвоенія народныхъ правовыхъ началъ, которыя и должны быть положены въ основу будущаго гражданскаго уложенія. Но народныя начала—это необъятная область, которой изученіе, если бы оно и увѣнчалось успѣхомъ, потребовало бы такого значительнаго времени, что поколѣнія пройдутъ, пока приступятъ къ составленію уложенія на основаніи уловленнаго народнаго духа. Притомъ задача и недостижима. Русскій народъ на громадномъ пространствѣ Россіи поставленъ въ столь различныя бытовыя условія, что не можетъ быть и рѣчи объ установленіи такихъ началъ, вытекающихъ изъ народнаго духа, которыя могли бы удовлетворить разсматриваемое требованіе.

Самое серьезное замѣчаніе, какое можетъ встрѣтить приступъ къ составленію гражданскаго уложенія, заключается въ томъ, что наше время неблагопріятно для подобной работы. Это соображеніе, конечно, вѣско. Не подлежитъ сомнѣнію, что бываютъ эпохи, благопріятныя для кодификаціи и бываютъ, напротивъ, моменты для нея неудачные. Настоящее время должно быть отнесено по многимъ соображеніямъ къ разряду

неблагопріятныхъ моментовъ, что уже доказывается массою частичныхъ проектовъ, остающихся безъ всякаго осуществленія. Но, если ожидать такого благопріятнаго момента для широкой постановки кодификаціи, не слишкомъ ли долго придется оставаться подъ дѣйствіемъ совершенно непригоднаго права? Не лучше ли въ такомъ случаѣ не гоняться за радикальными измѣненіями, а ограничиться примиреніемъ права съ жизнью въ самыхъ существенныхъ чертахъ? Наконецъ, есть отдѣлы гражданскаго права, и весьма значительные, которые мало зависятъ отъ условій настоящаго времени, а работа по составленію всего уложенія требуетъ большого труда. Не лучше ли въ такомъ случаѣ удовлетвориться уложеніемъ, составляемымъ въ умѣренномъ духѣ, а времени и благопріятнымъ условіямъ предоставить возможность частичныхъ измѣненій въ желательномъ направленіи?

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать тотъ фактъ, что дѣло составленія для Россіи гражданскаго уложенія нельзя болѣе откладывать. Право настолько разошлось съ жизнью, что каждый изъ этихъ элементовъ идетъ своимъ путемъ. А это самый опасный результатъ для всего гражданско-правового порядка. Когда начинаютъ призывать справедливость въ защиту противъ законности, какъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время, это плохой симптомъ, надъ которымъ стоитъ призадуматься. Когда жизнь пробиваетъ себѣ новые пути помимо правовыхъ формъ, нельзя болѣе медлить съ обновленіемъ законодательства, потому что такое положеніе вещей ведетъ къ подрыву уваженія со стороны общества къ закону. Если общество привыкнетъ обходиться въ своихъ частныхъ отношеніяхъ безъ закона, насколько возможно, то законодатель рискуетъ потерять ту руководящую роль, какая несомнѣнно должна ему принадлежать въ общественной жизни. Въ Россіи и безъ того историческія обстоятельства не благопріятствовали развитію чувства законности; если же общество, вышедшее изъ пеленокъ, оставляется долго подъ дѣйствіемъ права, разсчитаннаго на юный возрастъ, оно можетъ привыкнуть относиться отрицательно ко всякому закону. Полная неудовлетворительность гражданскаго законодательства заставляетъ руководствоваться воззрѣніями кассаціоннаго сената, которыя отодвинули на задній планъ законъ, а это обстоятельство, конечно, мало способствуетъ поднятію авторитета законодателя. Для послѣдняго безопаснѣе допустить свободную критику гражданскаго законодательства,

СПбГУ

при наличности законности, чѣмъ запрещать ее и въ то же время невольно допускать, чтобы исполнительные органы, подъ вліяніемъ чувства справедливости и по соображеніямъ цѣлесообразности, постепенно измѣняли правовой порядокъ и разрушали въ обществѣ чувство законности.

Само русское правительство признало несоотвѣтствіе гражданскаго законодательства съ требованіями времени и настоятельность перехода отъ свода къ уложенію. Еще въ 1848 году во Всеподданнѣйшемъ докладѣ графъ Блудовъ призналъ, что „недостатки многихъ постановленій X тома свода Законовъ съ каждымъ днемъ становятся ощутительнѣе". Въ 60-ыхъ годахъ въ правительственныхъ сферахъ возникла мысль объ изданіи по крайней мѣрѣ обязательственнаго права, какъ наименѣе связаннаго со щекотливыми вопросами законодательной политики. Но и эта мысль не была отечественнымъ произведеніемъ. Она явилась подъ вліяніемъ такой же идеи, появившейся въ 60-ыхъ годахъ въ Германіи и Швейцаріи съ тѣмъ же намѣреніемъ избѣжать наиболѣе трудныхъ вопросовъ. Эта идея не можетъ быть признана счастливою—нельзя пересоздать обязательное право, не затронувъ вещнаго. По мнѣнію нѣкоторыхъ, улучшеніе гражданскаго законодательства могло бы быть достигнуто путемъ изданія отдѣльныхъ законовъ—отсюда масса неосуществленныхъ проектовъ. Выгода отъ такого порядка реформы заключалась въ томъ будто бы, что общество приспособлялось бы постепенно къ измѣняющемуся гражданскому порядку, а не сразу, какъ при изданіи кодекса. Но при этомъ необходимо, чтобы духъ и направленіе всѣхъ издаваемыхъ одинъ за другимъ законовъ были одинаковы, а это едва ли достижимо при значительномъ промежуткѣ времени.

Въ маѣ 1882 года состоялось Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ гражданскихъ законовъ и составленіи новаго гражданскаго уложенія (П. С. З. 1882, мая 12 и 26, № 872). Для этой цѣли учреждена была коммиссія, имѣющія въ своемъ составѣ лучшія юридическія силы, практическія и теоретическія. Прошло уже 16 лѣтъ со времени ея учрежденія, но никакихъ сколько нибудь осязательныхъ результатовъ ея дѣятельности не видно. Изданіе переводовъ иностранныхъ кодексовъ составляетъ подготовительную работу, не безусловно необходимую для коммиссіи, а составленіе частныхъ про-

ектовъ по гражданскому праву, въ родѣ проектовъ вотчиннаго или опекунскаго, не только отвлекаетъ коммиссію отъ непосредственной ея задачи, но прямо противорѣчитъ цѣли ея учрежденія—изготовить полный гражданскій кодексъ. Опубликованные проекты—это не части будущаго уложенія, а самостоятельные законы, которымъ придется непремѣнно исчезнуть въ кодексѣ. Къ чему же ихъ издавать? Если же имъ предназначается довольно долгое существованіе, оправдывающее отдѣльное ихъ изданіе, значитъ сама коммиссія не имѣетъ надежды на появленіе въ ближайшемъ будущемъ уложенія. Очевидно имѣются какія то обстоятельства, которыя мѣшаютъ коммиссіи развернуть свои силы и энергичнѣе проявить свою дѣятельность. Судьба уголовнаго уложенія, которое вообще легче составить и провести въ жизнь, не предвѣщаетъ ничего хорошаго гражданскому уложенію.

Трудности, соединенныя вообще съ составленіемъ гражданскаго кодекса, усложняются въ Россіи еще особенными задачами, которыя выдвинуты условіями ея исторической и политической жизни.

1. Первый вопросъ, который соединяется съ будущимъ гражданскимъ уложеніемъ, тотъ, должно ли оно представлять собою нѣчто вполнѣ самобытное, или же составителямъ позволительно воспользоваться широко западноевропейскими образцами. Если держаться исторической традиціи, усвоенной русскимъ законодателемъ, то слѣдуетъ дать второй отвѣтъ, потому что при всѣхъ законодательныхъ работахъ всегда обращали взоръ на западъ. Поэтому требовать, чтобы въ настоящее время уложеніе составлялось независимо отъ западныхъ образцовъ, представляется прежде всего противорѣчіемъ прошедшему.

Многочисленные голоса, настаивающіе на самобытности будущаго уложенія, не вполнѣ уясняютъ себѣ задачу. Слѣпое подражаніе всегда заслуживаетъ осужденія, все равно относится ли оно къ частному лицу или къ законодателю. Къ сожалѣнію. русское законодательство XIX вѣка можно особенно порицать за лишенное критики отношеніе къ западнымъ образцамъ, чему самымъ рѣзкимъ примѣромъ могутъ служить законы 23 августа 1884 года и 12 іюля 1889 года. Но странно было бы не принять все то, что выработано ранѣе западнымъ законодательствомъ и оказывается разумнымъ и примѣнимымъ къ русской жизни, отстаивать свое только по одной этой

причинѣ, хотя бы оно стало уже совсѣмъ непригоднымъ. Такой пріемъ былъ бы недостоинъ ни политическаго такта, ни русской исторической традиціи.

Да и притомъ гдѣ почерпать начала самобытности? Очевидно не въ оригинальномъ измышленіи настоящаго времени, а въ прошломъ русскаго права. Но какой историческій моментъ слѣдуетъ избрать, какъ основу? Въ теченіе тысячилѣтняго развитія правовые принципы были весьма различны: совмѣстное усвоеніе ихъ привело бы къ парализированію однихъ другими, выборъ же между ними нуждается въ такомъ критеріи, который бы давалъ возможность отличать истинно-русскія начала отъ нерусскихъ, хотя и усвоенныхъ русскою жизнью. Такъ, слѣдуетъ ли ограничиться историческими началами, выработанными Уложеніемъ Алексѣя Михайловича или идти дальше въ глубь исторіи? Если само Уложеніе отвергло нѣкоторыя изъ древнихъ началъ и не включило въ свой составъ, то возстановленіе ихъ не будетъ ли противорѣчить историческимъ началамъ русскаго законодательства? Гражданское уложеніе не есть художественное произведеніе, которое можетъ быть построено въ томъ или другомъ историческомъ стилѣ. Дѣло идетъ не объ эстетическомъ впечатлѣніи или пріятномъ воспоминаніи старины.

Гражданскій кодексъ долженъ быть прежде всего практиченъ, онъ долженъ соотвѣтствовать требованіямъ времени, онъ долженъ согласовать право съ жизнью, которыя теперь сильно разошлись. А едва ли можно спорить, что по бытовымъ условіямъ жизнь современной Россіи гораздо ближе къ жизни западныхъ странъ, нежели къ складу отношеній московскаго или даже кіевскаго періода. Поэтому образцы слѣдуетъ искать не въ прошломъ, уже исчезнувшемъ, а въ настоящемъ. Дальнѣйшее движеніе русской жизни, конечно, не будетъ въ направленіи старомъ, а только въ томъ, по которому идетъ западная культура, лишь съ нѣкоторыми особенностями, какія свойственны въ равной мѣрѣ и отдѣльнымъ странамъ, входящимъ въ составъ западнаго міра.

Среди немногочисленныхъ отдѣловъ русскаго гражданскаго права историческимъ духомъ болѣе всего отдаютъ правила законнаго наслѣдованія. Но эти то правила болѣе всего расходятся съ общественнымъ правосознаніемъ, вызывая подчасъ положительное негодованіе своею несправедливостью.

СПбГУ

Можно заранѣе предсказать, что, не смотря на свою самобытность, эти правила прежде всего осуждены будутъ на гибель. Исторія русскаго права нужна при составленіи новаго уложенія не для того, чтобы возстановлять или поддерживать съ археологическою точностью давно отжившее свой вѣкъ, а для усвоенія точки зрѣнія, которою руководствовался русскій законодатель въ своей творческой дѣятельности, уясненія себѣ насколько легко и при какихъ условіяхъ ассимилировалось заимствованное въ русской жизни.

2. Второй вопросъ, созданный особенностями состава русскаго государства, заключается въ томъ, должно ли гражданское уложеніе по объему дѣйствія замѣнить собою только т. X, ч. I или же, распространившись на всѣ территоріи россійской имперіи, замѣнить собою и всѣ мѣстныя законодательства. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ этотъ получаетъ ошибочную постановку, какъ только переносится на политическую почву: въ стремленіи сохранить мѣстныя законодательства усматриваютъ національный сепаратизмъ, нежеланіе сливаться съ Россіей, въ стремленіи распространить общее законодательство на всю государственную территорію усматриваютъ насиліе надъ побѣжденными и неспособными сопротивляться провинціями. Несомнѣнно, что вопросъ этотъ нерѣдко такъ ставится, но онъ не долженъ такъ ставиться. Вопросъ можетъ быть поставленъ только такъ: удобнѣе ли имѣть одни гражданскіе законы на пространствѣ всей территоріи и не достигается ли это удобство на счетъ историческихъ привязанностей мѣстнаго населенія, представляющаго по своей численности довольно почтенную цифру.

Удобство единаго законодательства передъ разнообразными источниками не можетъ подлежать сомнѣнію. Чѣмъ болѣе усиливается оборотъ, тѣмъ болѣе ощутельны недостатки правового разобщенія и преимущества объединенія. Насколько распространеніе общаго законодательства могло бы затронуть традиціи мѣстностей, состоящихъ на особомъ положеніи?

Вопросъ значительно упрощается тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одно изъ мѣстныхъ гражданскихъ законодательствъ, за исключеніемъ Финляндскаго, не имѣетъ достаточной исторической почвы подъ собою. Это можно сказать какъ о кодексѣ Наполеона, такъ и о Шестикнижіи Арменопула. Остзейское право въ томъ видѣ, какой оно получило въ Сводѣ 1864

года, также не можетъ утверждать, что оно глубоко проникло въ сознаніе мѣстныхъ жителей, что послѣдніе срослись съ нимъ въ теченіе долгой исторической жизни. Наиболѣе историческихъ корней имѣетъ финляндское уложеніе, но многочисленные новые законы успѣли значительно ослабить дѣйствіе стараго права: осталось дѣйствіе стараго уложенія, хотя содержаніе его сильно измѣнилось. По этимъ соображеніямъ введеніе въ мѣстности, пользующіяся особымъ законодательствомъ, новаго уложенія не могло бы затронуть историческія привязанности, такъ какъ имъ некогда было сформироваться, а быстрое съ ихъ стороны приспособленіе къ чужому праву подаетъ надежду на успѣхъ примѣненія къ нимъ новаго кодекса.

Можетъ быть, однако удобство единаго законодательства было бы куплено цѣною торжества худшаго законодательства на счетъ лучшихъ? Но, за исключеніемъ кодекса Наполеона, ни одно изъ мѣстныхъ законодательствъ не можетъ претендовать не только на совершенство, но даже на отдаленное къ нему приближеніе. Какъ содержаніе нормъ, такъ и форма ихъ изложенія всюду весьма неудовлетворительны. Что касается кодекса Наполеона, то при всѣхъ его достоинствахъ, которыя и заставили мѣстное населеніе такъ скоро подчиниться ему и крѣпко держаться за него въ теченіе XIX вѣка, рѣчь идетъ не о замѣнѣ его т. X, ч. I, который, конечно, не можетъ идти съ нимъ въ сравненіи, какъ плохая копія съ оригиналомъ. Вопросъ заключается въ томъ, возможно ли и желательно ли распространить дѣйствіе предполагаемаго гражданскаго уложенія на территоріи мѣстныхъ законодательствъ. А съ этой точки зрѣнія нѣтъ основанія смотрѣть на дѣло такъ безнадежно, чтобы сомнѣваться въ томъ, что русскіе юристы, въ концѣ XIX, а вѣрнѣе въ началѣ XX вѣка, имѣя въ виду недостатки и достоинства кодекса Наполеона, обнаруженные съ достаточною ясностью въ продолженіе столѣтняго его примѣненія, съумѣютъ создать законодательное произведеніе, не хуже этого продукта, не говоря уже о всѣхъ другихъ мѣстныхъ законодательствахъ.

Въ виду неудовлетворительности мѣстныхъ кодексовъ, русскому законодателю, по введеніи общаго гражданскаго уложенія, пришлось бы приступить къ полному пересмотру

СПбГУ

мѣстныхъ уложеній. Почему можно думать, что въ этой кодификаціи законодатель долженъ руководствоваться какими либо иными принципами, чѣмъ тѣ, которые онъ положитъ въ общее уложеніе? А если такъ, то не проще ли одновременно работать надъ созданіемъ кодекса, пригоднаго для всей Имперіи. Конечно, если въ основу будущаго уложенія будетъ положенъ не принципъ цѣлесообразности, а принципъ самобытности, то мысль о единствѣ въ гражданскомъ законодательствѣ нужно оставить.

3. Въ связи съ разсмотрѣннымъ сейчасъ вопросомъ стоитъ вопросъ о пространствѣ дѣйствія будущаго уложенія въ отношеніи лицъ, т. е. должны ли ему подчиниться всѣ граждане россійской имперіи или же желательно сохранить тѣ личныя изъятія, которыя имѣются въ настоящее время. Главнымъ образомъ вопросъ касается крестьянской массы, но относится также къ многочисленному инородческому населенію, къ колонистамъ, магометанамъ. При составленіи Свода Законовъ крестьяне являлись принадлежностью имѣній, а потому этотъ вопросъ въ то время не возникалъ. При реформѣ 19 февраля 1861 года только что вступившіе въ гражданское общество крестьяне были оставлены почти всецѣло внѣ дѣйствія т. X, ч. I, такъ какъ для нихъ созданы были волостные суды, которые должны руководиться исключительно обычаями. Но должна ли и далѣе продолжаться такая юридическая разобщенность между низшими и высшими классами общества, желательно ли оставлять и впредь крестьянъ подъ дѣйствіемъ обычнаго права, когда всюду законъ признается правовою формою, болѣе соотвѣтствующею новымъ условіямъ?

Едва ли кто будетъ оспаривать, что принципіально преимущество всегда на сторонѣ единства въ правѣ. Оно облегчаетъ взаимное общеніе, способствуетъ культурному сліянію членовъ одного и того же политическаго союза. Но противъ распространенія общаго гражданскаго права на крестьянскую массу выставляются соображенія, которыя должны устранить преимущества правового единства. Замѣтимъ однако, что и въ этомъ вопросѣ, какъ и въ предшествующемъ, вмѣсто того, чтобы обсуждать, желательно ли создать такой кодексъ, которому были бы подчинены всѣ русскіе граждане, переходятъ къ возраженіямъ противъ распространененія т. X, ч. I на крестьянъ въ виду того, что по своимъ началамъ эти законы стоятъ

ниже крестьянскихъ обычаевъ. Но объ этомъ не можетъ быть рѣчи: т. X, ч. 1 признанъ наукою, практикою и наконецъ самимъ законодателемъ негоднымъ и предназначенъ къ сломкѣ. Слѣдовательно вопросъ можетъ касаться только предполагаемаго гражданскаго уложенія.

Однако даже при такой постановкѣ вопроса чаще всего слышатся отрицательные отвѣты. a) Выставляютъ на видъ опасность, которая грозитъ созданному самою жизнью обычному праву крестьянъ со стороны формальной логики юристовъ. Но еще не доказано, когда и въ чемъ погрѣшила логика противъ жизни. Рѣчь очевидно идетъ о томъ, что право, сколько нибудь развитое, выражается нормами, тогда какъ у крестьянъ дѣло рѣшается по справедливости, примѣнительно къ каждому конкретному случаю, „глядя на человѣка". Но подобная точка зрѣнія, возможная въ небольшой общественной группѣ при несложныхъ отношеніяхъ, оказывается недостаточною при расширеніи круга общенія, и при усложеніи отношеній является безусловная необходимость общихъ нормъ. b) Во вторыхъ указываютъ на преимущество эмпирически возникающаго права передъ правомъ, созданнымъ отвлеченно законодателемъ. Но при этомъ упускаютъ изъ виду, что крестьянскіе обычаи полны такихъ грубыхъ воззрѣній, съ которыми не мирится нравственное чувство образованныхъ классовъ и которые законодатель не можетъ оставить въ неприкосновенности, если заранѣе не откажется отъ своей воспитательной роли. Достаточно вспомнить крестьянскій взглядъ на бракъ, на личныя семейныя отношенія, на постановку опекунскаго дѣла, чтобы не признать вѣрности положенія, будто начала крестьянскихъ обычаевъ выше правовыхъ положеній, усвоенныхъ культурными классами. А если крестьянскія правовыя воззрѣнія стоятъ ниже тѣхъ, которыя усвоены иными классами общества, то не будетъ ли насиліемъ надъ послѣдними подчиненіе ихъ кодексу, построенному на началахъ, ими осужденныхъ. Въ достоинство крестьянскимъ обычаямъ вмѣняется то, что по своимъ началамъ они гораздо ближе къ римскому праву и западнымъ законодательствамъ, чѣмъ т. X, часть 1. Но это то обстоятельство и говоритъ о полной возможности распространить на крестьянъ дѣйствіе будущаго уложенія, если только оно откажется отъ поисковъ самобытности и пожелаетъ широко воспользоваться теоріей. c) Указываютъ далѣе, на то, что крестьяне, въ виду ихъ сравнительно

СПбГУ

меньшаго развитія, не въ состояніи будутъ усвоить себѣ нормы права, выработаннаго культурными классами. Противъ этого положенія можно сказать, что какъ бы ни былъ написанъ кодексъ, съ нимъ все же можно освоиться, а если каждое дѣло рѣшается примѣнительно къ конкретной обстановкѣ, то съ правомъ нѣтъ никакой возможности познакомиться. Почему крестьяне считаются неспособными усвоить общія начала развитого права, а мѣщане и рабочіе, городское населеніе, которые по развитію не далеко ушли отъ крестьянской массы, считаются къ тому способными и подчиняются дѣйствію общаго права въ настоящее время. d) Основаніемъ къ правовой обособленности крестьянъ выставляютъ также культурную отчужденность ихъ: при совершенно особыхъ условіяхъ ихъ жизни, при особомъ міровоззрѣніи, въ Россіи невозможно правовое единеніе между крестьянами и культурными классами. Но теченіе жизни ведетъ постоянно къ возрастающему общенію между городомъ и деревнею. Въ крестьянскую среду все болѣе вторгаются городскіе взгляды и порядки, притомъ совершенно независимо отъ права, силою бытовыхъ отношеній. Это фактъ достаточно замѣченный и отмѣченный.

Такимъ образомъ всѣ приведенныя возраженія не въ состояніи парализовать тѣхъ выгодъ, какія могутъ получиться отъ замѣны крестьянскихъ обычаевъ писаннымъ закономъ и подчиненія ихъ общему гражданскому праву. Въ пользу такого распространенія уложенія на крестьянъ говорятъ всѣ неудобства современнаго положенія вещей, неизлечимаго никакими мелкими поправками. Крестьянскіе обычаи страдаютъ крайнею неопредѣленностью началъ. Крестьяне своего права не знаютъ, потому что всегда примѣняется конкретная точка зрѣнія. Кому ясно соціальное значеніе права, тотъ пойметъ какъ отражается эта правовая неопредѣленность на всемъ бытѣ крестьянъ. Таже конкретность мѣшаетъ объединенію началъ, потому что оно всегда будетъ несоотвѣтствовать дѣйствительности и является насиліемъ надъ обычаями. Эта неопредѣленность обычаевъ невольно открываетъ доступъ въ крестьянскую среду т. X. ч. 1, который при всѣхъ его несовершенствахъ имѣетъ однако достоинство писаннаго права.

Самимъ крестьянамъ приходится находится подъ дѣйствіемъ двойной системы права. Въ дѣлахъ, подсудныхъ волостному суду, дѣйствуетъ система обычнаго права, въ дѣ-

лахъ подсудныхъ общимъ судамъ—система законнаго права. А между тѣмъ одно и то же отношеніе можетъ подать поводъ къ разной подсудности. Если по договору аренды крестьянинъ не дополучилъ 101 рублей. то дѣло будетъ рѣшаться по закону, а если только 99, то по обычаю. Удобна ли для крестьянъ такая двойная система права, когда онъ не можетъ даже заранѣе предусмотрѣть, которая изъ нихъ должна имѣть примѣненіе къ устанавливаемому отношенію. Какой нравственный разладъ должна производить такая двойственность въ сознаніи крестьянъ.

Оберегая крестьянъ отъ вторженія въ ихъ жизнь законныхъ нормъ, совершаютъ насиліе надъ ихъ волею, потому что, по общему признанію, крестьяне не стоятъ за свои обычаи, а напротивъ стремятся къ закону. По уваженію къ закону, по покорному преклоненію передъ его авторитетомъ, русскіе крестьяне превосходятъ культурные классы, именно потому что имъ яснѣе все преимущество общаго закона предъ чувствомъ справедливости, легко переходящимъ въ произволъ, отъ котораго крестьянство достаточно страдаетъ. Та же эмпирика толкаетъ крестьянъ къ закону, а имъ совѣтуютъ остаться при своихъ неопредѣленныхъ, разнообразныхъ и отсталыхъ обычаяхъ изъ принципа охраненія эмпирическихъ началъ. Самая отчужденность правовая крестьянской массы, являясь произведеніемъ XIX вѣка, не имѣетъ подъ собою твердой исторической почвы, съ которою законодательной политикѣ пришлось бы считаться.

Но, отстаивая распространеніе будущаго гражданскаго уложенія на крестьянъ, мы соглашаемся съ необходимостью въ нѣкоторыхъ случаяхъ открыть доступъ обычаямъ. Такъ напр. законодатель, опредѣляя точными юридическими положеніями право крестьянской общины на землю, права на нее со стороны каждаго общинника, отношенія общины и членовъ ея къ постороннимъ лицамъ, въ то же время долженъ предоставить обычаю опредѣлять самый порядокъ пользованія общинною землею. Но здѣсь уже рѣчь идетъ не объ обычномъ правѣ, а о заведенномъ порядкѣ, сила котораго должна быть признана кодексомъ въ отношеніи и другихъ классовъ общества.

Еще въ большей степени придется сдѣлать изъятій для инородцевъ, особенно кочующихъ. Напротивъ, слѣдуетъ безусловно распространить дѣйствіе гражданскаго уложенія на

колонистовъ, юридическая обособленность которыхъ не можетъ быть оправдана никакими соображеніями, кромѣ историко-политическихъ.

4. Должно ли будущее гражданское уложеніе включить въ свой составъ и матеріалъ торговаго права или же въ Россіи слѣдуетъ установить, при помощи двухъ кодексовъ, гражданскаго и торговаго, дуализмъ частнаго права, установившійся на Западѣ? Въ маѣ 1882 года учреждена была, какъ мы видѣли, коммиссія для составленія гражданскаго уложенія, а двумя мѣсяцами ранѣе состоялось Высочайшее повелѣніе о порученіи сенатору Туру сочинить торговое уложеніе. Конечно, это обстоятельство нисколько еще не предрѣшаетъ вопроса въ пользу двухъ кодексовъ.

Дуализмъ частнаго права, выражаемый въ параллельномъ существованіи двухъ системъ, общегражданской и торговой, имѣетъ на Западѣ свое историческое оправданіе. Основы его коренятся въ томъ сословномъ дѣленіи общества, которое было характерною чертою западноевропейскаго склада. Сословная обособленность привела къ выработкѣ нормъ права въ каждомъ сословіи отдѣльно, при чемъ нормы, выработанныя въ купеческой средѣ, въ виду усложненныхъ отношеній, получили особенное развитіе. Королевская власть, относившаяся пренебрежительно къ задачѣ опредѣленія частно-правовыхъ отношеній, какъ не затрогивающихъ непосредственно интересы правительства, отнеслась, напротивъ, съ полнымъ вниманіемъ къ сферѣ торговыхъ отношеній, въ виду того интереса, какой связанъ для правительства съ развитою торговлею. Отсюда законодательное содѣйствіе торговымъ отношеніямъ и ранняя кодификація торговаго права. Когда сознана была потребность кодификаціи гражданскаго права, то торговое право уже существовало въ видѣ готовой системы, уничтожать которую не находили нужнымъ въ виду трудностей новой работы (Франція). Затѣмъ на долю торговаго права выпала роль политическаго объединенія. Отдѣльныя государства, чрезвычайно ревнивыя къ своей законодательной самостоятельности, должны были сдѣлать уступку въ пользу торговаго класса, въ виду возрастающаго его вліянія и интереса соединяемаго для каждаго правительства съ торговлею. Упорно отстаивая обособленность въ гражданскомъ правѣ, правительства согласились на общую кодификацію торговаго права опять таки въ виду значенія

для нихъ торговли (Германія). При томъ гражданскомъ вліяніи, какое принадлежитъ въ западной Европѣ этимъ двумъ народамъ, французскому и германскому, понятно, что второстепенныя государства увлеклись подражательностью и заимствовали торговые кодексы. Такимъ образомъ историческія традиціи, неудовлетворительное состояніе гражданскаго права, въ виду его отсталости и трудности кодификаціи по политическимъ соображеніямъ, наконецъ подражательность вожакамъ западной культуры,—таковы причины, создавшія раздвоенность въ частномъ правѣ.

Ни одна изъ указанныхъ причинъ не могла имѣть мѣста въ Россіи, кромѣ развѣ послѣдней. Въ Россіи не существовало купеческаго сословія, подобнаго западному, и не было почвы для развитія самостоятельнаго купеческаго права. Единство въ правѣ не нарушается въ теченіе всей исторіи. Оно не выразилось и въ Сводѣ Законовъ, потому что торговый уставъ, помѣщенный въ т. XI, ч. 2 не имѣетъ ничего общаго съ торговыми кодексами. Это по преимуществу полицейско-финансовыя постановленія, а не частно-правовыя. По идеѣ Сперанскаго сводъ гражданскихъ законовъ и долженъ былъ охватить „какъ то, что на западѣ носитъ названіе code civil, такъ и то, что называется code commerce“. Эта мысль вполнѣ осуществилась въ Сводѣ Законовъ, такъ что предстоящей кодификаціи остается только сохранить сложившееся единство. Напротивъ, если возьметъ верхъ противоположное направленіе, то раздвоенность частнаго права придется вводить вновь. Въ Россіи нѣтъ и тѣхъ основаній для созданія торговаго кодекса, которыя на Западѣ кроются въ политическомъ сепаратизмѣ.

Конечно, историческая почва сама по себѣ вопроса не разрѣшаетъ. Если существованіе особаго торговаго кодекса, рядомъ съ гражданскимъ, признано будетъ болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ, то примѣръ запада заслуживаетъ подражанія. Но дѣло въ томъ, что параллельное дѣйствіе двухъ кодексовъ частнаго права не отвѣчаетъ ни теоретическимъ требованіямъ, ни практическимъ удобствамъ. Торговое частное право по существу ничѣмъ не отличается отъ гражданскаго и обособленіе его можетъ быть произведено лишь на экономическомъ, но не юридическомъ основаніи. Между тѣмъ особый коммерческій духъ, проникающій нормы торговаго права, все болѣе и болѣе проникаетъ весь складъ гражданско-правовой. Это

СПбГУ

результатъ экономическихъ условій, но не вліяніе закона, который безсиленъ оказать противодѣйствіе этому явленію. Кругъ торговыхъ дѣйствій все болѣе и болѣе расширяется, такъ что торговое право давно вышло изъ предѣловъ собственно торговли и обнаруживаетъ тенденцію захватить весь экономическій оборотъ, что̀ и приведетъ его неминуемо къ сліянію съ гражданскимъ правомъ. Современное торговое право такъ тѣсно связано съ обязательственнымъ правомъ, что отдѣльная ихъ кодификація составляетъ чисто искуственное явленіе.

Существованіе двухъ системъ частнаго права порождаетъ массу практическихъ неудобствъ, изъ которыхъ основная заключается въ трудности разграниченія сферъ ихъ примѣненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Возникающія при этомъ затрудненія приводятъ на практикѣ къ такимъ результатамъ, которые именно хотѣлось устранить созданіемъ особаго торговаго права, къ запутанности отношеній, къ медленности процесса.

Въ пользу введенія у насъ торговаго кодекса выставляются соображенія законодательной политики. Указываютъ, что кодификація гражданскаго права и безъ того достаточно сложная работа, чтобы еще усложнять ее присоединеніемъ новой. Но весьма сомнительно, насколько созданіе одного кодекса труднѣе созданія двухъ кодексовъ, постановленія которыхъ должны быть строго согласованы. Второе соображеніе законодательной политики заключается въ томъ, что торговый оборотъ страдаетъ у насъ отъ невозможнаго состоянія частнаго права. А такъ какъ работа по составленію гражданскаго уложенія можетъ затянуться надолго, составленіе же торговаго кодекса легче и не затрогиваетъ наиболѣе щекотливыхъ вопросовъ, то лучше издать его немедленно, не дожидаясь окончанія работъ по изготовленію гражданскаго уложенія. Съ этимъ взглядомъ нельзя согласиться. Не только торговый оборотъ, но всѣ общественныя отношенія страдаютъ отъ состоянія нашего гражданскаго законодательства. Недостатки его гораздо ощутительнѣе въ сферѣ брачнаго, наслѣдственнаго права, нежели обязательственнаго, потому что ими затрогиваются отношенія наиболѣе дорогія чувству каждаго. Съ другой стороны изданіе торговаго кодекса можетъ показаться удовлетвореніемъ наиболѣе настоятельныхъ требованій жизни и тѣмъ отодвинетъ вопросъ о настоятельности кодификаціи всего гражданскаго права. Чѣмъ ощутительнѣе недостатки дѣй-

СПбГУ

ствующаго права во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе наглядно выступаетъ неотложность предположенной законодательной работы.

По этимъ соображеніямъ слѣдуетъ желать, чтобы при кодификаціи гражданскаго права не увлекались безъ критики примѣромъ Запада, не заслуживающимъ на этотъ разъ подражанія, и сохранили существующее единство въ частномъ правѣ.

Таковы главные вопросы, выдвигаемые предполагаемою кодификаціею гражданскаго права. Существуютъ еще и другіе, менѣе важные, разсмотрѣніе которыхъ не можетъ войти въ нашу задачу. Слѣдуетъ однако обратить вниманіе на одно обстоятельство. Наши гражданскіе законы не составляютъ отдѣльнаго уложенія, а входятъ, какъ часть въ Сводъ Законовъ. Самая мысль соединить все законодательство въ одинъ сборникъ должна быть признана весьма удачной, такъ какъ она облегчаетъ знакомство и усвоеніе всего права, уясненіе соотношенія отдѣльныхъ областей его. Но это обстоятельство можетъ произвести затрудненія при кодификаціи гражданскаго права. Въ виду того, что нынѣ дѣйствующія нормы гражданскаго права разбросаны по всему своду, придется внимательно обозрѣть весь сводъ, чтобы исключить всѣ отмѣненныя статьи. Задача эта нѣсколько затруднится тѣмъ, что многія частно-правовыя нормы соединены съ нормами публичнаго права. Это въ особенности относится ко всему XI тому. Затѣмъ при существованіи полнаго свода систематика заставляетъ отступить отъ пріемовъ, принятыхъ на западѣ. Такъ, постановленія о законахъ, помѣщаемыя обыкновенно въ гражданскомъ кодексѣ, нашли себѣ у насъ вполнѣ соотвѣтствующее мѣсто— въ самомъ началѣ Свода Законовъ, въ т. I. Этотъ пріемъ цѣлесообразенъ и желательно, чтобы онъ сохранился, но можно опасаться, какъ бы необходимость пересмотра всего Свода Законовъ не замедлила такъ долго и нетерпѣливо ожидаемаго гражданскаго уложенія.

Литература. Среди дружнаго хора русскихъ юристовъ, настаивающихъ на пересмотрѣ всего гражданскаго законодательства, рѣзкимъ диссонансомъ звучатъ голоса Любавскаго и Побѣдоносцева, отстаивающихъ неприкосновенность существующихъ законовъ. Любавскій, Юридическія монографіи и изслѣдованія, т. IV, 1878, заявляетъ: «Сказанное ведетъ насъ къ убѣжденію, что не только не представляется основанія измѣнять особенности русскихъ гражданскихъ законовъ, отличающія наше законодательство отъ

иностранныхъ кодексовъ, но необходимо сохранить эти особенности, выработанныя тысячелѣтнею исторіею русскаго народа, вполнѣ соотвѣтствующія національнымъ потребностямъ Россіи и ея народа и правительства» (стр. 26: «Къ отмѣнѣ ихъ не представляется рѣшительно никакихъ основаній: новые суды и адвокаты примѣняютъ законы на практикѣ весьма удачно, не встрѣчая затрудненій; принципы, заключающіеся въ сводѣ законовъ, т. X, ч. 1. благотворны, консервативны и сохраненіе ихъ вполнѣ желательно: на семейное право имѣютъ вліяніе догматы православія, на раздѣленіе имуществъ, на роды и виды—правила уложенія Алексѣя Михаиловича и законы Великой Екатерины; права по обязательствамъ вполнѣ соотвѣтствуютъ современной цивилизаціи» (стр. 27). Это мнѣніе можетъ быть отмѣчено, но не опровергаемо. Если бы не серьезный и убѣжденный тонъ, въ приведенныхъ словахъ можно было подозрѣвать пріемъ ироніи. Побѣдоносцевъ, Курсъ гражданскаго права, выражается осторожнѣе и не такъ угрюмо, но не менѣе рѣшительно.

За самобытность будущаго гражданскаго уложенія высказывались печатные органы по поводу учрежденія коммиссіи 1882 года. Изъ ученыхъ слѣдуетъ указать на Пахмана, Исторія кодификаціи, т. II, стр. 25, который предполагалъ ограничиться историческими началами, выраженными въ Уложеніи 1648 г. Напротивъ Калачевъ, Программа разработки началъ русскаго гражданскаго права по своду законовъ съ его источниками и по судебнымъ рѣшеніямъ (Юрид. Вѣстн. 1868, кн. II, стр. 8), Змирловъ О недостаткахъ нашихъ гражданскихъ законовъ (Ж. гр. и уг. пр. 1882, кн. 8, стр. 70) стоятъ за то, чтобы «среди развалинъ прошлаго найти тѣ изъ правовыхъ положеній, которыя по какимъ либо неблагопріятнымъ условіямъ были, по одной ошибкѣ, не занесены въ послѣдующіе законодательные памятники». Но современный законодатель не призванъ исправлять ошибки прежняго. По ошибкѣ или по намѣренію пропущены положенія, но, если они долгое время не дѣйствовали, они потеряли для настоящаго времени значеніе исторической почвы.

Страннымъ образомъ вопросъ о соотношеніи между общимъ и мѣстнымъ законодательствомъ ставится у насъ непремѣнно на политическую почву. Онъ былъ такъ поставленъ на съѣздѣ русскихъ юристовъ 1875 года въ Москвѣ. Въ одномъ изъ рефератовъ были предложены тезисы: a) необходимо приступить къ составленію новаго гражданскаго уложенія, b) необходимо это уложеніе распространить на мѣстности, состоящія подъ дѣйствіемъ особыхъ правъ. Между тѣмъ Спасовичъ, поддержанный другими, повелъ рѣчь о нежелательности распространенія т. X, ч. 1 на мѣстности, находящіяся подъ дѣйствіемъ лучшаго права! Уклонившіяся въ эту сторону пренія окончились въ пользу мѣстныхъ правъ (Первый съѣздъ русскихъ юристовъ въ Москвѣ въ 1875 году, изд. 1882, стр. 59—97) Даже въ послѣднее время Гуляевъ формулируетъ также спорный вопросъ: «если дѣйствующій сводъ законовъ гражданскихъ отличается несовершенствами и состоялось Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ гражданскихъ законовъ, то позволительно ли требовать, чтобы этотъ сводъ былъ распространенъ и на тѣ территоріи Имперіи, гдѣ дѣйствуютъ мѣстные болѣе полные и болѣе соотвѣтствующіе потребностямъ

СПбГУ

населенія законы?» (Право общее и мѣстное. Учен. Зап. Кіев. Унив, стр. 15) Конечно, непозволительно, но этого никто и не требуетъ. Въ Высочайшемъ повелѣніи 12 мая 1882 года объ учрежденіи коммиссіи послѣдней поручается выработать уложеніе, имѣющее замѣнить собою 1 ч X т. Св. Зак. Конечно, этимъ еще не предрѣшается окончательно вопросъ о единствѣ законодательства. Нерѣшительно высказывается по этому вопросу Филипповъ, О пересмотрѣ свода нашихъ гражданскихъ законовъ (Юрид. Вѣстн. 1882, т. 1 стр. 583) Пахманъ, Исторія кодификаціи т. 2, стр. 27 ставитъ этотъ вопросъ совершенно основательно въ зависимость отъ качествъ будущаго уложенія.

Самымъ горячимъ противникомъ распространенія общихъ законовъ на крестьянъ является Оршанскій, Народный судъ и народное право (Ж. гр. и уг. пр. 1875, № 4), который доходитъ до признанія безусловнаго превосходства народнаго права надъ законнымъ. Правда, что въ основаніи его взгляда лежитъ сопоставленіе защищаемыхъ имъ началъ съ г. X, ч. 1. Представителями противоположнаго воззрѣнія могутъ считаться Табашниковъ Желательное отношеніе будущаго гражданскаго уложенія къ нашему обычному праву (Ж. гр. и уг. пр. 1885, мартъ, критика-Дашковичъ, Будущее гражданское уложеніе и народные обычаи Юрид. В. 1886, № 8); Обнинскій. Опрощенное судопроизводство (Ж. гр. и уг. пр. 1892, февраль); Бразоль Объ упраздненіи волостныхъ и сельскихъ судовъ, 1886,—критика И. Тютрюмовъ, Реформа крестьянскаго суда Юрид. В. 1886, ноябрь). Правильная точка зрѣнія принята Леонтьевымъ, Волостной судъ и юридическіе обычаи крестьянъ, 1895, стр. 39. См. еще предположеніе о подчиненіи крестьянъ обычаямъ и въ общихъ судахъ (Вѣстн. Евр. 1883, т. 2, стр. 384). См еще Гордонъ Прот. юрид. Пет. общ. (Ж. гр. и уг. пр. 1884, № 7 стр. 217).

По вопросу о кодификаціи торговаго права рядомъ съ гражданскимъ мнѣнія раздѣлились. За единство частнаго права, за включеніе матеріала торговаго права въ гражданское уложеніе высказались: Пахманъ, Исторія кодификаціи, т. II, стр. 26, Къ вопросу о предметѣ и системѣ русскаго гражданскаго уложенія (Ж. гр. и уг. пр. 1882, кн. 8, стр. 202), Гельбке, Торговое право и гражданское уложеніе, 1884, стр. 92 (оттискъ изд. ж. гр. и уг. пр.); Гордонъ, Протоколы петерб. юрид. общ. (Ж. гр. и уг. пр. 1884, кн. 7, стр. 198). Противъ этого взгляда: Петражицкій, Введеніе въ науку гражданско-прав. политики (К. У. Изв. 1897, № 9), который предполагаетъ, что духъ торговаго права можетъ оказать вредное вліяніе на гражд. право; Туръ, О планѣ разработки гражданскаго и торговаго уложеній (Ж. мин. юст. 1897. кн. 3). Послѣдній авторъ полагаетъ, что дуализмъ частнаго права свойственъ и дѣйствующему законодательству (стр. 2), но въ то же время полагаетъ, что при распредѣленіи матеріала между двумя кодексами нельзя руководствоваться Сводомъ Законовъ. Онъ предполагаетъ исключить изъ торговаго кодекса, какъ по существу къ нему не относящіеся, вексельный уставъ, торговое судопроизводство, конкурсъ, морское право. Но вѣдь это

СПбГУ

все содержаніе XI, ч. 2 Спрашивается, если все это не относится собственно къ торговому кодексу, гдѣ же основаніе видѣть въ дѣйствующемъ законодательствѣ раздвоенность нормъ и какое же современное русское торговое право замѣнится торговымъ кодексомъ? Къ этому же взгляду примыкаетъ Удинцевъ, Дуализмъ частно-правовыхъ системъ, 1894, стр, 13, Платоновъ Ж. гр. и уг. пр. 1876, кн. 5, стр. 245—248, рец. на Пахмана. Болѣе детальное изслѣдованіе этого вопроса содержится въ моей Системѣ торговыхъ дѣйствій, 1888.

СПбГУ